

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ № 2–2002

СОДЕРЖАНИЕ:

КЛАССИКА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

А.С. ПУШКИН. "Люблю тебя, Петра творенье!.." 3

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Николай КОНЯЕВ. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ..... 4

В. КАЛУГИН, Ю. ВОРОПАЙКИН. ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР..... 58

ТЕБЕ, ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Леонид БЕЛЕНЬКИЙ. Я ВЫШЕЛ В ПЕТЕРБУРГ..... 16

Ирина МИХАЙЛОВА. Вот оно, проходящее чудо..... 17

Ольга МУХИНА ИЮЛЬ..... 18

Александр САМОХИН "Ей нравятся цепи и кожа..." 20

Игорь САФРОНОВ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ..... 23

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Валентин БОГОМАЗ. КИТАЙСКИЙ ТЕРМОМЕТР..... 25

Александр ГАХОВ. ПЕРВЫЙ ПОХОД..... 27

Светлана ЗАВЬЯЛОВА. МЕЖДУ ПОЗАВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА..... 28

Татьяна КОЛЕВА. СЕРЕБРЯНАЯ РОЗА..... 39

Анатолий РОЩИН НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ..... 40

Николай КУКОВЕРОВ. АФГАН ПОЧТИ НЕ ВИДЕН..... 43

Юрий Со (Сорокин). Фрагмент из романа "ГАДЕС" 86

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Григорий АРТЮХОВ. ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ..... 33

Александр ДАВЫДОВ. БИБЛИОТЕКА..... 35

Владимир КОЧЕМАЗОВ. МАШИНИСТКА ПЕРВОГО ОТДЕЛА..... 36

Вера СТЕПАНОВА. "Глагол его предтечи..." 36

Михаил СУХОТИН. ПЕРВЫЙ СНЕГ..... 38

Сергей ФИЛИППОВ. ЖЕМЧУЖИНА ТУМАНА..... 38

Анна ШТЫКАН. "Видела Ангела, он предложил мне крыло..." 38

НЕУВЯДАЕМЫЙ СОНЕТ

Лев ОЗЕРОВ. ЕЩЕ О СОНЕТЕ..... 49

Александр МОРОЗОВ. СЕНТЯБРЬ. (Букет осенних сонетов)..... 50

Татьяна СЕМЕНОВА. "ВЕНИК" СОНЕТОВ..... 52

СТРАНИЦЫ БЫЛОГО

Александр ХЛЕБНИКОВ. СЛОВО О ДОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ..... 54

Аскольд ШЕЙКИН. В МОСКВЕ ГОРЕЛ ДОМ..... 56

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНТРИГИ

Юрий ВОРОПАЙКИН. С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ..... 64

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Татьяна РУДЫКОВСКАЯ. ВАЛЯ И КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ..... 65

Игорь ДЯДЧЕНКО. НА ОЗЕРЕ СУЛЕЙМАН..... 66

В ЛЕГКОМ ЖАНРЕ

Владимир ЖЕЛТОВ. ЭТЮДЫ	71
Валентин ЛЯДАЩЕВ. ИВАН-ДУРАК, ПАРЕНЬ НЕ ПРОСТАК	73
ПРОШКА. <i>(Рассказ)</i>	73

МЕМУАРЫ

Григорий КУШНИРЧУК. В КОНЦЕ ПУТИ. <i>(Окончание)</i>	74
---	----

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Вячеслав КЕРНАСОВСКИЙ. КО ДНЮ СВ. ВАЛЕНТИНА	82
--	----

КАФЕДРА ПЕЧАТИ

Александр АКУЛОВ. СТАТЬИ ИЗ СЛОВАРЯ – ПРИЛОЖЕНИЯ К КНИГЕ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ"	82
---	----

ББК-84
С-18

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ № 2
("РУССКИЙ МИР")
СПб, 2002 г.

Главный редактор – Юрий Воропайкин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Иван Сабилло, Александр Скоков, Татьяна Батурина, Татьяна Семенова, Валентина Полу-
хина (Москва), Иван Сидоров (Калуга), Михаил Калинин (Вологда), Михаил Клепов
(Пермь), Валентин Недригайлов (Оренбург).

Перепечатка разрешена только со ссылкой на журнал "Изящная словесность".

КЛАССИКА НА ВСЕ ВРЕМЕНА**А.С.ПУШКИН**

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой;
Девичьи лица ярче роз,
И блеск и шум и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И, чуя вешни дни, ликует.

**Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...**

Николай КОНЯЕВ

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ. СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ

Женщины Петра Великого

*Пьеса в пяти картинах с прологом и эпилогом
с двумя – мужской и женской – ролями, с голосами за сценой, с шумовыми эффектами.*

ПРОЛОГ

28 января 1725 года

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Посреди сцены огромный трон. Рядом стоит женщина. Это императрица Екатерина Первая. Шатаясь, появляется умирающий Петр Первый. Он в белой ночной рубашке. Понятно, что он встал с постели.

ПЕТР. *(с трудом)* Катеринушка... Друг сердешный...

ЕКАТЕРИНА. *(испуганно)* Господин адмирал! *(бросается к мужу)* Отпустило, Петр Алексеевич?!

ПЕТР. *(опускается на скамью)* Слава Богу, полегче стало, Катеринушка... Видно, смерть скоро... Как ты?! Как дети, потрошонки наши?! Здоровы ли?

ЕКАТЕРИНА. *(Склоняется над Петром и промокает платком пот с его лба)* Старшие здоровы, Петр Алексеевич... И Наталье, слава Богу, вроде полегче стало... Я от нее сейчас.

ПЕТР. *(прислушиваясь)* Войска... Что войска у дворца делают?!

ЕКАТЕРИНА. Войска?!

ПЕТР. Я слышу... Слышу, что полки тут!

ЕКАТЕРИНА. Это гвардия, господин адмирал! Бутурлин приказал преображенцам встать, каб не случилось чего... Я не ведаю, чего опасается... Может, светлейшего князя кликнуть? Он тут... За дверью стоит... Надеется, что позовешь камада старого...

ПЕТР. Гони его прочь, друг сердешный! Сказано было: каб не смел ко дворцу являться!

ЕКАТЕРИНА. Прости, государь, его... Раскаялся светлейший во всех прегрешениях... Второй день от дверей не отходит... Плачет...

ПЕТР. Оставь, Катеринушка... Пустое это, а времени совсем не осталось... Каждому надобно официю свою сполнять! *(с трудом встает и идет к небольшому столу, на котором лежат бумаги)* Подай бумагу мне и чернила!.. А теперь оставь и ты меня, друг сердешный... Пооди прочь... Посмотри, каб не беспокоил никто...

Екатерина выходит. Слышен разговор за сценой:

– Матушка, Екатерина Алексеевна! Сказали ли о сироте вашей государю?

– Сказала, Александр Данилович, токмо пока его величество упрямое от гнева невозможно!

Свет на сцене убывает. Сейчас он сконцентрировался на троне. Там Петр. В руке у него перо, но император ничего не пишет.

ПЕТР. Господи... Кому оставить империю?! Внуку? Алексеев сын продолжит дела мои?! Так неужто дочерям доверить державу или жене? Господи! Пошто испытуешь так? Пошто казнишь так немилосердно?!

Из сгустившихся сумерек, в круг света, выступает женщина в черном. Женщина-смерть сама не говорит ничего – ее нездешний голос звучит из динамиков, и звучит как бы в голове Петра.

ЖЕНЩИНА. А ты не ведаешь: пошто?

ПЕТР. *(Оглядываясь на женщину)* Кто это?! Ты, Катя?!

ЖЕНЩИНА. Не зови ее... У дочери она сейчас, у Наташи... Умирает дочка твоя... С тобою в неблизкий путь снарядилась...

ПЕТР. А ты откуда знаешь? Кто такая?!

ЖЕНЩИНА. Неужто не узнал, Петр Алексеевич? Столько времени рядом провел, столько раз к другим посылал, а как за тобою пришла и не признал... Ты, Петр Алексеевич, не только людей вокруг не видишь... Ладно... Не упрекать я тебя пришла, а вспомнить, чтоб не спрашивал, пошто казнят и наказуют...

ПЕТР. *(Вжимаясь в угол трона)* Я узнал тебя! Это ты! Дуська!

ЖЕНЩИНА. Полно, Петр Алексеевич! Времени уже не осталось... Подымайся!

Петр медленно, с трудом поднимается с трона.

ПЕТР. Куда ведешь, дура старая?!

Женщина отступает в темноту и пропадает.

ГОЛОС ЖЕНЩИНЫ. Сам увидишь сейчас, Петр Алексеевич...

КАРТИНА ПЕРВАЯ**1694 год**

Сцена постепенно освещается. Теперь освещена левая сторона ее. Из темноты медленно проступает простое – деревянная скамья, детская кровать – убранство древнерусского терема.

Свет распространился по всему левому краю сцены, и теперь зрители видят склонившуюся над детской кроватью царицу Евдокию. Она поет...

«Возле реченьки я хожу, молода,
Меня водоньки потопить хотят...
А немилый муж все журит-бранит,
Все журит-бранит, постричь велит...

– Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая!
За пострижение тебе дам сто рублей,
За посхименье дам тебе тысячу!

Я построю тебе нову келейку,
Обобью ее черным бархатом,
Ты в ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися, Богу молитися!

Входит Петр. В руке его сверток. Пока длилась песня с Петром произошла поразительная перемена. Это уже не умирающий император, а молодой царь, у которого все – и Великое посольство, и походы на Азов, и Семилетняя война со Швецией – впереди. Петр молод. Движения – как у подростка, который растет... Или, как у пьяного... Петр все время натывается руками, телом на мебель, на стены... Чуть пошатываясь, он входит в комнату, где над кроватью царевича Алексея склонилась царица Евдокия.

ПЕТР. Значит, спастись решила?

ЕВДОКИЯ. (встает и кланяется мужу) Простите, государь, Петр Алексеевич, женишку глупую... В песне так сказано...

ПЕТР. Не скули! Молиться-то тоже будешь, или это только в песне?

ЕВДОКИЯ. Я, государь, Петр Алексеевич, и без песен за вас молиться повинна... Женишка я ваша...

ПЕТР. Не скули, говорю! Опять с дитем тешкаешься? Чего мамок не позовешь?

ЕВДОКИЯ. Расхворался Алешенька... Весь день плакал, а сейчас заснул, я и отослала мамок... Если прикажете, разбуджу...

ПЕТР. Пусть спит. Затхлый он у тебя растет...

Разворачивает карту и, положив на столик, углубляется в изучение ее.

В наступившей тишине слышны голоса из соседнего помещения. Там разговаривают мамки.

– Дак тое и дело, матушки, что крылья слюдянья должен был изделать мужик и лететь быдто журав! Для того и восемнадцать рублей было от царя Ивана дадено. Дак он крылья издалел, а полететь не схотел!

– А пошто не схотел?

– Дак кто ж знает? Может, Бога испугался, а может, и лень...

– Ле-е-ень?!

– Лень, матушка, лень... Это ведь невеселое дело, крыльями-то махать. Птицы, которы летают, совсем тощие...

– Дак, а чего теперь будет-то с мужиком?!

– Известно чего... Запорют бедного...

– Неужто насмерть?!

– А как же иначе... Непременно насмерть... Иначе нельзя... Восемнадцать рублей – деньги немалые...

– Не говори, матушка, восемнадцать рублей – денги огромные... Не всякая и жизнь столько стоит... Пойти надо... Поглядеть, не проснулся ли царевич наш...

– А сиди ты на месте, матушка, Царица Евдокия Федоровна сказывали, каб не тревожили дите... Надо будет, сказывали, сами кликнут...

– Видно, опять плачут бедные... Все глазоньки, из-за Монсихи проклятой, выплаканы...

ЕВДОКИЯ. (Вздрагивает при этих словах. Испуганно начинает покачивать кровать. Поет). Аю-аюшки-аю...

ПЕТР. (Отрываясь от карты) Что? Проснулся?!

ЕВДОКИЯ. Спит...

ПЕТР. А запела чего?

ЕВДОКИЯ. Забылась, глупая... А на сына вы, государь, напрасно гневаетесь. Вы его давно не видели, Петр Алексеевич... С тех пор, как вы в Архангельский город уехали, он много крепче стал.

ПЕТР. Крепче? (Смотрит на жену и непонятно, то ли разгневан он, то ли нет. Но вот тяжесть сбегает с лица. Петр встает). Крепче, говоришь? Дай-то Бог... Мне, Дуня, крепкий парень надобен. Планы такие огромные, что без наследника никак невозможно. Погляди-ка, чего привез...

ЕВДОКИЯ. (Принимая сверток) А что это, Петрушенька?

ПЕТР. (усмехаясь) А ты сама посмотри!

Евдокия разворачивает сверток, и зрители видят Андреевский флаг.

ЕВДОКИЯ. Это мне?!

ПЕТР. (хохочет) Экая ты дура, Дунька! Что ты, как передник его прикидываешь?! Была бы матрозом, враз бы линьков получила. Это флаг, дура! Под этим флагом наши корабли по всем морям ходить будут. Всякий потентат, Дуня, который едино сухопутно войско имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет! Разумеешь меня?!

ЕВДОКИЯ. Разумею, государь... Дак ты в Архангельску был, флот налаживать?

ПЕТР. Погоди насчет флоту... Покуда первый только фрегат спустили... Но, даст Бог, и сотни кораблей поплывут под нашим Андреевским флагом по всем морям и океанам! Потому и не желаю я, Дуня, чтобы сын киснул! Ты его крепким должна расгитить! Ему флотом командовать суждено, а море слабых не любит!

Обнимает жену, и та, доверчиво и растроганно, прижимается к нему.

ЕВДОКИЯ. Загорели вы, Петр Алексеевич. Экие руки-то стали, быдто у мужика... И поранены-то, все побиты... Разве пристало государю мужиковскую работу делать...

ПЕТР. (Отстраняется от жены) А это ведь, Дуня, я о твоего брата маленько поломал руки. Когда по щекам бил. Этакий неотесанный у вас...

ЕВДОКИЯ. (Зрителю видно, как напряглась она) За что же вы его, Петр Алексеевич, по щекам били? За что сироту милости вашей царской лишили?

ПЕТР. А он не сказывал тебе, что за ссору с Лефортом бит? За вашу лопухинскую кичливость и глупость!

ЕВДОКИЯ. Нешто Лефорты вам родственников дороже, Петр Алексеевич?

ПЕТР. Мне, которы с умом, те и родственники! И если и ты дурость тоскливую не оставишь, тоже чужой объявлю! В монастыре посидишь, другие песни запоешь...

ЕВДОКИЯ. Совсем я не любя вам, Петр Алексеевич... Приворожила Монсиха вас... Нешто не видите, что это Меншиков да Лефорг против нашей семьи мудруют? Околдовали вас кабацкой дочкой! А у ей, говорят, душа черная, кожа липкая...

ПЕТР. Дура ты дура, дура душная! Душно мне от тебя, Евдокия! Щеки клоквенно нарумянишь и сидишь в терему... Хотя бы ты по-немецки говорить научилась, не так противно было бы глупство твое слушать!

ЕВДОКИЯ. Где же еще сидеть мне, кроме как в терему?! Нешто царевой жене пристало по гостям ездить? Петр Алексеевич! Государь великий!!! Сказывал Святейший патриарх, что не будет у нас порядку, покуда произрастают безбожие и гнусные латинские ереси! Нешто вы не видите, куды заманивают вас, чтобы душу выгрызти! Верные люди сказывают, что у Монсихи этой три кровати в терему. На одной с вами тешится, на другой – Лефорга принимает, а третья – для Меншикова налажена. А вы ей парсуну свою, бриллиантами осыпанную, поднесли!

ПЕТР. Я тебе тоже поднести могу! (*Бьет Евдокию по щеке, и она падает возле кровати*) Ты Анны моей не смей касаться! Ты только плакать знаешь, а у Анны все звонко! Все есть: и ласка нежная, и слово шутивное! Душно мне от вас, Лопухиных, а от ее – прохлада! Я тебе правду говорю. Коли не умеешь разогнать досаду – пойди прочь! Но я тебе не позволю человечество безобразить!

ЕВДОКИЯ. Нешто не безобразие Россию так, прости Господи, передельвать? Чем старина наша поперек стала? Ты, Петр Алексеевич, в этих немцев больше, чем в Бога веришь...

Петр хватает лежащую на лавке черную тряпку и бросает в лицо Евдокии. Тряпка разворачивается и оказывается монашеской рясой.

ПЕТР. Все! Не стало больше моего терпения! Пошто не в монастыре ты?! Зачем повеления моего не исполнила?! Кто удержал от этого?! Семья?! На дыбу подниму злоумышленников!!!

ЕВДОКИЯ. Семья? Вот он меня удержал! (*указывает на кровать сына*) Он и есть злоумышленник главный, как ты говоришь! Неужто и его подымеешь на дыбу?! Откуда, Петр Алексеевич, в тебе на родное столько злобы?!

ПЕТР. А ты видела, как у алтаря стрелец десятилетнему отроку к горлу нож приставляет?!

Тащит кровать на себя, Евдокия пытается удержать ее, но Петр пересиливает ее. Слышен плач проснувшегося царевича Алексея... Свет на сцене убывает. Пропадает в темноте, прикрытая черной рясой, Евдокия.

На авансцене, залитый кровавым светом стрелецкого восстания, стоит Петр. Вид его страшен – глаза дико вращаются. Плач царевича Алексея постепенно превратился в крики взбунтовавшихся стрельцов. Из общего шума выделяются голоса:

- Матвеева подавай!
- Нарышкина-а!
- Дохтуров Степана жидя да Яна!
- Языкова-кровопийцу отдайте!
- Матвеева рвите, крещеные!

– Не пустим Петрушку Нарышкинского на трон! Ивана царем желаем!

– Оба пускай правят!

– Столб, братцы, нехай на Красной площади ставят!

Петр стоит посреди этих криков. Кулаки сжаты. Преображенский мундир скинут, и снова на Петре, как в начале пьесы, белая, распущенная до пола рубаха. Монолог звучит прямо в зрительный зал.

ПЕТР. Вот какова эта твоя кровожаждущая саранча есть! Помысля о них, заснуть не могу! Все уды во мне трепещут! Огнем выжечь! Ножом вырезать заразу эту! Площади московские кровью отмыть! Ивана Михайловича Милославского гроб вырыть и на свиньях в Преображенское привезти! Поставить под плахами, каб кровь на него стекала! Стены кремлевские трупами позавесить!!! Коли власть Богом дана, искоренять зло надобно, а не распложать по городам державы. Нет опасней для нас врага, чем мы сами! И каб вы человечество не безобразили, подарочек вам привезу из Европы... Колесовать смутьянов будем, чтобы остальные в сознание пришли! Ко-ле-со-вать!!!

Петр делает несколько неверных шагов по сцене и – в беспамятстве! – падает на трон...

КАРТИНА ВТОРАЯ. НАЧАЛО 1698 год

Кроме трона освещена теперь правая часть сцены. Здесь стоит изящный столик, два кресла. Трюмо. Перед трюмо – пуфик. Все изящно, красиво, женственно. Это будуар куртизанки, фаворитки царя Анхен. Сцена пуста. Из-за сцены доносятся голоса.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. В прошлый-то раз, когда я шубу венгерску Анне вашей носил, в спальне кровать видел. Занавески золотые.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Это ты, господин Фланк, другую кровать видели. Господина Лефорта... А государь не в той спальне опочивают...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И как вы не скрываете это, госпожа маман Монс?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Не велика и тайность, господин Фланк... Об этом вся немецкая слобода осведомлена. Господин Лефорг потому и сделали нас соучастниками своего счастья, что Анхен полюбила.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Великий человек – господин Лефорг. Государь русский в них души не чают, как и в Меншикове.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Не, господин Фланк... Меншиков не бывал тут... Анхен и близко его к себе не подпускает.

Неспешная беседа прерывается. Слышно, кто-то зашел в соседнюю комнату. Звонко звучит пощечина.

МОЛОДОЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Это есть подарок тебе, господин Фланк, чтобы ты кровать моя не смел разглядывать. А это... (*Снова звучит пощечина*) Это тебе, маман, чтобы язык в закрытом рту держала. Давай письма, дурак, и прочь ступай. А ты, маман, останься!

На сцене появляется молодая женщина. Это та же актриса, что играла Евдокию. Но сейчас она так кокетливо-вертлява, что ее невозможно узнать. В руках Анхен письма. Присев к трюмо, она раскрывает один конверт.

АНХЕН. (*читает вслух*) «Милая сестра! Австрийский посланник Гварьент, встретив меня и не

зная, что я твой брат, долго рассказывал мне, что царь Петр против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия еще одержим прежнею страстью, и тот час по приезде, посетил немку Монс... Ах, майн либер систер! Я, кажется, немощно ревную тебя к нашему государю...» (*Анхен смеется. Вскрывает с публика и, отбросив письмо, кружится по комнате*). Маман! Какой сегодня слышала новость?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Все про царицу говорят, майн тохтер... До того в монастырь идти не хотела, что государю на нее ногами пришлось топтать. Ужасно рассердился. «Почему, – говорит, – повеления не исполнила? Почему не в монастыре?! Кто тебя удерживал?» А царица оправдываться стала, будто не знает, на кого ребенка оставить... Так царева сестра Наталья вырвала тогда из рук у нее Алексея, и в карете своей в Преображенское увезла. А царица без чувств свалилась. Так и свезли в монастырь...

АНХЕН. Какой дикая страна! Почему здесь не живут, как в Европе? Ты читала письмо Виллима, маман? Он очень Европу хвалит... Зачем мы уехали сюда, если там так хорошо?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Кто мы были на Родине, тохтер? И кто мы здесь? У нас появился теперь маленький гешефт... Всем приказам велено касательно наших имений особые экстракции делать, и в делах нам всякое содействие оказывать...

АНХЕН. (*Рассеянно, она уже углубилась в чтение другого письма*) Все равно я Питеру велю культуры завести... (*возмущенно*) Что это такое? «Простите великодушно, госпожа Монс, но okazji передать государю твое прошение о пожаловании тебе сельца из дворцовых волостей не было...» Чьто? Ну, коль так, я сама оказию отыщу, письмо передать...

Встает и начинает читать письмо вслух. Но читает с такими ужимками, с таким придыханием, с такой страстью дрожащей в голосе, что кажется, будто читает нечто фривольное и неприличное...

АНХЕН. «О, благочестивый и великий мой государь Питер Алексеевич! Ты, государь, поволит приказать Федору Алексеевичу Головину выписать меня из дворцовых сел волость, и Федор Алексеевич, по твоему государеву указу выписав, послал к тебе, государю, через почту, но о том твоего государя указу никакого не учинено... Умилившись, государь...» (*Прерывает чтение, не умея справиться со смехом*) Ты слышала, маман?! Как тебе моя оказия нравится?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. О, майн тохтер! Это есть бесподобно... Но сюда едут... Государь едет, Анхен!

АНХЕН. Поди прочь тогда!

Прячет письмо в лифчик, подбегает к зеркалу и пудрится. В это время Петр медленно поднимается с трона и идет, проходя через авансцену, на половину Монс. Анхен уже приготовилась к встрече. Она сидит на пубике, томно склонив головку.

ПЕТР. Анхен! Что с тобою, душа моя? Ты не больна?!

АНХЕН. Ах, Питер! Это ваши стрельцы меня напугали, когда в Кукуй рвались, чтобы убить нас... Я до сих пор не могу от страха опомниться... Я одна была с маман, и никого не было, чтобы защитит... (*плачет*).

ПЕТР. Не бойся, милый друг... Не дрожи... Теперь я с тобой... Теперь пускай другие дрожат... Теперь им так будет, как они и не чают!

АНХЕН. Ты меня защитишь?! Ты не боишься этих злодеев? Правда, Питер?

ПЕТР. Не бойся и ты, Анна! Все будет, как я сказал! Главные смугляны уже облихованы кнутом, а завтра, коли Бог даст сил, и настоящий разговор с ними начнем...

АНХЕН. Ты так много работаешь, Питер... Отдохни со мною... Сними кафтан, он у тебя кровью пахнет... Садись к столу... Я тебе играть буду!

Стягивает с Петра преображенский мундир, усаживает царя за стол. Сама успевает включить заводную музыку, присест на колени Петра, отпить глоток из его бокала. Но вот снова вскакивает и танцует с петровским мундиром под звуки механической шарманки. Приблизившись к краю сцены – это видно зрителю! – засовывает в карман письмо, которое только что с придыханиями и ужимками читала. Мундир она набрасывает на спинку кресла, стоящего почти на авансцене.

ПЕТР. Анхен! У меня от тебя в носу щекочет!

АНХЕН. Ах, Питер! О, майн либер потентан!

Подхватывает Петра, и они вместе движутся в танце.

ПЕТР. Анхен, милая! Ты – чудо! Зубки у тебя остренькие, беленькие! Глазки ясные! Сама, как перышко легкая! Коли у вас во Фландрии все такие, я согласен лучше плотником у вас быть, чем царем здесь!

АНХЕН. Ах, Питер! Ты совсем пьяный, твое царское величество всея великия и малыя Руссии... Вот оказывается зачем ты в турне ездил... Чтобы своей маленькой Анхен делать измену? Я опять плакать стану...

ПЕТР. Анхен! Зачем тебе плакать? Не огорчай меня! Я ведь специально брал твоего брата Виллима, каб он тебе докладывал... Ты знаешь, Анхен, он так похож на тебя, что я полюбил его!

АНХЕН. Полюбил?! Ты, Питер, полюбил его сильнее, чем меня?! Вот видишь! Я так и знала, что ты с Виллимом обманываешь меня! Вы мужчины все такие! Ах, Питер! Если бы у меня были крылья. Я бы и в Амстердаме вокруг тебя летала и никого, даже моего брата Виллима не подпускала к тебе!

Поворачиваясь в танце, Анхен становится все более и более соблазнительно обнаженной. Это такой танец – раздевания.

ПЕТР. Анхен! За что я и люблю вас, Монсов, что вы люди, а не рабы! Хочу, каб и все такими были! Поехали на ассамблею, Анхен! В маскерад!

Подхватывает Анхен на руки и бросает за трон, а сам наваливается на нее. Видны только их руки.

АНХЕН. О, Питер!

ПЕТР. О, Анхе-ен!

АНХЕН. Если бы я была птицей, Питер, я прилетела бы к тебе, так тосковало мое сердце в разлуке.

ПЕТР. О, Анхен!

АНХЕН. Питер!

Свет начинает пульсировать. Все больше в нем кровавого, багрового. Сцена – будуар Анхен и трон Петра – погружается в темноту. Откуда-то со стороны скрипуче и равнодушно звучит голос приказного дьяка...

ГОЛОС ДЬЯКА. А у пущих воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами: и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах немного не сутки, и на тех колесах стонали и охали...

А 11 октября великий государь приказали предать лютой смерти еще 144 стрельцов...

А 12 октября казнено еще 205 стрельцов...

А 13 октября казнили 141 стрельца...

А 17 октября казнили 109 стрельцов...

А 18 октября 63 стрельцов казнили...

А 19 октября 106 стрельцов казнили...

А 20 октября никого не казнили, только пытали многих.

А 21 октября 195 стрельцов повешено перед кельей царевны Софьи в Новодевичьем монастыре. Трех великий государь приказали повесить прямо под окнами сестры. И в руки мертвецов челобитные, писанные к царевне, всунуть. И висеть приказано было трупам, покуда не истлеют и не сорвутся. А когда сорвутся, укрепить и снова повесить...

Из вспышек пульсирующего света на авансцене появляется Петр. В одной руке у него кнут, в другой – клещи. Рубаха покрыта пятнами крови. Взгляд безумен. Только сейчас становится понятно, что заполняющие зрительный зал крики несутся не из уст любовников, увлеченных любовной оргией, а из застенка, где идет жесточайшая пытка.

ПЕТР. Богу известны сердце и совесть моя, koliko соболезнования имею о подданных и сколько блага желаю Отечеству. Неужество, коварство, упрямство ополчились на меня, с того самого времени, когда полезность в государстве вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии-то суть тира-ны, а не я! И с ними один разговор у меня! На дыбу их! На дыбу!

КАРТИНА ВТОРАЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

1704 год

Страшный, облитый кровавым светом стоит Петр перед залом, а за спиной его – уже не крики и стоны, а веселая музыка ассамблеи. Петр стоит на сцене с письмом в руке. Читает его, но тут же сдавливает руками виски и крутит головою. Письмо он скомкал в руке. Из темноты появляется женщина в черной маске. Она подкрадывается сзади и зажимает Петру ладонями глаза.

ПЕТР. Кто это?!

ЖЕНЩИНА. (игриво) Угадай: кто?

Петр не расположен играть. Резко оборачивается и срывает маску с лица женщины. Это Анхен.

ПЕТР. Ты?!

АНХЕН. Что с тобой, Питер?! Вы опять в застенки гулять ходили? У вас вся рубаха в крови...

ПЕТР. На войне тоже кровь проливают, не только в застенке. В Шлиссельбурге я, Анна, был...

АНХЕН. В Шлиссельбурге? А что делал в Шлиссельбурге ваше величество?!

ПЕТР. Шведов бил... А ты чего ассамблейный регламент нарушаешь, чего не танцуешь, как приказано?

АНХЕН. Я приглашаю вас на танец, государь мой!

ПЕТР. Отчего же не станцевать... Поддай мундир!

АНХЕН. (Снимает со спинки кресла, стоящего на авансцене, преображенский мундир. Одновременно вытаскивает из лифчика письмо и роняет на пол). Подожди, Питер! Из тебя что-то упало...

ПЕТР. Что это?

АНХЕН. Я посмотрю сейчас... Наверное, от лубки тебе оказия какая!

ПЕТР. Дай сюда!

Выхватывает письмо и разворачивает. На лбу – предвестник близкого гнева! – залегает поперечная морщинка. Но тут же разглаживается. Стоя лицом к зрительному залу, Петр недобро усмехается и, скомкав, прячет письмо за обшлаг. Сам разжимает руку и держит письмо, которое читал в самом начале сцены.

ПЕТР. Так это же от тебя письмо, Анхен!

АНХЕН. От меня?! А зачем оно здесь?

ПЕТР. А мы сейчас узнаем...

АНХЕН. Нет, Питер! Нет! Если это мое письмо, разреши своей маленькой Анхен забрать его.

Протягивает руку к письму, но Петр хватает ее за руку и принуждает танцевать.

ПЕТР. А вдруг там интересное что-нибудь?

АНХЕН. Питер, если ты на меня не сердись, разреши я сама почитаю тебе эту оказию.

ПЕТР. Сделай одолжение... Прочти...

Разговор идет во время танца. Танец продолжается.

АНХЕН. Ты слушаешь, Питер, свою маленькую Анхен? (Делает поворот).

ПЕТР. (Тоже поворачивается) Слушаю...

АНХЕН. (Танцуя, разворачивает письмо) Любимый мой человек, господин посланник! Если бы я была птицей, прилетела бы к тебе, так тоскует мое сердце в разлуке. Маман остерегает меня от переписки с тобою, но я так люблю тебя, что мне легче потерять расположение и милость государя, чем...

Наконец, до Анхен доходит, что она читает совсем другое, а не то, которое подсунула, письмо. Она испуганно замолкает и отступает в танце, но Петр жестко поддерживает ее.

ПЕТР. Что замолчала? Разобрать не можешь своей писанины?!

АНХЕН. Откуда у вас это письмо, Питер?

ПЕТР. (Заставляя ее продолжать танец) Я тебе новость собираюсь сообщить, душа моя...

АНХЕН. Какую новость?

ПЕТР. Плохую, Анна... Готова ли ты выслушать ее?

АНХЕН. У тебя беда, Питер? На войне неудачи?

ПЕТР. Нет, Анна... У меня изрядно все... И кумпанья, слава Богу, благополучно протекает... А вот в Шлиссельбурге зело несчастливый случай учинился. Не слыхала еще?

АНХЕН. Нет, Питер... Не слышала ничего. Что приключилось?

ПЕТР. Дохтор Лейл, а потом саксонский посланник утонули там.

АНХЕН. Кеннигсек утонул?!

ПЕТР. Утонул, Анна... А в кармане, когда тело из воды вынули, письмо обнаружили...

АНХЕН. Письмо?!

ПЕТР. Чаяли мы в его бумагах сведения о союзе саксонцев с Августом отыскать, а отыскались сведения о твоем союзе с Кеннигсеком.

АНХЕН. Каком союзе, Питер?

ПЕТР. Письмо, которое ты в руках держишь, из кармана Кеннигсека вынуто... Твое письмо это?!

АНХЕН. (как эхо) Мое?

ПЕТР. Не знал я, что ты замуж собравшись... Не ведал...

АНХЕН. (Вскрикивает от боли, так больно сжал ее Петр) Питер! Но ведь ты сам говорил, что я вольна распоряжаться собою...

ПЕТР. Я говорил?! Да... Говорил! (с силою отталкивает от себя партнершу так, что та отлетает

к краю сцены) Я говорил, что царя любить – надобно царя иметь в голове! Понятно?!

АНХЕН. Питер!

ПЕТР. Я не Питер тебе отныне, а государь – Петр Алексеевич!

АНХЕН. *(ей с трудом удается устоять на ногах)* В ответ, государь Петр Алексеевич, я тебе такую резолюцию дам... Про меня все тебе известно есть, и потому ты и любил меня, а не законную супругу свою. Я такая, как есть... Чего теперь хочешь от меня другого?

Слова эти совпадут с фигурой танца, когда партнерша должна протянуть руку партнеру, а тот должен склониться и поцеловать ее.

ПЕТР. *(кланяется и целует руку Анхен)* Прости, любезный друг... Ты правильно заметила – я виноват... Но дело в том, что я исправляю подданных своих, а самого себя не могу исправить. И не потому, что руки не доходят, а проклятая привычка, несчастное воспитание виной... По сю пору преодолеть его не могу, хотя и помышляю о том... Эх, Анхен! Я тебя за умную женщину почитал, а ты такого пустяка не поняла, что я живота своего не жалею, так неужто тебя жалеть буду?

Петр взмахивает рукою, отстраняя Анхен, и та, повиная хореографии танца, отступает назад в темноту, сгущающуюся в глубине сцены. Оттуда возникает Женщина в черном. Петр не замечает подмены.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Не будешь жалеть... Ты и страну, государство свое не жалел.

ПЕТР. Ложь! Лжу говорят, будто я повелеваю рабами, как невольниками! Нет! Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам! Сии указы содержат добро в себе, а не вред государству! Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох! Да... Знаю я, что назовут меня жестокосердым и мучителем, однако, так говорят только чужестранцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я многие годы находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для Отечества! Это они сами и принудили меня поступить с ними со строгостью, но не жестоко, и мене еще мучительно! Всегда говорил я, что надлежит знать народ, коим поставлен ты управлять. И у меня всегда порядок был заведен, каб усматривающий вред и придумывающий добро говорить мог без боязни... И по сей день полезное я рад слушать и от последнего своего подданного. Руки, ноги и язык не скованы, а доступ до меня и по сей день свободен, лишь бы не отягчали бездельством и не отнимали времени, которого всякий час мне дорог! И пусть злодеи недовольством пышут. Закон им – узда! Но тот, кто не творит зла, кто послушен добру – свободен! Не сугублю рабства через то, когда ощущение упрямых исправляю, когда дубовые сердца желаю видеть мягкими...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ 1709, 1715 годы

Петр, продолжая свой монолог, отступает вглубь сцены, садится в кресло у стола. Он продолжает говорить, перебирая бумаги. Свет прибывает и становится видно, что Петр не один. У зеркала, спиной к зрителям, сидит женщина. Она причесывается. Петр говорит сейчас с нею.

ПЕТР. Да, милая моя, зело тяжело жить мне, ибо левшою не умею владеть. В одной правой руке понужден держать шпагу и перо. А помочников сколько – сама знаешь... Потому и страдаю за Отечество! Желая ему полезное, но враги демонские пакости деют! Труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо... Един Бог зрит правду! Если Он продлит мою жизнь и здравие, Петербург будет другой Амстердам! А кому, скажите мне, хотя бы во сне снилось двадцать лет назад, что мы у Ост-Зейского моря будем плотничать в одеждах немецких, и такой город воздвигнем?

ЖЕНЩИНА. Никто такого не мог знать, господин полковник...

Поворачивается к Петру, и зрители видят, что это не Евдокия, не Анхен, а царица Екатерина, хотя и играет ее все та же актриса.

ПЕТР. Слушай, Катеринушка, чего Меншиков пишет... Они там донесение прусского посланника нечаянно перехватили... Оказывается, Кейзерлинг этот, как и Кенигсек... Ну тот, который утонул в Шлиссельбурге... Так вот, Кейзерлинг тоже к девице Монс сватается... И какая любовь у них... Слушай... Это он сам пишет... *(читает)* «Вчера же перед началом попойки я в разговоре с князем Меншиковым намекнул, что обыкновенно день веселия бывает днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса Виллима...» Это он за брата невесты своей хлопочет... Вот какая у немцев любовь бывает сильная...

ЕКАТЕРИНА. За Виллима Монса и другая сестра его хлопочет... Матрена Ивановна Балк...

ПЕТР. А ты откуль ее знаешь?

ЕКАТЕРИНА. Ваше величество сами изволили меня в Эльбингенгене в ее дому поселить... Она тоже за брата просит...

ПЕТР. Знаю я Виллима... Его и без протекции принять можно – такой немец изрядный... Он меня еще в великом посольстве сопровождал, и я им изрядно укотентован... *(Быстро просматривает письмо)* Нет, какой однако враль этот Кейзерлинг! Он пишет, будто я говорил ему, что воспитывал девицу Монс для себя с искренним намерением на ней жениться, но поскольку он, Кейзерлинг, прельстил ее, теперь ни о Анхен, ни о ее брате ничего не желаю слушать... А дальше-то, дальше... *(читает)* «Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс, действительно, подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал...» Это когда же Александр Данилович брякнуть такое мог? Знаю, что заради мошны готов и голову сложить, но ради бабы?!

Поперечная морщинка – предвестник приближающегося гнева! – перерезает лоб Петра, но Екатерина быстро подходит к государю. Обнимает, прижимая его голову к своей груди.

ЕКАТЕРИНА. Полно, государь, такие неприличные подробности про несчастную девицу перебивать... Отпустили бы ее замуж за фон Кейзерлинга, коли тот берет... А Виллима на службу свою возьмите... Никто не осмелится тогда в вашей милостивости усомниться...

ПЕТР. Поздно ты, мудер, совет принесла... Лейб-гвардейцы Меншикова жениха с крыльца спустили, и взащей через весь двор гнали до коляски...

ЕКАТЕРИНА. Добро ли будет, что с посланником, как с последним мужиком обошлись?

ПЕТР. В самый раз... Король прусский знает, за что его посланников в сознание приводят. Злодей король этот, хоть и потентан! Советует мне, каб я все земли, у шведов взятые на войне, назад вернул... В уме ли, спрашиваю, король будет? Воистину говорят, что иным потентанам только на то и требуется голова, каб корону носить. Другого головой не знают ничего делать...

Зрители должны видеть, что Петр сейчас на самой границе припадка гнева. Екатерина успокаивает его, ласково поглаживая по голове...

ЕКАТЕРИНА. Устали, государь Петр Алексеевич...

ПЕТР. Устал, matka, устал... Чаю, быть пленником любовницы хуже, чем пленником на войне. У неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны. *(Отстраняется от Екатерины)* Значит, простить, советуешь?

ЕКАТЕРИНА. Простить...

ПЕТР. Добро... Пускай по-твоему, мудер, будет... Что в тебе дорого... Ты одна без страха в глаза мне смотришь, когда я гневен. За это и люблю тебя!

ЕКАТЕРИНА. Это только другие думают, что я без страха смотрю в глаза вам, Петр Алексеевич...

ПЕТР. *(Обнимая ее)* А сама ты, мудер, что думаешь?

ЕКАТЕРИНА. Я думаю то, что то, что я думаю, вашему величеству лучше, чем мне известно...

Свет убывает, скрывая сцену, скрывая Екатерину. Петр стоит на авансцене. Он в луче прожектора. Вокруг, нарастая, ширится шум битвы. Лязганье сабель. Бой барабанов. Раскаты орудий...

ПЕТР. Хочу, каб ведало российское воинство, что оной час пришел, которой всего Отечества состояние положил на руках ваших: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России...

Хочу, каб ведали все, что ради благополучия государства и я, и вы, и солдаты жизни не щадили! Сия пуля *(взмахивает простреленной шляпой)* была жребием моей смерти! Десница Вышняго сохранила меня, чтоб спасти Россию и усмирить гордость брата Карла. Благодарю Бога – теперь бремя тяжкое с наших плеч свергнуто!.. Сия баталия – счастье наше! Она решила судьбу обоих государств. Тако судил Промысел возвысить славою Отчизну мою, и для того произносить будем благодарение наше Богу в день сей на вечные времена!

КРИКИ. Виват! Виват!

ПЕТР. И к царевичу Алексею напишите, что о сей у нас неслыханной новине воздаем мы должное благодарение Богу... А господ министров и всех наших сею викториею поздравляем!

КРИКИ. Виват! Виват! Виват!

Уже не шум битвы вокруг, а веселье голоса застолья.

ПЕТР. Господин фельдмаршал, Борис Петрович! Прошу тебя, дабы рекомендовали вы государю нашему, князю-кесарю Федору Юрьевичу Ромадановскому, о моей службе, чтоб пожаловал за оную меня чином рыр-адмирала, а здесь, в войску, учинил мне чин генерал-лейтенанта!

КРИКИ. Виват Петру Алексеевичу! Виват государю нашему!

ГОЛОС. За ваши храбрые кавалерийские подвиги, государь Петр Алексеевич, и в делах воинских мужественного искусства, иным таким же подвиза-

телям во образ, вашу милость из прежнего полковничья чина повышением чинов у морского царского величества флота арир-адмиралом, а на сухом пути у лейб-регимента Преображенского ранг иметь старшего генерал-лейтенанта удостоили и учинили!

ПЕТР. А о Петре ведайте, что Петру житие свое недорого. Только бы жила Россия, ее благочестие, слава и благосостояние!

Весь монолог Петра, перебиваемый криками «Виват!», произносится в освещении, которое вызывает ассоциации с победными салютами и фейерверками. Но постепенно разноцветье огней гаснет, стихают победные крики. Петр один на авансцене. Где-то зади, в сумерках сцены, женщина.

ПЕТР. Опять ты? Что теперь я должен отвечать тебе? Ты видишь сама, что сотворено нами! И надобно было для этого твердость проявить... *(берет в руки тяжелый маршальский жезл. Держит его как дубинку в руке.)* Надлежало пытаться из беснующихся в недовольстве реформами нашими выгонять беса палкою или кнутом! Хвост кнута длиннее хвоста чертовского! Им и искореним недовольство из народа!

Женщина делает шаг к Петру, и Петр отступает, но тут женщина вступает в круг света и видно, что это – Екатерина...

ЕКАТЕРИНА. Прошу, государь Петр Алексеевич, обороны... Защити меня, батюшка, от Пиотрушки нашего! *(Прижимает свободную руку Петра к своему животу)* Слышишь, как он, разбойник, ногой лягает?

ПЕТР. *(Обнимает Екатерину)* Мудер... Друг сердешный... А у меня тоже подарок для тебя... Поздравляю, что генеральшею теперь стала, ибо супруг твой в генеральское звание пожалован!

ЕКАТЕРИНА. Спасибо, батюшка... Сколько же можно в полковницах сидеть? Мне и фельдмаршальшей не мешает быть, столько уже супругом побед на суше и на море одерживано есть.

ПЕТР. С фельдмаршалством погодить надо, мудер... Тесно в фельдмаршалах сейчас. Каждый денщик в фельдмаршалы просится. Не глядят, что государь за столько лет только до генеральского чина дослужился... Ты погоди, мудер, Пиотрушку рожать... Вначале мундир генеральский справим...

ЕКАТЕРИНА. Как скажете, Петр Алексеевич... Я во всем вам да Пиотрушке вашему повинуюсь... Прошу вас, Петр Алексеевич, рюмку крепьша за здоровье новой генеральши откушать.

ПЕТР. *(Перед тем, как сесть, кладет на стол фельдмаршальский жезл.)* Я испытание теперь претендентам на фельдмаршалство учиняю... Поноси, говорю, жезл, который у меня неразумно просишь... И что ты думаешь, мудер? Мало кто поднять его может...

ЕКАТЕРИНА. *(Возится в стороне, расставляя на подносе графинчик, кубок)* Вот как?

ПЕТР. Так, мудер... Звание просит, а жезла удержать силы не достает. Тяжел жезл... А должен быть еще тяжелее... Кабы знали, каково в фельдмаршалах быть...

ЕКАТЕРИНА. *(Подходит к столу с подносом в руке)* Разрешите, любезный супруг мой? *(Свободной рукой легко перекладывает фельдмаршальский жезл в сторону и ставит на стол поднос)* Откушайте крепьша, батюшка!

ПЕТР. *(Хватает ее за руку)* Вот кому, мудер, надобно в фельдмаршалах быть...

ЕКАТЕРИНА. У тебя, супруг мой, хоть в портомойках, хоть в фельдмаршалах согласная быть... Разве только засчитаешь, что это Пиотрушка твой в фельдмаршалы поступил...

ПЕТР. Пиотрушке нашему, как и отцу его, императорская оффиция суждена...Корону носить – тоже сила потребуется...

ЕКАТЕРИНА. Ой! *(Хватается за живот)* Это опять меня Пиотрушка лягнул... Наверно, сказать хочет, что корону носить и постарше у вас, государь, сыновья имеются...

ПЕТР. Эх, мудер... Кабы способным Алексей к царствованию был, разве бы стал я душу терзать из-за него?! Сколько раз объяснял ему, что он мало радости получит, коли не станет следовать моему примеру! Сколько раз говорил, что он должен любить все, что служит к благу и чести Отечества – всех своих верных советников и слуг, невзирая на то: свои они или чужие!

ЕКАТЕРИНА. А ты еще раз, батюшка, объясни со строгостью и терпением...

ПЕТР. Много раз, Катеринушка, говорено было, что коли мои советы разнесет ветер, и он не захочет делать того, что я желаю, то не признаю его своим сыном... И ведь вроде и разума Бог не лишил его, а все равно, как нелюдь какой-то живет... Даже немцев не любит!

ЕКАТЕРИНА. *(С горечью)* Кабы только немцев... Он и к сестрам своим, потрошонкам нашим, симпатии не выказывает! Боюсь я, государь, будет ли он Пиотрушку за брата признавать...

Садится к зеркалу, спиною к зрителям, и начинает поправлять макияж и прическу.

ПЕТР. *(Вставая)* Для этого и говорю тебе, мудер, каб двор себе завела... Тогда дочери наши, коли сироты останутся, лучше могут житие иметь!

ЕКАТЕРИНА. Возможно ли жене противу супруга роскошнее житие иметь?

ПЕТР. Эка и ты, мудер, дура порою бываешь! Я – государь природный! Как хочу, так и живу... А ты солдатами нашими в плен взятая у шведов... Тебя Шереметев с Меншиковым держали... Тебе обрамление теперь требуется, чтобы государынею признали. Двор, мудер, заводить надо! Мне и денщиков достаточно, а тебе и фрейлины и камерюнкеры требуются!

ЕКАТЕРИНА. *(Занимаясь своей прической)* Как скажешь, государь мой... Ради тебя, батюшка, ради дочерей наших, а главное ради Пиотрушки, я на все согласная...

ПЕТР. *(Просматривая список)* Вот... Меншиков написал тут, кого из приближенных ко двору своему взять можешь...

ЕКАТЕРИНА. Ты такую хочешь видеть меня, Петр Алексеевич?

Поворачивается к Петру. Зрителей должна поразить перемена, произошедшая в ней. Только что на сцене была любящая жена, хлопотливая мать... Сейчас – императрица...

ПЕТР. Катеринушка! Друг мой! Воистину, дивная в тебе способность в царицу превратиться!

ЕКАТЕРИНА. Ты из царя в плотника превратился, государь мой... А мне, видать, из портмоек в царицы назначено превратиться... *(берет листочек из рук Петра)* Я, супруг мой, уже и буквы некоторые

разбирать могу... Виллим Монс... Куды его светлейший князь определить хочет?

ПЕТР. В камергеры к твоему Двору...

ЕКАТЕРИНА. Это тот Монс, который из Монсов твоих?

ПЕТР. Тот... Я говорил, что его добро знаю, как и сестру его покойную... Пусть служит... Я им изрядно укотентован...

Проходит к трону и опускается на него.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

1718 год

Розыск по делу царевича Алексея. Петр, сидя на троне, в рубахе, залитой кровью, слушает, как читается приговор по делу царевича. Унылый голос дьяка заглушается порою ударами кнута, стонами, хрустом ломающихся костей. Петр с болезненным и жадным любопытством вслушивается в эти звуки. Ноздри его трепещут. Постепенно, в такт страшной музыке застенка, начинает пульсировать, набирая силу, свет.

ГОЛОС. И хотя мы многократно ласкою и сердцем к тому приводили...*(Слышен удар кнута и крик)* И для того во многи компании воинские с собою брали, дабы обучить воинскому делу, а от жестоких боев *(снова свист кнута и протяжный стон)* его всегда удаляли, проча наследства ради, а потом и в чужие края посылали, чая, что он поревнует и склонится к добру и трудолюбию, но сие семя учения на камени пало... И видя его упорность...

ПЕТР. Нет! *(Бросается к столу и торопливо пишет что-то на бумаге)* Вот так! *(читает)* Вопреки воле отцовской упражнялся он непрестанно во образовании с непотребными и подлыми людьми, которые грубые и замерзлые обыкности имели... И хотя по повелению нашему избрал он себе в супружество из знатных чужестранных государей свойственницу, но еще при жене той взял некую бездельную девку и со оною жил явно беззаконно, оставя свою законную жену... *(кричит)* Вот так оставить! Теперь далее чтить!

Скрежет ломаемых костей.

ГОЛОС. И, видя мы его упорность в тех непотребных поступках, объявили, что ежели он впредь следовать нашей воле не будет, то лишим его наследства, ибо не могу такова наследника оставить, который бы растерял то, что через помощь Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа российского...

ПЕТР. Но он, забыв страх и заповеди Божия, которые повелевают послушно быть родителям, заплатил нам за родительские попечения неслыханным неблагодарением... Стыд и бесчестие пред всем светом нам и всему государству нашему учинил и такого приклада и в историях сыскать трудно! И тако мы, сожалея о государстве своем и верных подданных, властью отеческой сына своего Алексея за те вины и прегрешения наследства по нас престола нашего Всероссийского лишаем! И определяем и объявляем по нас помянутого престола наследником другого сына нашего, Петра, хотя еще и малолетна суца...

Последние слова Петра сливаются с несущимся из застенка предсмертным криком царевича, и Петр, словно бы очнувшись, идет по сцене. Подходит к лохани и начинает мять залитые кровью руки.

А в это время продолжает звучать голос дьяка...

ГОЛОС. И во утверждение сего нашего постановления на сем обещанием пред святым алтарем... целованием креста утвердили. Всех же тех, кто сему нашему изволению противны будут, изменниками нам и Отечеству объявляем.

Голос смолкает. Наступает тишина. Слышно, как падают с рук Петра в лохань капли воды. Петр медленно поворачивается к трону. Свет прибывает и видно, что там кто-то сидит.

ПЕТР. Это ты, Катеринушка? Все хорошо теперь... Все налажено... Уже не придется Пиотрушке нашему, как мне, со смутниками биться. Открыта теперь ему дорога на трон...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Опять ты меня не узнал, Петр Алексеевич...

ПЕТР. *(Чуть отступая назад)* Опять ты?! Что тебе еще надобно?!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Пошто сына убил, Петр Алексеевич?

ПЕТР. Не понять тебе, дура, что горесть меня снесла, видя его непотребным на правление дел государственных... Мне лучше чужой, но добрый, а не свой, но непотребный!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Не ты ли писал несчастному, что никакого наказания на нем не будет, но лучшую любовь покажешь ему, коли воле твоей послушается и возвратится... Таково слово твое? Такой у тебя закон на свою статью?!

ПЕТР. Чем попрекаешь, дура?! Нешто я думал, что сын на пытке умрет. Думалось мне, пускай вначале покажет, кто его воли был согласником, а потом уже я прощение и любовь покажу...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. И перед смертью ты правду признать не можешь, Петр Алексеевич...

ПЕТР. А кто смог бы? Нешто легко сознаваться в таком?! Самое лучшее, что я мог сделать для себя и своего государства, это воспитать наследника. Но сам я не мог наблюдать за Алексеем и поручил другим... На других понадеялся в самом главном деле, и теперь сполна плачу за свою доверчивость... Бог Алексея разума лишил! Он немцев не полюбил! И это сын мой, а не нелюдь какая-то! Я его в походы с собой брал, чтобы показать, что не боюсь ни труда, ни опасностей, что сегодня или завтра могу умереть. Но все советы мои разнес ветер... Алексей не захотел делать того, что я желал. И я решил не признавать его своим сыном! И кто наказан в итоге? Это я и наказан, ибо понужден сына родного отсечь от себя, яко уд гангрезный!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Опять в других вину ищешь... Этак у тебя скоро и Бог виноват станет...

ПЕТР. Н-нет! Бог не есть виновен! И я не виноват... Зрю я не то, что Алексей сейчас был, а что с него стало бы, когда меня не будет! Этого злодейства будущего и не мог я простить ему! За это злодейство грядущее и судил! За ради правды, за ради Отечества! У меня теперь добрый наследник есть, Пиотрушка мой, и его я чужим людям воспитывать не доверю! Он продолжателем дела моего станет!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Алексея-то пошто убивать было? Пускай бы в монахи шел, как присялся...

ПЕТР. А я не верил ему, и сейчас не верю! Лжа это бородачей наших! Нешто кlobук гвоздем к голове приколочен?! Кlobук и снять нетрудно, а потом мятежами державу Пиотрушки моего потрясти! Нет! Слишком хорошо мне ведомо, чего бородачи натворить могут... И про тебя, Дунька, – я узнал,

узнал тебя! – мне тоже все теперь ведомо. Знаю... Ты в заговоре была с Алексеем! Изведано есть, что ты, скинув монашеское платье, ходила миряночкой! И о поездках Сашки Глебова в монастырь тоже явно стало в розыске...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Эк тебя распалило как... Не след, Петр Алексеевич, императору пустое болтать...

ПЕТР. Пустое?! На! Гляди! *(хватает со стола бумаги)* Сами нечестивцы и сознались в прелюбодеянии!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. На дыбе любовь известная... Кого угодно полюбить можно...

ПЕТР. Блядь и есть блядь! Это я про тебя говорю, Дунька... И упреждаю, что теперь всему народу будет объявлено, как ты, в монахинях числясь, наедине с Глебовым сиживала. И обнималась с ним, и целовалась!

С Петром начинается нервный припадок. Голова дергается, изо рта летит злая слюна. Женщина в черном сходит с трона и идет к Петру. Когда она вступает в круг света, видно, что это – Екатерина, хотя она и одета в черную одежду. Екатерина обнимает Петра, и тот сразу стихает.

ПЕТР. *(Очнувшись)* Катеринушка... Где ты была, когда я звал тебя? Что это за одежда на тебе черная?! *(Встревоженно)* Что с Пиотрушкой нашим? Стал ли здоров?!

ЕКАТЕРИНА. *(Опускается на колени перед Петром)* Прости, государь... Умер Пиотрушка наш... Не уберегли мы шишечку нашего...

Она как бы сползает на пол и, распластавшись, застывает так, а Петр медленно идет по сцене. Останавливается перед пустым тронном.

ПЕТР. *(Что-то чудится ему)* Алешка?! Ты, Алексей?!

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. *(Он звучит сверху)* Сего дня на погребении жены моей отданное мне от тебя, государь, письмо вычел... И донести имею, что буде изволишь за мою непотребность меня наследия лишить короны Российской, буди на вашей воли...

ПЕТР. *(Задирая вверх голову, словно бы пытаясь высмотреть там сына)* Алешка... Алешка-а... Зачем уподобился ты рабу евангельскому, который вкопал талант свой в землю... Сиречь все, что Бог дал, бросил?! Чего ты, Алешка, такого злого и упрямого нрава исполнен был?! Сколько я тебя за сие бранивал? И не точию бранивал, но и бивал! К тому же столько лет, почитай, не говорил с тобой, но все даром! Все на сторону!!! Так ничего и не захотел ты делать! Ничему не выучился! А когда меня не станет, как приближенными управлять станешь? Аки птица молодая, в рот им глядеть будешь?

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Государь! Родитель мой преславный! Понеже, как ты глаголеши, памяти я весьма лишен, и всеми силами умными и телесными от различных болезней ослабел и непотребен стал к толикого народа правления, того ради наследия Российского по вас не претендую и впредь претендовать не буду, в чем Бога свидетеля полагаю на душу свою... Ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай Боже здравия...

ПЕТР. Алешка! Разбойник ты, прости Господи! Пошто в гнев меня ввел? Пошто смерти заставил предать?!

Падает на колени перед тронном и плачет, обнимая трон...

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. *(сейчас он звучит, удаляясь)* Детей моих малолетних и сына моего Петра Алексеевича вручаю, милостивый батюшка, в волю вашу...

ПЕТР. *(Рыдая)* Ничего ты не понял, Алешка! Ничего не воспринял! Это про тебя сказано, что неблагодарный есть человек без совести и ему верить не должно... Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер, ибо такой безобразит человечество! Алешка! Фортуна сквозь нас бежит и блажен, кто идет за власы ея... Пиотрушку жаль... *(Поворачивается к женщине)* Как же вышло такое, мудер?! Женщина встает с пола, но это уже не Екатерина, а женщина – смерть.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. По Божьей воле, Петр Алексеевич... Пиотрушка ваш с рождения неизлечим для жизни был... И так четыре года отмучился... Полно терзаться...

ПЕТР. *(Не слушая ее)* А пошто не жил? Пошто Пиотрушки меня лишил, Господи?! Коли эта дура с косою ответить не может, ты отвечай! Не видишь, в какой ольтерации¹ я пребываю?!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Нешто сам еще не догадался, Петр Алексеевич, за что это? Одна кровь за тобою да слезы... Погоди немного, скоро сам узнаешь, какая еще ольтерация впереди предстоит... Небось там припомнено будет, как по-живому бороды резал...

ПЕТР. Экая ты дура однако... Дура была, дурую и осталась... Да как же не с мясом резать, если они снова росли! Нешто я сумел бы тогда души своим подданным вывернуть?! Так бы и жили, как прежде, только о спасении помышляя... А я – самодержец, я – государь! Мне не то нужно, чтобы подданные спасались, а чтобы они державу, мною созданную, спасти могли... Для того и резал бороды по-живому! Для того и не давал Алексею нашему пардону!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. И в смертный час тебя крутит, Петр Алексеевич... Одна лютость вместо раскаяния... Ты погляди на себя! Господь все у тебя отнял, а ты и этого постигнуть не хочешь... Прешь вперед, не разбирая пути!

ПЕТР. Врешь! Врешь, Дунька! Лжу на самого Господа нашего от монашеской злобы своей возводишь! Должно быть, мало я тебя перед всем миром позорил! Надобно было, как последнюю блядь, высечь кнутом на площади! В землю тебя за блудню с Глебовым живую надо было зарыть! Но есть, черная ты душа, есть у меня супруга законная. И верю я, что даст Господь милость мне, родит она мне наследника!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Ты сам это вспомнил...

Отступает в темноту.

КАРТИНА ПЯТАЯ Осень 1724 года

Петр, пошатываясь, идет к трону. Поднимает по пути какой-то сверток. Со свертком опускается на трон. Вытаскивает из кармана бумагу.

ПЕТР. *(читает)* «Счастье мое нечаянное! Рад бы я радоваться о сей счастливой фортуне, только

не могу, для того, что сердце мое стиснуто так, что невозможно вытерпеть и слез в себе удерживать... Вы изволили смеяться вчера над вашим бедным камер-юнкером, ваше величество, говоря, что сказали своей псовке-карлице, дабы она берегла себя для меня. О, мой высокоблагородный патрон, ваше императорское величество! Примите недостойное мое сердце своими белыми руками! Уверю вас, что не найти вам более верного и услужливого сердца, чем то, кое лежит сейчас у ваших ног. За что вы казните его? За то, что оно воспыало любовью, когда должно было только уважать и почитать вас?» Что за дерзость? Кто это пишет? Виллим Монс... Опять Монсы... Вся жизнь моя монсами изъедена...

Задумавшись, опускает голову. Свет на сцене прибывает и освещается «дворцовая» половина сцены. Там, возле зеркала, сидит Екатерина.

ПЕТР. Что? *(опускается в кресло)* Гости разошлись?

ЕКАТЕРИНА. Разошлись ... Как объявили вы, что почивать пора, так и разошлись ... А вы здоровы ли, господин адмирал?

ПЕТР. Катеринушка... Помнишь ли ласточку, которую днем в огороде видели... Я еще сказал тогда вашему мопсу: не отнимай жизни у твари безвредной... Она не разбойник есть...

ЕКАТЕРИНА. Я тоже не могу забыть, господин адмирал, ласточку. Я думаю, сейчас по ней дети плачут...

ПЕТР. А все мопс ваш... Мопс...

ЕКАТЕРИНА. Вы сегодня грустны, ваше величество... Неужто метресиска, которую я вам послала, не добрела до вас? Экая проказница...

ПЕТР. Ах, Катеринушка, друг мой... Во время питья вод домашней забавы доктора употреблять запрещают... Так что, того ради, отпустил я к вам с миром вашу шалунью-метреску... Стар я зделался, мудер... Одни доктора говорят, что каменна болезнь у меня, другие молчат, но знаю я, чего они думают...

ЕКАТЕРИНА. Напрасно затеяно вами, ваше величество, о болезнях да о старости рассуждение... Я ведь свидетельниц могу представить, которые опровергнут вас... К такому старику многие и сейчас готовы идти с охотою...

ПЕТР. Шутки играешь, Катеринушка, а мне не до шуток... Поглядел я пункты Ништатского миру и за голову схватился...

ЕКАТЕРИНА. Что-то не так, ваше величество? Проглядели чего?

ПЕТР. Дак как не проглядеть, если в условиях миру пункт остался, каб всех пленных назад размещать!

ЕКАТЕРИНА. Да... Великая печаль, ваше величество... Вы, батюшка, не о мне ли случаем горюете? Что меня теперь, аки пленную, возвращать шведам надобно...

ПЕТР. Хорошо, Катеринушка, что сама заговорила об этом... А то я и не знал, как начать... Ума не возьму, что делать теперь... Разве можно мир, такой ценой купленный, разрушить осмелиться? Но что с тобою, бедная, тогда будет?

ЕКАТЕРИНА. Не печалуйтесь, ваше величество... Нешто я позабыла, что из служанок в императрицы произросла... Я и осталась – ваша служанка. Вы вольны со мною, что хотите, делать... Однако не думаю я, чтобы вы меня шведам отдали...

¹ душевном беспокойстве

ПЕТР. Отчего такая уверенность у тебя, Катериношка, друг ты мой сердешный?

ЕКАТЕРИНА. Государь-батюшка! Да как же иначе? Зачем тебе меня шведам отдавать, если мне с тобою остаться хочется?

ПЕТР. Верно, Катериношка, рассудила... Верно и другое... Тебе без короны теперь ходить не положено, а с короной отдавать – дороже любой войны станет... Мопса своего, давно ли видела?

ЕКАТЕРИНА. Мопса?!

ПЕТР. Виллима...

ЕКАТЕРИНА. Ах, Монса... Монса я видела, когда вы, батюшка, беседовали последний раз с ним... Что-то случилось, ваше величество?

ПЕТР. Нет, друг мой сердешный... Пустяки... Открылось, что Мопс твой взятки брал за протекцию... И сестра его, Матрешка Мопс, Балк которая, тоже взятки брала... Два дни подряд, не замолкала, рассказывала, с кого сколько взято... Ты побледнела, друг сердешный?

ЕКАТЕРИНА. Государь Петр Алексеевич! Вспомните, что никогда я вашей воле не перечила... Но сейчас прошу, простите ради меня несчастных Монсов... Немцы все-таки...

ПЕТР. Ради тебя, мудер, я князя Меншикова, на воровстве пойманного, прощал... Но Меншиков твоим именем не шалил, чего ты и не знаешь... А Мопс такой осторожности не имел!

ЕКАТЕРИНА. Простите... Помилуйте его, батюшка...

ПЕТР. Видишь зеркало, мудер? Это стекло, обложено огнем, стало украшением дворца! Но достаточно одного только удара, чтобы обратить его в прежнее ничтожество! Хочешь посмотреть, как это будет?

ЕКАТЕРИНА. Зачем мне смотреть на такое, ваше величество? Разве станет от этого ваш дворец лучше?

ПЕТР. А ты, мудер, что думаешь? Нешто считаешь, что мопсами русский трон украсится?! В шутку говорено было, будто я Анну Монсову воспитывал, каб царицею сделать! А ты поверила?! Ты решила, когда меня не станет, другого Мопса на трон посадить?!

ЕКАТЕРИНА. Государь! (бросается к ногам Петра) Позволь покаяться мне! Не для того я приручала к себе Виллима Монсова, чтобы любить его, а для того, чтобы оторвать от тебя! Замечала я: ты на него смотришь, а видишь Анхен свою... Не могла стерпеть я такого... Хотела, каб ты возненавидел ее, хотя бы через брата... Один у меня путь был, чтобы тебя с Анной Монсовой не делить...

Петр сжимает подбородок Екатерины, заставляя смотреть себе в глаза.

ПЕТР. Верно ли говоришь или в оправдание выдумала такое?

ЕКАТЕРИНА. Верно, государь мой!

ПЕТР. Коли так, и гнева моего на тебе не будет... Поехали на прогулку, друг сердешный...

ЕКАТЕРИНА. Лучше по огороду погуляем, Питер... Зело хорошо стало, как статуи поставили... В нашу оранжерею сходим... Ласточку поглядим...

ПЕТР. Чего на птичку смотреть, коли задушил ее мопс ваш... Я тебе, Катериношка, подарок в утешение приготовил... Погляди, друг сердешный, на него...

Передает Екатерине сверток. Она разворачивает тряпку и медленно – без чувств! – начинает оседать. В

ее руках – голова Виллима Монса. Голова падает и катится по сцене.

ПЕТР. Чего? Нешто не пондравилось?! (Переступает через упавшую Екатерину и выходит на авансцену. Поднимает голову Виллима Монса.) Россию возвеличив, уничтожил я Русь! За это всякие иностранцы, какого бы не были роду, племени и состояния, во все века меня добрым словом поминать обязаны! Я навеки им Русь изнутри покорил! И вот благодарность... Даже эта служанка пастора Глюка, портомойка Шереметева, которую я возвысил без всякой меры, даже Мопс, которого я из ничтожества поднял, изменили мне! Больше всего я измены боялся, и мне изменили все, кого я любил... (оборачивается и смотрит на поднимающуюся Екатерину) Что, Катериношка... Чего еще сказать хочешь?! Ни к чему оправдываться тебе... На дыбе повинился Мопс...

Актриса выступает из сумерек на свет и видно, что это не Екатерина, а женщина-смерть.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. С дыбы все сказать можно... (осторожно забирает из рук Петра голову Монса и кладет на стол) Только не о том речь... Если, Петр Алексеевич, все тебе изменили, подумай... Может, это ты сам себе изменил...

ПЕТР. Вот темная баба... Как это государь изменить может? Да если я завтра туркам не только Азов отдам, а всю Украину впридачу, и то никакой измены не осуществится, а будет только монархья воля осуществлена... Некому мне изменять, дура!

ЖЕНЩИНА. Верно говорят, что Господь, если наказывает кого, ума лишает человека такого. И уже куда не уйдешь, ничего, как ни ворочайся, против воли Божией не совершишь... Отчего, спрашиваешь, мало здоров стал? А куда здоровье тебе? От чирья в мочевом пузыре помирать или от сифилиса, тебе все равно должно быть... Тебе сейчас помучиться главное, чтобы хоть часть грехов искупить... Чтобы монсов в себе истребить, пока они совсем тебе душу не выгрызли...

ПЕТР. (Неуверенно) Что ты каркаешь, дура косатая... Кто ты такая есть?! Нешто я поверю, чтобы Дуська моя пророчицей стала?! Знаю, чего допекаешь меня... Досадно стало, что я ноги персон нынче под арест взятых, в ремена не ставлю, как у стрельцов... Что руки их белые в хомуты не ввертываю? Что кнутом борозды на спинах их не пропахиваю?!

ЖЕНЩИНА. Без интересу мне... Хотя сам говорил, что сейчас вины покрупнее, чем по делу царевича открыты...

ПЕТР. (Торжествующе) Вот и обличил я тебя, Дунька! Все нутро твое монашье раскрыл! Там русские были, а здесь немцы, на которых столько денег потрачено, чтобы развести у нас! Экономию я соблюдал, а ты говоришь, Господь меня разума лишил... И с Алексеем твоим тоже по-умному сделано было... Знай, если это выпытать хочешь, что царевича я сам и привел к гибели, каб он со щенком своим Пиотрушке моему дорожку к трону не загораживал... И пыгал я его с умом... Чтобы он сам в свои вины поверил, и на небе о них засвидетельствовал... А Монсы, какие ни есть, ничего не загораживали, хоть и лезли к трону... Чего? Больно тебе слушать такое?!

Женщина ничего не отвечает, только смотрит на Петра, и он сникает под ее взглядом... Делает еще несколько шагов к трону и падает на него...

ПЕТР. Ежели безсчастия бояться, то и счастья не будет... Что трудиться... И то zelo доброе дело и надобно... И время, что смерть...

ЭПИЛОГ

28 января 1725 года

ПЕТР. (*открывая глаза*) Отдайте все...

ЖЕНЩИНА. Пора, государь... Пришло время...

ПЕТР. Подожди еще немного... Надобно кончить дело... Завещание... Кому престол отказать империи нашей? Внуку? Супруге-императрице? Или дочери?

ЖЕНЩИНА. Об этом не тревожься, государь... Все, кого помянул сейчас, на твоём престоле сидеть будут... Пошли... Ты все дела сделал...

ПЕТР. Все?

ЖЕНЩИНА. Все, что может человек сделать...

Теперь надейся только, что Бог милостив...

ПЕТР. Горесть меня снедает, смерть... Но Бог не есть виноват...

ЖЕНЩИНА. Господь все знает и все совершает...

ПЕТР. Если ты – Евдокия, то прости за все... За монастырь прости, за сына, за позор...

ЖЕНЩИНА. Бог простит... Пора.

ПЕТР. Пора!

Падает возле трона. И сразу начинает бить барабан. Свет пульсирует в такт барабанным ударам. Из сумерек выдвигается актриса. Это – Екатерина. Поднимает выпавший из руки мертвого Петра листочек.

ЕКАТЕРИНА. (*читает*) Отдайте все... (*удивленно*) Кому?!

КРИКИ ЗА СЦЕНОЙ. Новой императрице Екатерине Алексеевне виват! Виват!! Виват!!!

Свет прожекторов на Екатерине. Лицо ее высвечено сейчас так же медально, как и лицо Петра в Полтавской баталии. Она – императрица.

Под крики «Виват!», под грохот салютов неподвижная Екатерина погружается в темноту времени...

И сразу же – еще не замерли разрывы салютов, еще не погасло медальное лицо Екатерины – начинает звучать песня...

Как и взмолятся тут немилый муж:
«Расстригися ты, жена моя милая!
За расстрижение дам тебе тысячу,
За расхименение – все именьице!
Я построю тебе нов высок терем,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить в нем, прохладжидатися,
Во цветно платье наряжатися!»

«Как возговорит молода старочка:
– Что не надо мне твоей тысячи
Ни всего твоего именьица,
Мне не надобен нов высок терем!
Я остануся в этой келейке;
Уж я стану жить, спасатися,
За тебя Богу молитися!»

ЗАНАВЕС

Февраль-апрель, 2000 год

ВТОРОЙ ВАРИАНТ ФИНАЛА

КРИКИ С УЛИЦЫ. Виват! Новому государю, Петру Алексеевичу, виват!!!

Свет прибывает и на «русской» стороне сцены видна келья монахини Елены – бывшей царицы Евдокии. Она молится, но вместо молитвы звучит песня:

Как и взмолятся тут немилый муж:
«Расстригися ты, жена моя милая!
За расстрижение дам тебе тысячу,
За расхименение – все именьице!
Я построю тебе нов высок терем,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить в нем, прохладжидатися,
Во цветно платье наряжатися!»
«Как возговорит молода старочка:
– Что не надо мне твоей тысячи
Ни всего твоего именьица,
Мне не надобен нов высок терем!
Я остануся в этой келейке;
Уж я стану жить, спасатися,
За тебя Богу молитися!»

Допев песню, Евдокия опускается на колени перед образами. Слышно, как кто-то входит в соседнюю комнату.

ГОЛОС. Бабушка императора заняты. Бабушка императора молятся!

«Выходила к ним млада старочка,
Хорошохонька, молодехонька,
Поклонилася им низехонько,
Поклонившися, слово молвила:
«Тут спасается не девушка,
Не девушка и не вдовушка,
А спасается тут жена мужняя;
Не в любви жила, не в согласии!»

Леонид БЕЛЕНЬКИЙ**Я ВЫШЕЛ В ПЕТЕРБУРГ...**

Я вышел в Петербург ночной тревожный,
И враз почуял холодок подкожный,
И Дантовым чуть-чуть пахнуло адом.
Усталый, обмороченный и смрадный
И норовящий распахнуть мне ворот,
Косматым зверем притаился город,
Повязанный и древностью и новью
И Пушкиным, и декабристской кровью.

Я вышел в Петербург – он тих и зол.
Селена золотит его камзол
Уже повыцветший и все ж ампирный
И славою отмеченный всемирной.
Ночами град бессмыслен без людей,
Как саркофаг античный, он прекрасен,
Но оттого ничуть не безопасен...
Шныряет мимо невский лиходея.
Лишь я шагаю гоглевским проспектом,
Где тротуар гранитом облицован,
Где он поныне задает свой вектор,
И где Моро в костеле замурован
Среди сырых слепых балтийских выюг –
Таков он, мой ночной Санкт-Петербург.

О, Питер мой и нынешний и прошлый,
В своем ты чреве выносил меня.
И давний след блокадного огня
В меня вцепился, как снаряды в площадь.
Я сызмальства с тобою в дружбе-ссоре
И в квадратуре и в твоём просторе.
Пусть промелькну, иль огоньком истаю,
С тобой всегда – я часть твоя земная.
Твои каналы, как мои артерии,
И как ладони, подняты мосты.
Мы искренним наполнены доверием
И уж давно с друг другом мы на ты.
Ты – в прошлое и будущее виза,
Моя любовь, и гордость, и капризы,
Моя страда, открытыя, космос мой.

О, Петербург, неведомый, ночной...
Вселенской тишиною ты обложен
И все же чем-то нынче растревожен.
И мне тревожно за тебя порой,
Когда вспухаешь алчною Невой.

Мой Петербург, моя судьба, мой плен,
Поверенный любовей и измен,
Отец и брат еще с блокадных лет,
И ты же, мой испытанный сосед.
Повсюду и всегда он мне родной
Исторгнутый в нужду страной моей,
Ты стал еще мне ближе и родней.

Мой город горд и обликом и нравом,
В нем правота, и строгость, и печаль.
Но толки все бессмысленны, нездравы,

Что есть на нём проклятия печать.
Мой город дворянин и разночинец,
Студент, доцент, домохозяйка, божж.
И даже в центре города зверинец.
Как продолжение медных львиных рож.
Мой город прям, упрям, стремят проспекты бег,
Мой город тянет вдаль горизонтали рек.
Сады, газоны, парки – бакенбардами,
И кажется – мосты плывут эскадрами.
Он всей своей классической натурой
В российский воздух врезан, как гравюра.
И узнаваем каждый его атом,
От домика Петра и до Сената.

Я вышел в Петербург под невский гул.
Возничий вожжи крепче натянул.
Заржали кони, и Екатерина
Своих сподвижников приблизила картинно.
Конь под Петром, успев змею лягнуть,
Уже готов Неву перемахнуть.

Я вышел в Петербург хрустально-нежный
И слился со Вселенною безбрежной.
Но, видит Бог, пройти смогу едва ли,
Все улицы, мосты, проспектов дали,
И набережных тонкую кайму,
"Авроры" тронуть сонную корму,
От бастионов вздрогнуть панорамы
И крепко поздороваться со львами.
Обнять весь город – будничным и тронным,
Господский, нищий, революционный.

Я вышел в Петербург. Он притаился.
Он, победитель множества ночей,
Бессонной рябью невских вод искрился.
В ноябрьской ночи он был ничей.
Но это лишь на миг. Узнав меня,
Он предложил до дому прогуляться.
И звезды продолжали свои танцы,
Поскольку мало им на это дня.
Мой город был благословенно тих.
О, только б не было годин пустых
В его судьбе, высокой и суровой.
Ему желаю я деяний новых.
Мой Петербург, чаруй, светись, блистай.
И щедро белоночье нам отдай!

Я вышел в Петербург.
Чем счастье мерить?!
И хочется уйти в загул, кураж...
Мой Петербург, так хочется поверить –
Меня ты не покинешь, не предашь.
Признание в любви к тебе не скрою,
Поскольку нас сейчас лишь только двое.

Я вышел в Петербург... Глухой, ночной...
Я – рядом с ним.
В обнимку – он со мной.

Ирина МИХАЙЛОВА

* * *

Вот оно, проходящее чудо –
Отблеск солнца на голых ветвях.
Я, наверное, скоро забуду
О весенних шальных соловьях.
Стало тихо и пусто и зябко;
Неподвижно пространство небес.
Осень стерла, как влажною тряпкой,
Ожидание детских чудес.
Неподвижность. Предчувствий не надо.
Эти голые ветви не ждут,
Что пуховой одеждою лягут
Снега белые. Просто живут.
Или спят. Не вчера и не завтра
Им пронзительно ясно сейчас:
Вот она, мимолетная ласка,
Отблеск солнца на голых ветвях.

* * *

Хвала абсурду
Он беспомощность ума
В укор нам ставит
А над умом взлетишь
И облегченно рассмеешься

* * *

Твои мысли и чувства
Тебе подарил
Этот видимый мир...
Какими словами сказать
О том, что незримо?

* * *

Успеть, замедлить, удержать
Бегущий миг души Творенья,
Сойтись лихим стихотвореньем
С вселенской бесконечностью и знать,
Что не удержишь. Не замрет ни листик,
Ни сердца бег по чувствам и словам.
Пускай. Я всю себя отдам
И стану каплей краски Божьей кисти!

ДВА МУДРЕЦА

Два мудреца сошлись однажды
Среди кипенья бурного людской толпы.
Спокойны были оба, и в шумном сборище
Они заметны стали постепенно
По неучастию в всеобщей толчее.
Не хмурия лбов, не говоря ни слова,
Они сидели, странные, молчанием окружены,
И волны суеты осмеливались лишь
Слегка касаться стоп, настолько воздух
Вкруг мудрецов был тих и неподвижен.
Влетела ласточка и, шума испугавшись,
Стремглав умчалась дальше,
не замеченная людом.

Спустя года, а, может быть, мгновенья,
Раздался грома ужасающий раскат.
На миг толпа притихла,
но вскоре с новой силой
Решать свои проблемы принялась.
А мудрецы, не встретившись глазами даже,
Одновременно улыбнулись чуть заметно,
Лишь удовлетворенье в их глазах
Слегка переливалось, создавав перемены.

* * *

Лотосный цвет на ясной воде
Чистые звоны в рассветной дали
Не голубые, не в дивной звезде –
В тихой душе у меня расцвели
Не волшебство, не ложь, не обман
Тонкие пальцы его лепестков
Выступил ясно сквозь белый туман
С нежностью к сердцу прижаться готов
В сердце покой, любовь и печаль
Легкие струны эфира звенят
Льет перламутр предрассветная даль
Белые лотосы в небе летят.

СЕЗОН

Мне светло, несмотря на печальный сезон,
Несмотря на сентябрь и растаявший летний уют.
За пределами видимых улиц и стран
Колесо обозренья. Я знаю, что там меня ждут.
Я раскрою объятья
свистящим ветрам и ревушим просторам.
Я свободна, я пепел, я лист, что уносит поток.
Этот край мне не мил
и предел никакой мне не дорог.
Ни огнем, ни звездой не довольна,
ни пряным Востоком.
Я везде и нигде, я ни есть, ни была, ни родилась,
Я – загадка и сон и фантазия феи лесной.
Я сижу за столом в темной комнате,
дверь мне открылась.
Я стихи сочиняю Вселенной, кружащей со мной.

* * *

На просторе вдоль лета, вдоль теплого света
Льется день мой сегодняшний, и мысли чисты.
Нынче Вышним приветом я волшебным согрета,
И мне падают в руки посланий листы.
Развивая, слетая пряди чувств и движений,
В танце жизни я, нежная, тку свою колею.
И в экстазе пространств, кружевах положений
Небесам, благодарная, я душою пою.
Помоги стать свободной, как пепел – сожженной,
Легким ветром рассыпанной
над игривой волной,
Вторить ветра движениям и в воде отражениям
И мелодии песни, летящей со мной.

Ольга МУХИНА**ИЮЛЬ**

Хорошенько приглядясь
 К существу сословью,
 Видишь между ними связь
 Сходство и подобье.
 Знать Всевышний применял
 В мире сотворённом
 Материал-универсал
 И одни шаблоны.
 Словно дикий мёд из сот
 Вдоль лесной опушки,
 Извивается, течёт
 Жёлтая гадюжка.
 Притворясь, что он сучок
 От сосны, на солнце
 Греет хитрый червячок
 Тельце-веретёнце.
 В волнах трав боровики
 Скачут, как дельфины.
 Ждут детёнышей соски
 Наливной малины.
 Там, где влезли на бугор
 Посудачить ивы,
 Птичка строго, что вахтёр,
 Спрашивает: "Чи Вы ?"
 "Мы – свои!" Нам лесом дан
 Пропуск пограничный.
 Вот язык. Там синий штамп
 Тиснул куст черничный!

1994

ДРУЗЬЯМ

Сквозь корни древних слов родного языка
 Нам предки шлют завет, что верен и доньне:
 С товарищем вези товары на торга,
 А с другом бей врага соратником в дружине!
 Друг – наша совесть. Это перед ним
 И внутренне и вслух себя мы правдой чистим.
 Все будем живы мы хотя б с одним
 Из тех друзей, с кем мы делили мысли.
 Друзья моих друзей – и мне друзья.
 Враги моих врагов – друзья мне тоже.
 Выходит, что могу быть в дружбе я
 С людьми мне незнакомыми, быть может!
 Вот почему по жизни я иду,
 Как по стеклу, ступая осторожно.
 Чтоб не обидеть, не ввести в беду
 Их всех мне неизвестных, но хороших.
 И верю: если пошатнусь, скользя,
 То руки добрые меня в беде подхватят!
 Друзья моих друзей – и мне друзья,
 Сябры, единомышленники, братья!

1990

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Петербургское небо низкое
 Каблуками над Невским измызгано.
 От балтийской влаги насушлено,
 Всё закатом на флаги изрублено.
 И бредут под ним люди грустные

Вдоль витрин, где всё-всё нерусское.
 Потребители? Покупатели?
 (В наклонении сослагательном).
 В двери смотрят, как псы приبلудные:
 Безмиллионные, безвалютные.
 Уголки с детских лет знакомые
 Стали "ШОПАМИ" да "ЛАНКОМАМИ".
 Город, нянчивший их с рождения,
 Стал глядеть со злым отчуждением!

.

Так готовит нам власть края отчего
 Роль слуги или чернорабочего!

1992-1994

СТАРОСТЬ

Буду дряхлой, буду старой
 (если только доживу),
 Стану, сидя на бульваре,
 Любоваться на листву.
 Летом в валенках, галошах
 Кости нежить под лучом.
 Позабывшая о прошлом,
 Не мечтая ни о чём.
 Буду думать отрешённо
 Думы долгие свои.
 Тут же рядом, беспардонно,
 Раздерутся воробьи.
 Умилясь, с слезою чистой,
 Стану я глядеть на них:
 На живых, крикливых, быстрых
 Сопланетников своих.
 Взгляд мой поплывёт за стаей
 Лучезарной синевою,
 Взмахам крыльев закиваю
 Белой тряской головой.
 Проводила я всех ближних
 В невозвратные края,
 Пёс приبلудный, масти рыжей –
 Вот компания моя.
 Плотью сношенной и старой
 Стану поджидать черёд,
 Чтоб душа легчайшим паром
 Унеслась за небосвод.
 Чтоб она вещуньей-птицей
 На вопрос ответ дала:
 Был ли смысл на свет родиться,
 Если в муках жизнь прошла!?

1990

ПЕРВОЦВЕТ

Весь март колючая метель
 Швыряла снег за ворот.
 Всех отогрев, пришёл апрель,
 Но тут вернулся холод!
 Жизнь затаилась, замерла
 Во всём зиме покорна.
 Как будто не было тепла
 И нет проталин чёрных.
 Один мать-мачехи бутон
 На бой с снегами вышел!
 Грозит сугробам белым он

Ребятчим кулачишком:
 Пускай снега пред ним дрожат.
 Им удирать придётся:
 Ведь у него в ладошке сжат
 Луч золотого солнца!
 Снег струсил. Спрятался в лесу.
 Сполз в яму при дороге.
 Там вербы красные пасут
 Барашков белобоких.
 Потом осел. Водой стал.
 В даль побежал ручьями....

 Лес искру первого листа
 Разжѐг в зелёный пламень!

1994-2002

СИМВОЛЫ ПЕТЕРБУРГА

Есть в Петербурге уголки,
 Они на перечёт.
 Их время, будто узелки,
 "На память" бережёт.
 Хранит под охрой золотой
 Рисунки старый дом
 (Их сделал Дед своей рукой
 Шкодливым школяром).
 Ещё возможно разобрать
 При входе, на крыльце,
 Слова с стоящей гордо "ять",
 Где твёрдый знак в конце.
 На тех, кто сделал вдох "впервой",
 Стал дым сырой глотать,
 Поставил город над Невой
 Особую печать.
 Культуру дав, "столичный шарм",
 Дав трезвый взгляд на жизнь
 С любовью к невским берегам,
 На коих родились,
 К каналам, шпилям, куполам,
 Дворцам и площадям,
 Мостам, решеткам, добрым львам
 И бронзовым коням,
 К дворам-колодцам, голубям,
 К асфальту под дождём –
 К всему тому, что про себя
 Мы Питером зовём!
 Им с детства яростный борей
 Швыряет дождь в окно.
 Их судьбы, судьбы их детей
 И города – одно.
 Как "вѐрткий парусник с иглы",
 Как в полдень пушки звук,
 Они б стать символом смогли
 Твоим, Санкт-Петербург!

1992-2002

СЛЕЗНЫЙ РОМАНС

1

Не у нас песни свадебно пелись,
 Не для нас прозвучал Мендельсон,
 Мы расстались с тобой, разлетелись
 Навсегда иль до лучших времён.

Только сердце разлуки не хочет!
 Я до боли губу закушу.
 В голос выплачусь тёмною ночью.
 Утром смехом глаза осушу!

2

Через годы внезапная встреча.
 Мне теперь в утешенье дано
 Говорить, что любви век не вечен,
 Что мы стали чужими давно.
 Сердце в это поверить не хочет.
 Я в себе эту дурь усмирю.
 Горечь выплачу тихою ночью,
 А любовь расплещу, раздарю!

3

Может, в старости дряхлой, случайно,
 Мы столкнёмся ещё, может быть,
 И тогда-то откроется тайна,
 Почему ж мне тебя не забыть!
 Снова сердце блаженно заплачет,
 В нём тоску о тебе схороню,
 Ведь года не решили задачу,
 Я любовь до конца сохраню!

1987

ГРОЗА

Солнце всплыло от жара шипящее.
 Каждый суший "почуял нутром":
 Коль не будет дождя настоящего,
 Мы завянем, засохнем, умрём!
 Стало всё и тревожней и тише.
 Стая туч налетела сюда.
 От лохматых косм, солнце закрывших,
 Пала "на земь" среди дня темнота!
 В чёрном чреве небес что-то треснуло,
 Покатилось и вниз сорвалось.
 Так, что брызнули искры железные,
 Божий мир прожигая насквозь!
 Вся окрестность на миг осветилась.
 И, при блеске почти неземном,
 Грохнул всеоглушающей силы
 Басовито-раскатистый гром!
 Вздрогнул лист от внезапной пощёчины.
 Ствол, напрягшись, согнулся в дугу.
 Вихрь, всплыв, тут же вжался в обочину,
 Где приник стебелёк к стебельку.
 Хлынул дождь. Хлѐсткой плетью стальнойю
 Он прогнал изводящую сушь,
 Напоив всё живую водою
 Из ручьѐв, струек, капель и луж!

1995-2002

ЛЕДОХОД

Ах Ерик, Ерик безымянный
 (Фонтанкой названный потом).
 Стою, смотрю на танец странный
 Льдин, что кружатся под мостом:
 То встретятся, то разойдутся,
 Столкнутся, и не ровен час
 На части бьются, будто блюдца,

В осколки мелкие крошась.
Куда? Зачем спешит их племя?
Какую ищет благодать?
Знать льдам подходит таять время,
А от судьбы не убежать!
Им солнце-пекарь жарит спины.
Печёт на глади вод блины.
Растают сахарные льдины
Ещё до выхода с Невы!

1996

МАРТ

В марте сдёрнула весна
С неба покрывало.
И тотчас голубизна
В мире воссияла.
Снег, сосульки, лужи, лёд
Светят свежим лаком.
Вешней радостью поёт
Сердце твари всякой,
Можно было б с вороньём
В синеву подняться,
Чтоб кричать: "А мы живём,
Любим, в парах гнёзда вьём,
Деткам жизнь передаём.
К чёрту зиму, братцы!"

1994

Александр САМОХИН

* * *

Ей нравятся цепи и кожа,
и радостный грим на лице,
джин-тоник, бананы, мороженое
и я... где-то в самом конце.

По нраву ей легкое чтиво
и музыка, и кино.
Она и умна и красива,
но не приручается, НО

дозвонятся днем или в полночь
друзья по любой из причин,
она, будто "Скорая помощь",
сорвется и – ветра ищи!

Грустит мое сердце цепное,
как ключ у нее на кольце:
за что ему счастье такое,
зачем я ей в самом конце?

15.04.02

ФОТО СО ВСПЫШКОЙ

Случайный фотограф
дыханье на миг задержал,
стремясь уловить
обнаженную сущность предмета...

Случайную гостью
он в атлас ночной наряжал,
моля, чтоб она
не исчезла с лучами рассвета.

Но женщина та
не девчонкой наивной была,
свободу любя,
быть случайной она не умела.
Случайному "кадру"
по случаю тело сдала,
но душу ему
ни подать, ни продать не хотела.

А он тосковал,
что судьбу снова не ублажил,
и запил с дружкой,
на звонки уже не отвечая.
(телефон каждый раз отключая).
И ночью под дверь ей
случайный портрет подложил:
пусть вспомнит потом,
новый случай со старым сличая.

Ах, глупый, очнись!
Нам за сорок – пора быть мудрей!
Она ж по тебе
не страдает сердечной отдышкой.
Жар-птица твоя
обронила перо на заре...
Ей незачем знать
что любовь – это фото со вспышкой.

14-15.03.02

* * *

Работа или дочка,
друзья или семья...
А я всего лишь точка
под Знаком Бытия?

Джин вечный из бутылки
нависнет, словно змей.
Прочту в его ухмылке:
Я смог, а ты сумей!
Уйди в свои туманы,
забудь о госпоже,
пусть юные болваны
польстят ее душе.

Пусть!.. Время не излечит
меня и мой язык.
Я знаю: Змей ей шепчет:
– Зачем тебе старик?
Но прозвенела строчка
в ее судьбе моя
и, значит, я не точка
под Знаком Бытия!

24.04.02

СВЕТ И ТЕНИ ПЕТЕРБУРГА

* * *

Ворвался в душу,
пролился в очи,
сковал мне руки
и скомкал ночи...

Ты знал, как часто
в моей постели
метался нищий,
больной Растрелли!

* * *

Карело-финский...
Болота, чащи...
Ты стал столицей
непредстоящей...

Но распрямился
в твоей осанке
мужик калужский,
что жил в "мазанке".

* * *

Ещё Нева – ни в дыбь, ни вспять
и ночи ясны,
а ворон каркает опять
исход ужасный.

Пришлось учить посланца тьмы
кнутом у ивы.
Три века топят нас, а мы
три века живы!

* * *

Присвоил имя,
забрал Икону,
пустил кораблик
по небосклону,
потом по морю...
Москву оставил...
Ты же под Европу
себя подставил!

* * *

С "Орла" ли делал
кораблик Болес,
того, что Стенька
спалил в набеге?

"Варяг" затоплен,
нет "Курска" более,
а этот выплыл
и он – навеки!

* * *

Простим боярам
мозгов дремучесть,
откуда знать им
что Петр – не участь?

Они сгорели
в Завете Ветхом,
а Он свой Камень
оставил предкам.

* * *

И падал в щели
ночных колодцев
священный ужас
на инородцев.

Но правнук вынес
из тьмы победной:
Царь был железный,
а Всадник – "Медный!"

* * *

– Рука Луки ли?
Ломали копьё.
Потом решили:
– Святая копия!
И посвятили
храм Христианский
в столице русской
Мати Казанской.

* * *

Александром (и Петром)
шведы биты,
и легенды о Святом
не забыты.
Славно дрался он в лесах
у Ижоры.
Крепче нет на небесах
нам опоры!

* * *

По Петроградской
в лохмотьях мужа
бродила тенью
блаженна Ксюша,
крестила грешных
рукой и вздохом,
а ночью в поле
общалась с Богом.

* * *

Град златоглавый опозорен,
а в Петербурге маскарад,
на Свято-Троицком соборе
часы московские стучат.

Купцы в хорах глушат нервы,
а петербуржец диву рад:
в столице храм построен первый,
виват, империя, виват!

* * *

Неся с достоинством богинь
науки бремя тяжкое,
блистала средь Екатерин
Екатерина Дашкова.

Уединялась помечтать
на даче в дни преклонные...
Теперь на Стачек сорок пять
несут мечты влюбленные.

* * *

Отделили от брэнного тела,
схоронили в серебряной банке,
вдалеке от Великого Дела
успокоив святые останки.

Спят нал ним посрамленные жезлы
и знамена – что им остается?
Чтит земля от Москвы до Силезии
имя русского полководца!

* * *

Лампад багровые сердца,
мерцанье призрачного света
влекли к Голицыным поэта
и самодержца без венца.

Здесь "Арзамаса" сотворец
приговорил стихом чеканным:
"...пустынный памятник тирана,
забвенью брошенный дворец."

* * *

Перчатку кожи красноватой
вы обронули на балу
зачем? Тем цветом император,
ваш рыцарь выкрасил скалу
глухого замка...

В Петербурге
несчастнй ночью был убит.
Вам зябко, Анна, вы в испуге?
Что там за тень в окне стоит?

* * *

Стремясь во всем затмить друг друга,
Европы лучшие творцы
воздвигли в центре Петербурга
великолепные дворцы.

Париж и Рим... Какие страны
мы возвели в почетный сан!
И лишь гордыне Монферрана
руки не подал Александр.

* * *

Тени Павла

"Дому твоему
подобаеъ святыня Господня
въ долготу дней".
Эх, Павел, Павел,
Вы ж не сегодня
просчитали кончину жизни своей!

Сорок шесть
мистических знаков
подло украдены у Исаакия.
Никто в России
по Вам не заплакал,
хотя у нас слезы бывали всякие!

* * *

Арх. М.А.Львову

Мечте загадочной служил
тот архитектор, бестия,
ротонду Весты подружил
он с пирамидой Цестия.

Как будто тайной овладел,
как дальше мир устроится.
По сути вышел за Предел
а там... всё та же Троица!

* * *

Исаакиевскому собору

Неказисто-пятиглавый,
неприлично дорогой,
кто же знал, что ратной славы
ты отыщешь в век другой?

Под блокадным артобстрелом
воли страху не давал,
ты своим огромным телом
зону жизни прикрывал!

* * *

Мариинский дворец

Звучат колюче и забавно
досужих рассказней слова...
Подарок дочке выпал славный,
но недобра к отцу молва.

А он замрет, как на картинке,
и не узнает, что в штыки
возьмут дворец, и в Мариинке
сломают лбы меньшевики!

* * *

"Пиковая дама"

Три века делами благими
прославлен российский престол,
но карты "усатой княгини"
все так же ложатся на стол.

И падает раненый Пушкин
на белое наше жнивье...
А Смерть подбирает игрушки
и делает дело свое.

Для себя самого: Что значу?! –
 Сам себе объяснить не в силах,
 Чем я жив, для чего существую?
 И зачем ишу и страдаю,
 К невозможной любви припадая?
 – Отрекись! – Мне хрипит с отдышкой
 Старый дуб, что скрипит над крышей
 Одного деревенского дома,
 Где любовь, что звали Натальей,
 Мне в глаза бросалась как пламя
 На скрипучих сухих половицах
 В тех осенних ночах беззвездных
 На разломе эпох кричащих.
 От Беспамятства – в Неизбежность!
 От Себя, от пустых разборок
 В никуда, где не знают боли,
 Где как клюкву память раздавят,
 Где себя сохраняют в Дзене...
 Рижским поездом к Воле, к Ветру,
 Рижским поездом – и на запад;
 Мимо астр «Седая дама»,
 Мимо черной осенней грязи
 По святой Виндавской дороге
 Под скрипичное соло грусти,
 Что играет слепая скрипачка –
 Моя жизнь, что капризна как ветер...
 – Отрекись! – мне свистит с востока
 Из-за крепкой спины Урала
 Ветер нашей большой разлуки,
 Болевая моя подруга.
 Помнишь камское сердце наше,
 Что стучало когда-то слитно
 Над Елабугой, над зимою,
 Над поруганной колокольней,
 Где мы молча клялись друг другу
 В беспредельности нашей дружбы?..
 Что осталось внутри, Тамара,
 Там, где спряталась наша сущность?
 Двадцать лет как прошло, а память
 Колесует меня виною
 За свершенное преступленье,
 За убийство любви бессмертной...
 Это было так просто, так страшно –
 Сесть на поезд транзитный в Омске
 И увидеть застывший ужас
 В обреченных глазах любимой,
 Разорвавших тебя на части,
 На кровавые равные части...
 20 лет – как удар разруба,
 20 лет – забытья страшнее,
 20 лет – в ожидании смерти...
 – Отрекись! – Мне кричат беззвучно
 Птицы черной тоски и пепла,
 Что вихряются в осенних далях
 Точно легкие хлопья сажи.
 – Отрекись, отрешись, отмойся,
 Отруби свое прошлое с кровью,
 Невозможно тащить ведь в гору
 Этот ужас заплечной раны...
 Отрекись от себя! Покайся!
 Сбрось к чертям эту черную ношу,
 Ведь себе ты давно чужой же,
 Разве ты не видишь подмены?
 Что ж осталось в душе отныне?
 Неужели только ошибки
 Соучастия в преступленьях,
 Эти сшибки воспоминаний,
 Эти схватки всадников страшных –

Голосов и видений смутных –
 Твой немой и вечный катарсис?
 Неужели все дело в личном?!
 – Отрекись! – мне шепчет Мария
 Из-под белых аккордов Баха
 Из багряных всполохов фуги.
 Как блестяще она играла
 На мечтах моей юности давней
 Среди гулких соборов Риги
 На готовом к бессмертью сердце.
 Где ты, нежная женщина Мрия
 Из предутренних классов Риги,
 Молдаванка моя, солистка,
 С кем горит твоё нежное соло?..
 Как ты думаешь, чем случайность
 Столь хранима в памяти чуткой,
 Залетая в нее как птица,
 Под гудящие своды сердца? –
 Звук, запахом, аурой жеста
 Или, может быть, странной походкой
 Среди улиц, уснувших для счастья?
 Моя память, будь проклята трижды,
 Если ты меня вдруг позабудешь,
 Словно женщина, бросишь, оставишь,
 Отступившись, меня оставишь;
 Ты за мною несешься как птица,
 Как голодная черная птица,
 Не давая себя позабыть мне,
 Перестуком колес возвращая
 В те далекие чудные грезы,
 В ту любовь, от которой я зачат.
 Откажись! – мне кричат те птицы –
 От Себя, расцепись с Собою,
 Будь неверен – спустись на землю,
 Откажись от любых желаний –
 От мечтаний, от грез, иллюзий –
 Быть неверным куда как проще –
 Потуши свой костер в саду.
 Стать свободным от той свободы
 Разве это не просто – мимо! –
 Этой жизни не видеть просто,
 Быть никем и ничем, – не Собою!
 Ускользая от углов и воронок,
 Жить по-ужьи – все время прячась,
 Здравым смыслом себя страхуя
 От капризов судьбы и жизни.
 Так зачем мы творим ошибки
 В зоне риска, играя слепо? –
 Чтоб и впрямь однажды ослепнуть,
 Плоским смыслом себя угробив?
 Не поднываясь с колен – отречься
 От Себя – презренная участь,
 Жить с ущербной душой уроды,
 Пряча трусость в мнимом комфорте,
 Каждый миг, подыхая с достатком
 В затхлом погребке потребленья?
 Каждый день как червь зарываться
 В ил обмана, в песок иллюзий,
 В человеческий кал довольства,
 Захлебнувшись в зловонной жиже?
 Лучше сделать последний выпад
 И себя из жизни уволить,
 Чем оставить себе этот жребий.
 Это было так просто, так просто
 Взять купить билет... и остаться!..
 На осенней земле остаться,
 Как заложник грядущего чувства...

Валентин БОГОМАЗ

КИТАЙСКИЙ ТЕРМОМЕТР

Встречу с Катюшей мы ждали около месяца. По нашим данным она должна была прилететь в Питер шестого марта. Шутка ли! Гонец от дочери, почти её дорогая частичка. Не виделись давно, столько вопросов. Много изменений и у нас. Успеть бы всё обговорить. Стройная, шустрая, непоседливая, она и сегодня для нас всё та же милостивая школьница, изредка возвращавшаяся домой с вытертыми от помады губами. Нельзя же отставать от подруг-сверстниц. Не поймут. В конце концов, помада на губах – не самое худшее. То, что не понимает папа, это ещё терпимо и простительно. Он ещё тот консерватор!, хотя и себе на уме. Там, где надо.

Последний раз в Питере Катюша была много лет назад, прилетала с мужем к родне. Заезжали и к нам. А сегодня они уже и сами родители – растят Александра. Чудесный мальчишка, если судить по фотографиям.

Раздавшийся на днях её звонок подтвердил дату прилёта. На этот раз летит одна. Но мы рады и этому. Если же удосужится заехать к нам – счастью не будет предела. Впрочем, соберёмся и у родни Катюши. Это уж непременно. Что приготовить? Как встретить? Что передать дочери от нищих?

За четыре дня до прилёта звоню её тётушке Юле. Чувствую, что от неё приглашения не дожждёмся. Приставать не хочется, а тут и повод подвернулся – она родилась второго марта.

– Юлечка, тебя можно поздравить?

– С чем? – невинно удивляется она.

– С днём рождения!..

– Спасибо, вы ещё помните.

– И с прилётом любимой племянницы.

– Я не в курсе. Впервые от тебя слышу.

– Ну как же?! Самолёт прилетает шестого марта в двадцать три часа. Она лично мне звонила вместе с дочерью.

Моё сообщение застаёт её, вроде бы, врасплох. Вот это конспирация! Вечером решаю позвонить Саше, мужу Юли. Он понадежнее.

– Да, ждём-с! – весело отвечает он, – Приезжайте, поедем встречать.

– Саша, будь мы поближе или самолёт прилетал бы пораньше. А на сколько она прилетает?

– Не знаю, – говорит он, и я ему верю. Надо знать Катюшу.

Долго ждать не пришлось – по прилёту она позвонила наутро сама, в восьмом часу. Я собирался на работу и готовил по привычке завтрак. Уставшим, но родным и радостным голоском она сообщила о том, что ещё и не ложилась спать. За разговорами прошла вся ночь, сократившая восемь лет разлуки с родней.

– Палыч, дорогой, приезжайте к нам завтра. Я привезла вам передачку и очень хочу вас видеть.

– Надолго прилетела?

– Пока не знаю. Всё выяснится завтра, а сегодня иду с подружкой, с твоей фамильной тёзкой, в театр.

– Катюша, я очень рад слышать твой голосок, ужасно хочется тебя видеть, но насчёт завтра ниче-

го не обещаю – идём в гости на день рождения к одной из подруг. Её рождение совпадает с восьмым марта. Договорённость давняя. Отказать нельзя, но постарайся уехать от неё пораньше. В крайнем случае примчимся утром девятого. Хотя бы примерно, когда улетаешь обратно?

– Палыч, пока ничего не знаю. Ещё не определились. Надо тётушку везти да Украину. Лучше бы вы подъехали восьмого. У нас и заночуете, – решает она необдуманно за тётушку-хохлушку.

Восьмого утром она позвонила снова. Мы ещё дома.

– Палыч! Очень жду тебя с Инночкой. Я так давно её не видела.

– Ты из дома?

– Нет, от подруги, после театра мы поехали ночевать к ней – отвести душу в общении. Только недавно проснулись.

– Катюша, мы постарайся. А как с отлётом?

– Пока ничего не знаю.

В гостях точила мысль о предстоящей встрече. Ради этого пришлось уйти раньше, и у родни Катюши я появился около восьми вечера. У жены сил не хватило – поехала домой с надеждой на встречу девятого.

У питерской родни Катюши мы не были давно, и последнее время, где-то около года, они обещали пригласить нас после завершения нескончаемого ремонта. Перемен у них никаких, кроме обзаведения собакой и котом.

– А где же Инночка? – упавшим голосом поинтересовалась Катюша как только нам представилась возможность перебраться двумя фразами.

– Будет завтра. Сегодня не получилось.

– Завтра в двенадцать мы с Юлей улетаем в Киев, – с сожалением сообщает она.

«Вот это, – думаю, – жизнь! Прилетела на два дня, чтобы встретиться с подружкой да сходить в театр».

Вручив заклеенный скотчем пакет от дочери, она протянула мне коробочку с комплектом бижутерии для жены и отдельный небольшой свёрток, судя по его весу – для меня.

– Это, Палыч, тебе от папы авторучки, чтобы больше писал, и монеты для коллекции, – подтвердила она мои мысли.

– А письмо?

– Пишут, – подсказал смеясь Саша.

– А это от нас письмо дочери и коробочка конфет – по возвращении побалуетесь вместе.

В целом встреча прошла сумбурно. Больше нам поговорить не пришлось. Народа было много. Кроме подруг Катюши – друзья её родителей. К моему удивлению, хозяева попытались всех усадить за небольшой стол на кухне, объясняя это неудобство отсутствием в комнате обеденного. Насколько помнилось, раньше такой проблемы у них не было. В крайнем случае, в комнате можно бы было установить тот же кухонный. Хозяева на это не решились.

Размеры же кухни в послевоенных домах-

пятиэтажках одновременно втиснуться всем за стол не позволяли. Кто-то топтался в коридоре, кто-то бродил по квартире.

Раздав бутерброды с красной икрой и выставив тарелку со свежими огурцами, Саша пропустил вместе со всеми пару стопок и с трудом выкроил место перед газовой плитой. Прижавшись к ней животом, он занялся курой и каким-то гарниром. Что помешало сделать это заранее, я не знал.

Насладившись пусть и коротким общением с Катюшей, родней и знакомыми, решаю – пора домой. Хозяевам в созданном ими же бедламе было не до меня. Тем более, не до моей ночёвки. Да и ремонт, о котором я упоминал, еще не был закончен.

Извинившись перед гостями, прощаюсь с хозяевами: "До встречи... после ремонта". Они улыбаются. Улыбка хозяйки с самого начала была какой-то застывшей, неживой.

– Пальч! – спохватывается Катюша, протягивая мне что-то ещё. – Вот тебе сувенир от меня. Ты любишь такие вещички.

Она вручает просматриваемый сквозь прозрачный футляр миниатюрный пластмассовый термометр с дисплеем и кнопкой включения. Китайский.

– Через несколько секунд по достижении максимальной температуры тела он издаёт звуковые сигналы. Единственное неудобство – показывает температуру по Фаренгейту, но ты переведёшь.

– Спасибо, Катюша. До завтра. Привезу в аэропорт письмо для папы.

– А дочка у тебя, Пальч, замечательная! – напутствует она.

Не рассматривая, прячу термометр в нагрудный карман куртки и бегу на троллейбус или автобус. Надо успеть в метро и на электричку.

Успел. Жена была очень удивлена тому, что я не заночевал в Питере.

Наутро я спешил к самолёту. Подняться вместе со мной она не смогла. Для неё ранний подъём – это подвиг. Если бы мы знали, что Катюша будет в Питере всего два дня, она обязательно поехала бы со мной ещё вчера.

Пока ехал в электричке, начал писать письмо другу, отцу Катюши. Никаких задержек дорогой не было. Удивило лишь то, что ни водитель с кондуктором, ни пассажиры 39-го автобусного маршрута не знали, с какого аэропорта вылетает самолёт на Киев. Какое ни есть, а зарубежье. Несколько странным показалось и то, что никто из пассажиров автобуса на Украину не летел. Но поскольку автобус обслуживал оба аэропорта, я успел почти к началу регистрации.

До вылета оставалось часа полтора. Но Катюша с Юлей приехали с огромным запасом времени и в числе первых прошли в чрево невидимых снаружи таможенных коридоров. Увы, нам не суждено было встретиться. А Саша, сопроводивший их, так обрадовался тому, что, наконец-то, останется дома наедине с собакой и котом, что тут же уехал, не дождаввшись меня.

Дома мы с женой внимательно и не без интереса рассмотрели полученные подарки. Красивая, сверкающая перламутром, рамка с фотографией дочери тут же украсила телевизор. На мне – джинсовая рубашка, на жене – катюшина бижутерия, на кресле – фирменные мужские трусы. Аж пятеро! На столе – авторучки и монеты, на двери холодильника – магнитные сувениры для внука, если подбедет.

Самым загадочным оказался термометр.

– А куда его вставлять? – хитренько спросила жена, рассматривая узенький кончик термометра с металлическим датчиком.

– Ну не туда же, – отвечаю я, тщательно протерев кончик спиртом и нажав на кнопку включения.

Отреагировав одноразовым писком, термометр выдаёт на дисплее что-то непонятное. Я беру его кончик в рот, засовывая под язык.

– Представляешь, если он был у кого-то в другом месте? – хихикает жена. – Смущает лишь его миниатюрность. Может, детский, – резюмирует она.

Умный термометр выдал серию негромких звуковых сигналов и умолк. Каково же было наше удивление, когда на дисплее обозначилась температура в тридцать шесть и четыре десятых градуса до... Цельсию! Там и значок "С" появился.

– Дай-ка мне! – нетерпеливо просит жена.

Её температура оказалась тридцать шесть и две десятых.

– Врёт, – делает она заключение.

– Нет, не врёт. Вспомни, чем вчера занималась. Вот организм и ослаб – обменные процессы понизились.

– Но у тебя-то температура чуть выше. Ты занимался меньше или другим?

– Так я мужчина.

И тут я понял, почему Катюша избавилась от него. Видимо, ни разу его не применив, увидев на дисплее непонятные первоначальные цифры, означающие включение, она сделала вывод, что градусник показывает температуру по Фаренгейту. Женщина! С другой стороны, разберись она что к чему – он бы нам не достался. А мы так были рады! До чего же удобно! А может, она специально так сказала, чтобы не отдавать его тётушке?

На следующий день моя температура поднялась за тридцать восемь. Четыре дня я "дружил" с термометром. Жена решила, что я развлекаюсь. Однако, моё состояние говорило о другом. Отправляясь на работу с повышенной температурой, я еле переставлял ноги. Два дня, чтобы посидеть дома, я выпросил у Тамары Золотухиной, нашего начмеда. Больше и не надо – дальше выходные.

– Подумаешь! – спустя несколько дней, насмешливо отреагировал на термометр Юрий, муж Золотухиной, работающий на импортном оборудовании. – Батарейка сдохнет – покупай новую.

– Юра! Это же прогресс! Без стекла и ртути! И какая экономия времени! По-твоему, не нужны ни калькуляторы, ни компьютеры, ни телевизоры, наконец.

– А на кой он мне?! Меня устраивает и наш ртутный.

Вручив ему очередной кроссворд, я не стал убеждать его дальше. Бесполезно. Что поделаешь, вкусы разные. Есть же люди, которые не терпят тонкую струйку при наливаннии в стопку водки, уродуют шариковый дозирующий клапан, надетый на горлышко бутылки. Им бы побыстрее налить и влить – без всяких батареек и клапанов.

Александр ГАХОВ

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Дозорную группу, которой он командовал, "духи" обложили плотно, это чувствовалось по ожесточенности боя. Все началось неожиданно.

Очередную "зеленку" решили не прочесывать, все видно, как на ладони. Для порядка стукнули по зарослям кустарника из автомата. Тут и началось...

Взрывом гранаты его отбросило от глыбы песчаника, служившей ему укрытием. "Только не плен" – было первой мыслью, когда очнулся. Левый глаз затек, туманящимся правым отыскал автомат. Искореженный, тот оказался метрах в трех. Попытался переползти снова под защиту глыбы. Волна боли накрыла, погасила сознание.

Второй раз очнулся – веки не поднять. Бой стих. Рядом кто-то из своих, негромко: "Не дожил до дембеля сержант..." Хотел крикнуть: "Ребята, я живой!" Но сил хватило только на стон...

Этот стон и разбудил теперь Николая, возвращая из того афганского лета в утреннюю тишину палаты.

– Что, корешок? – сонным голосом спрашивает сосед Сергей.

– Душно у нас. Наверно, оттепель...

Часы в коридоре отбивают семь. Николай слышит, как Сергей потягивается, хрустя суставами. В палате они живут вдвоем. Сергей – отставной капитан, ставший инвалидом после Чечни. Всего в богадельне, как Николай про себя называет центр реабилитации по зрению, пятнадцать человек. Но таких, как он с Сергеем, только двое. Остальные "слепушата" (словечко, брошенное кем-то, прижились) – старики и старушки, по разным причинам потерявшие или почти потерявшие зрение. Старички, не подавая вида, жалеют их. Николай с Сергеем ровесники. Ростом одинаковы, только Сергей пошире в плечах, руки, ноги у него в порядке. "Везунчик" – говорили о таких в Афгане. "Везунчик" ранен в лицо.

К тому, что у него не гнутся колени, что от левой руки только кулышка выше локтя, что от привой кисти остались два пальца Николай привык, как, наверное, ко всему привыкает человек. Но привыкнуть к тому, что не видишь... Сны, сны приходят под утро, и там видишь все...

Сегодня суббота, занятий в центре нет. За чаем – разговор о пустяках. Сергей не любит серьезных тем. Как-то раз Николай подвел к политике, приближались президентские выборы. Всегда спокойный, Сергей со злостью в голосе остановил его: "Отставить, сержант. Мало тебе досталось от их игрищ?"

Из своих двадцати восьми Николай пять провел в госпиталях, клиниках, и все же есть у него, что согревает душу. Жена, дочурка... Маришка работала медсестрой в одной из клиник, куда он попал по направлению. На два года старше его, единственная дочка у родителей. Те были против, но она настояла на своем. Кто знает, если бы не Маришка... До их знакомства все чаще подкрадывалась к нему одна мысль. Тяжело, даже такому как он, в одиночку выстоять...

Сюда, в реабилитационный, попал не сразу. Маришка противилась его решению.

– Кто там присмотрит за тобой? – в её голосе были слезы.

– Мариш, – ласково убеждал он. – Должен же я научиться что-то делать сам. Я мужчина. Бывший сержант.

Обычно в пятницу она забирала его домой. Но вчера заступила на дежурство и сменился только сегодня вечером.

На сегодня у них с Сергеем рискованный план. Впервые, без сопровождающего, рвануть в дальний поход. Не всегда же Александр Петрович и Нина Александровна, преподаватели по ориентированию, будут рядом.

План такой – обогнуть квартал по периметру, это километра два. Николай давно обдумывал этот поход, но с его "ходулями" одному страшновато.

После чая – сборы. Николай сам справляется с ботинками, они на "липучке". С курткой сложней. Сергей помогает ему застегнуть "молнию".

В колодце двора тепло, до пасхи неделя. Но вот несколько шагов от подворотни – ветерок заставляет поежиться. С крыш капает, плюм, плюм. На тротуаре еще много снега. Трость вспарывает рыхлую снежную кашу. Николай идет, как учили, держа ориентиром край поребрика. Сергей впереди, метрах в десяти от него. Договорились двигаться так, автономно, только в крайнем случае подавать голос.

Поребрик почти весь под снегом, определяться тяжело, приходится определить направление по ветру, он тянет прямо в лицо, прислушиваться к уличным шумам – здесь тоже свои ориентиры.

Метрах в пятидесяти от центра реабилитации – парк. Николай как-то уже проходил этот отрезок. Весна... Голоса птиц так неожиданны в шуме улицы. Николай идет медленно, с его негнувшимися ногами не разгонишься.

– Сержант, – вдруг слышит он впереди голос Сергея.

– Тут, – отзывается Николай, постукивая тростью по тротуару. По этому стуку Сергей берет нужное направление.

– Понесло меня вправо.

Тут развилка, тропинка в парк. Капитан снова впереди. Их "колонна" начинает движение.

– Осторожней, – вдруг снова подает голос Сергей. – Здесь вагончик, прямо на тротуаре.

Действительно, через несколько шагов Николай натывается на препятствие. Натывается в прямом смысле, так как трость проходит под низом вагончика, не доставая до колес. Спасает от лобового столкновения медленный шаг.

Так они добираются до угла. То, что это уже перекресток, определили по колену поребрика, шуму машин. Перекурив, сворачивают вправо. Тротуар на этой улице неровный, да еще начинается снежный заряд. Мокрый снег бьет в лицо и, тая, стекает холодными капельками по щекам. На ледяной горбушке Николай поскользнулся, упал. Поблизости, наверно, никого, к нему никто не спешит. Он пытается подняться сам, но ноги скользят, развезаются.

– Сергей! – зовет он. Капитан возвращается и, ошупью найдя Николая, поднимает его, отряхивает снег.

– Прямо суворовские Альпы... Может, вместе двинем?

– Нет, – отказывается Николай. – Учиться надо сразу.

От постоянного ожидания опасности в ногах чужунная тяжесть. Николай чувствует, как испариной покрывается спина. На следующем углу он достает платок, вытирает лицо, шею. Снежный заряд кончился. На этом углу они стоят долго, и все же надо переходить.

– Держись ближе, – говорит Сергей. Уловив паузу, выходят на дорогу. Машина налетает неожиданно, вжикает рядом.

– Ну...., – слышит Николай возмущенный голос Сергея. – Видит же, что с тростью оба. Погнул...

Выйдя на тротуар, он возится с тростью, выпрямляет. Через минуту Николай слышит насмешливый голос: "Как хороша, прекрасна будет трость Моей страной мне брошенная в гроб". Поэзию капитан знает – и Северянина, и Блока, и Есенина.

На этом отрезке тротуар чист. Шагов через пятьдесят Николай позволяет себе маленькую передышку, останавливается. В мыслях – дома. Как там Маришка, дочурка...

Сзади – женский голос:

– Молодой человек, не найдется закурить?

Он поворачивается:

– Да, пожалуйста. В верхнем кармашке куртки.

Несколько секунд молчание, потом искренне, тихо:

– Ой, извините.

– Что там случилось? – в голосе Серея тревога.

– Птичку испугал...

Еще перекресток. Дальше – следующее препятствие. На каждом шагу встречаются ледяные глыбы, сброшенные с крыш. Николай снова упал, на этот раз неудачно, расшиб пальцы.

Сергей помогает встать, берет под руку.

К центру реабилитации выходят с другой стороны, промокшие от снежного заряда, усталые. Выглянуло солнышко, Николай чувствует его тепло на своем лице.

Минуты три они стоят, повернувшись к солнцу. Пасха в этом году ранняя. Снизу от тротуара тянет холодом, а в воздухе уже чувствуется тепло.

Светлана ЗАВЬЯЛОВА

МЕЖДУ ПОЗАВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА

Анна проснулась внезапно от ощущения, что на нее с протяжным свистом опускается потолок. Она открыла глаза, часто и прерывисто дыша. И ничего не увидела. «Я ослепла...» – подумала она и вытянула вперед руку. Рука свободно вошла в черный туман.

– Гроша, Грошенька... – тихонько позвала Анна. Муж невнятно забормотал.

– Мамочка, что это? – Анна сильно зажмурилась и резко открыла глаза. Потолок был слегка оранжевый от света уличных фонарей. Проехавшая внизу машина прочертила его белой полосой.

Храпел муж. Посапывал Илья. Зверь-будильник бесстрастно отщелкивал секунды жизни. Анна перевела дух. Была еще глубокая ночь, тяжелое тревожное время где-то в промежутке от двух до четырех часов. Анна встала и подошла к окну. За первый кусок ночи растаял весь снег. Черная блестящая вода покрывала дорогу. До весны было еще далеко. На мокрую грязную землю лил с неба дождь.

– «Может, кто-нибудь умер?» – подумала Анна. Хотя, после мамы, это уже не имело значения. Анна посмотрела на сына. Он спал на спине, открыв рот, глаза под неплотными веками беспокойно дергались. Анна поцеловала его большую скрюченную руку. Запах детского крема, чистого белья и еще какой-то неопределенный собственный Ильюшкин запах успокоил Анну. Она собралась опять ложиться, но обнаружила, что муж Гошик-Грошик развалился по всей кровати, положил свой кулачище на ее подушку и безобразно храпит при этом.

Вчера они некрасиво ссорились перед сном из-за грязных ботинок или сломанного выключателя. Или это было позавчера. А вчера он опять не полу-

чил денег или не все принес. Анна с вечера собралась плакать, но внезапно провалилась в сон, успев обрадоваться этому провалу. А теперь вот проснулась, голова ясная, будто решилось важное, но еще не обнаружило себя. Анна передумала лечь. Она зажгла в кухне свет, внимательно оглядела все – поспешное тараканье бегство, грязная сковорода в раковине, Илькин носок на табуретке. «Не здесь». В большой комнате Анна подошла к пианино. Укутаный пылью старинный инструмент спал многолетним сном. Уже давно Анне было стыдно тревожить его. Сияющая мамина улыбка освещала угол комнаты. Перед ее портретом на стуле были развешены потные Грошины штаны и футболка. Анна с какой-то зловещей радостью стряхнула их на пол и села на стул. Она открыла крышку пианино и хотела легко пробежаться пальцами по желтоватым, в мелких паутинках трещин клавишам, но пальцы забыли свою работу. Музыка не получилось. Шершавые, с красными трещинами от постоянных стирок, с распухшими косточками, эти руки уже не имели власти над клавишами. Чудо, принадлежащее звонкой восторженной девочке, уходило, уходило, уходило и ушло от нее, а у Анны все недоставало времени узнать об этом. Анна обещала матери, что не бросит музыку, и нарушила обещание. Все казалось – не сегодня, а вот будет отпуск, а вот подрастет мальчик, а вот сварится обед, и тогда... И музыка, как душа, как любовь, не денется никуда, дождется непременно. И не дождалась...

Инструмент показался огромным. На полу валялась штатская потная оболочка Грошкина тела и пахла усталостью и тоской. В кухне – тараканы кошачьих размеров и жирная сковорода как заляпанное зеркало. Нечеловечьим рыком храпит муж-

великан, и огромный больной ребенок спит и бродит по своим сумеречным бесконечностям...

...Анна просидела на стуле до утра. Гошик-Грошик встал по взрыву будильника радостный и ничего не замечающий, как всегда.

– А, уже проснулась? – сказал он Анне, пытаясь поймать ее губы своим скверно пахнущим с ночи ртом. Анна увернулась. Он не обиделся. Вскоре с кухни донесся грохот крышек и его крик:

– Анька, что пожрать-то? Ни хрена нету.

– Ищи.

– Чего, сказать трудно? Откуда я знаю?

– Ты же не в гостях...

– У, злющая с утра! У меня мать всегда батьку накормит, проводит... И спала меньше, чем ты. Я встаю – она уж на кухне, ложусь – она там же... Ну и жрали же мы с батькой...

– Грошенька... – вдруг сказала Анна жалобно, – Грошенька, ничего не случилось?

– А чего должно случиться-то? А?

Муж смотрел нетерпеливо, проводя ножом по клеенке. Анна сама не знала, что хочет спросить. Худая, в белой ночной рубашке, с голыми руками, она показалась ему жалкой.

– Ты чего? Не выспалась?

Анна, не отвечая, ушла в комнату.

Квартира огласилась скрежетом ножа по сковороде. Анна стала будить Илью. Он всегда очень пугался пробуждений, вздрагивал и начинал плакать. Плакал он молча и слез не вытирал. Потом прекращал так же внезапно. Сегодня Анне хотелось побыстрее закончить утреннюю процедуру подъема, быстрее уйти из квартиры, отвлечься от неприятного гнетущего ощущения потери.

Сын сжался под ее рукой, замычал. «Скоро уже поднять не смогу, тяжелый», – подумала Анна.

– Иленька, вставай, вставай... – приговаривала она, тормоша его. Сын молча боролся. Оставив его, Анна начала одеваться сама.

– Ну, скоро вы? – вошел Грошик.

Что-то сегодня вид его – маленького, толстенького, с масляными большими губами – был невыносим Анне.

В школе он был хорошенький, улыбочивый, немного туповатый, но добродушный. Все посмеивались над ним за страсть к накопительству. Даже на переменках он ходил с большим деревянным грибом, в верхнюю щель которого опускал найденные монетки. Его знала вся школа. Он безбоязненно подходил к старшеклассникам: «Дай копеечку» и бесплатно давал все послушать, как гремят денежки в нагретой толстыми ладонками копилке. Потом он исчез куда-то. Появился в Анниной жизни уже взрослым. По-прежнему веселый, легкий в общении, с тем же двойным именем Гошик-Грошик, он был ниточкой из детства. Анна помнила, какой теплой была его копилка...

– Не жди нас, что-то сегодня не встает... Грошик подошел ближе.

– Сын, а сын, – он тронул Илью за плечо. Мальчик резко мотнул головой и отвернулся.

– Слушай, – сказал Грошик, – а чего это он у тебя никогда не смеется?

Анна не ответила. Ей было сегодня больно от каждого Грошкина слова. Грошик еще раз посмотрел на большого мальчика и вышел, насвистывая. Анна еще долго слышала его свист на лестнице.

Она вышла из дома, когда было уже светло. Сза-

ди болтался привязанный Илья.

В магазине знали их. Опухшая теть Клава-корзинница протолкнула их в дверь и рывкнула на недовольную очередь. Она иногда жалела Анну, когда была в ясном сознании. Сегодня она решительно взяла Анну за руку и потянула за собой, оставив рабочее место. В маленькой тусклой камерке позади мясного отдела она слезила в шкафчик, достала импортный леденец на палочке, поллитру и треть колбасины.

– На, бедолага, выпей, а?

Илька завозился за спиной. Анна посадила его на столик. Теть Клава протянула ему леденец, непривычно сосукая.

– Зайчик, на конфеточку, на, масенький...

Илька зарычал, дернул мать за рукав, замахал здоровой рукой.

– Ишь ты, звереныш...

– Пойду я, тетя Клава, спасибо.

Анна с трудом подняла Илью.

Пахло кровью, крысиной отравой, куравом.

– Эх, дура ты, дура – с сожалением протянула теть Клава и долго смотрела Анне вслед.

... К полудню добрели до Антонины Ивановны.

– Ой, милая, я уж думала – не придешь нынче. Припозднилась что-то. Сажай сюда мальчика. Что это ты его так кутаешь? Почему мясо сегодня? А у меня-то беда, глаз совсем не видит, надо бы врачу показать. Это, понимаешь ты, встала – не вижу. Один-то у меня давно уж ослеп, лечить бы надо... Так теперь и этот, понимаешь ты, забарахлил. Как бы до врача-то дойти... Вот, понимаешь ты, полечить бы надо, а то как плохо мне теперь... И нога болит, застудила... Я вот лекарство напишу, ты поищи, может, в центре где есть. От многих болезней помогает...

Анна разбирала сумку, а соскучившаяся старушка все рассказывала ей про свои болезни, начинала сначала и не отпускала Анну.

– Я вечером еще зайду к вам, ходим вместе к врачу, – предложила Анна.

– Нет! Что ты! Я сама схожу, если мне надо будет!

Ей было 83 года, она постепенно теряла зрение и не замечала, как черная паутина затягивала углы бывшей когда-то уютной и чистой квартиры.

Илька ползал в пыли, катал мягкие клубочки, подбирая с пола крошки и совал в рот. Больше у Анны тут дел не было и она заспешила дальше.

Вот Леониду Михайловичу мало продукты принести, еще и приготовить надо, накормить его, прибраться.

Леонид Михайлович жил один. Взрыв лишил его зрения и правой руки. У него были деньги и за деньги он покупал услуги.

– Ой, Аютинька моя пришла, кисонька. Ну уж, сегодня так не выпущу, отобедаешь со мной...

Квартира была приспособлена для него – от стены до потолка протянута толстая веревка по диагонали вдоль кровати. Комната заставлена магнитофонами и приемниками. Илька, ползая тут, набивал себе шишки, а иногда засыпал под столом между пустыми катушками и толстенькими брайлевскими пупырчатými книгами.

Когда ели в кухне разваренные пельмени, Анна с неприязнью посмотрела на голое окно и вдруг заметила, что с пустого карниза на красной ленточке свисает маленькая иконка.

– Что это, икона у Вас?
– Да вот, крестился на старости лет, хочу новую жизнь начать, ласонька моя.

Икона эта была похожа на Аннину. Да, у нее дома была икона, Анна знала – Владимирская, где любовь и покой и еще что-то, отчего страшно. Анна никогда не подходила к ней.

Леонид Михайлович встал.

– А мы еще не поели, – виновато сказала Анна.

– Да нет, кисонька, это я к тебе...

Он нашел ручку кресла, на котором сидели Анна с Илькой, нагнулся и громко втягивая воздух, поцеловал Анну в щеку. Она растерялась.

– А мы, это, задержались сегодня. Илька долго не вставал – невопад выпалила Анна.

– Амареттки не желаешь глотнуть? Хорошая Амареттка, тепленько, приятно будет.

– Да нет, что Вы... – Анна занервничала, начала давить ногтем крошки на столе.

– А давай же будем наконец на «ты», – предложил Леонид Михайлович.

– Я не могу. Нет. Никак не могу.

Анна стала убирать посуду, высвободившись из-под руки Леонида Михайловича. Илька, перемазанный пельменями, уснул в кресле.

Анна мыла пол и думала про икону.

...Когда Анна была тощим подростком в стареньком сером пальтишке и гигантских ботах, она украдала икону у Георгия. Это было страшно давно, больше, чем полжизни назад. Школа. Музыка. Георгий Андреевич. Музыка. Мама. Георгий. Тогда еще было очень светло. Везде, где бывала Анна, было светло...

Ранние сумерки заползали в голое окно. Слепые не включают свет. Лампочки у них без абажуров. Чуть какая-то лезет в голову... Анна опомнилась. Надо было будить Ильку и бежать дальше. В коридоре Леонид Михайлович поймал Анну за рукав.

– У тебя подружки-то есть?

– Да, полно, – быстро ответила Анна, думая, что он хочет жалеть ее в ее одиночестве.

– Вот мне бы такую же, как ты, только помоложе и посвободнее, – как-то воркующе произнес Леонид Михайлович.

– Для уборки? – Анна не поняла.

– Да не совсем, еще кое для чего... Анна догадалась, вспыхнула.

– Вам бы хорошо монахом быть, как в келье тут живете один и старый. Он засмеялся, всем телом прижимая ее к стене.

– Пока я еще кое-что могу, еще несколько лет и о монахе подумаю...

Вырвавшись из квартиры, Анна усадила Ильку на перила и повезла вниз.

«Тьфу ты, как тошно-то...» Серая улица плыла. Плыла по ней Анна с больным ребенком на руках. Плыли окурки, плевки, этикетки, банки от пива. Кружилась голова.

...Последним на сегодня был Максим. Он, видимо, стоял у дверей уже давно, может быть, и весь день. Его неожиданно высокий голос слился со скрипом двери.

– Что-то сегодня не спешила!

– Да, поздно вышли. Прости. – Анна не могла отдышаться. – От кого ты поздно вышла?

– Да утром, из дома, завозилась что-то... Ты сыт?

– Сыт по горло! – Максим пронзительно вскрикивал.

Они учились когда-то в одной школе. Максим был старше. Он сватался к Анне, уже потеряв зрение. Тогда у Анны очень болела мама, а потом приехал веселый Грошик...

Анна обняла Максима, он склонил к ней грязную нечесаную голову и заплакал.

– Не надо, не надо, миленький, я тебе вкусненького принесла...

Максим был очень болен. Он путал день с ночью, не мог один выходить из дома, пугался звуков и видений. Его всегда обслуживала мать, недавно ее не стало.

– Ну прости меня, Максимчик, не мучай меня, братик мой... Максим, начавший было успокаиваться, окаменел, затем резко выпрямился, отстранился, достал из кармана деньги и бросил Анне мятый комок.

– Благодарю. «Братик» не нуждается в ваших услугах!

Илька, стоя на четвереньках, обнимал собаку. Анна прошла в кухню, надо было приготовить еду. Максим удалился в комнату и закрылся там. Он знал, что Анна, освободившись от дел, не сразу уйдет, а присядет под вешалкой, будет вздыхать и мучиться виной, расскажет ему что-нибудь из свои, чужой для него жизни и все-таки уйдет, оставив его одного. Так повторялось каждый раз. Она никогда не оставалась с ним. Это и сводило его с ума.

Сегодня Анна спросила через дверь:

– Ты помнишь Георгия?

– Нет!

Максим сказал неправду. Анна поняла это. Одеваясь, она посмотрела в зеркало и не понравилась себе.

– Что-то я сегодня плохо выгляжу...

Анна вспомнила, что и вчера думала так же и до того. Она одела Ильку и вышла, шурша пустой сумкой.

«Почему Максим сказал, что не помнит Георгия? Его нельзя не помнить. Уголки его глаз были чуть завешены веками, оттого казалось, что ему всегда было больно. Даже когда он смеялся... Тогда тоже была зима. Мама перешла Анне серое отцовское пальто. Какой смешной был у него воротник! И флотский ремень поверх пальто! И сама Анна – тоненькая и неуклюжая в больших ботах. И все-таки ее взяли. Вместе с Катюшей Эркель и Викой Брусиловской. Георгий обошел тогда все классы и зашел к ним в свитере, напоминающем кольчугу, с улыбкой на лице и очень грустными глазами. Он разглядел неприметную Аньку, вывел ее вперед и сказал перед всеми, что будет учить ее музыке. Анька бегала на занятия – шлеп-шлеп ботами по мутным лужам, скрип-скрип по белому снегу. Музыка получилась не сразу, а потом вдруг пошла, как снег, гармоничная и прекрасная. Анна поднимала лицо к небу – никогда не разглядеть, откуда идет снег, а смотришь вверх – будто плывешь в небо, а снег неподвижен. Снег был музыкой. Вдруг запела душа. И стало наплевать на «тройки» в тетрадах. Вот бегут по снегу хорошенькая черноглазая Катюша в пушистой шубке, серьезная несгибаемая Вика и легкая сияющая Анна, а Георгий смотрит на них из школьного окна. Анна бежит домой, там свет оранжевого абажура, запах суботных пирогов, мама веселая, в фартуке, накрывает круглый стол белой скатертью с вышитыми розами, поет громко и красиво. Анна любит всех, любит Георгия и ей ка-

жется, будто она летит в небо, расставив руки и тихо смеясь...

...Илькин сапог упал в лужу... "Надо было резинку привязать. Сколько раз говорю себе – привяжи да привяжи и никакого толку. Вспомнить бы вовремя..." Пока обувала сына, заметила, что промочила ноги. Представила, как откроет дверь и вступит в квартиру, в душный мрак своего неприбранного жилья. А там – то же недоумение и тоска.

Анна повернула к дому Антонины Ивановны.

– Может, вымою пол у Вас? – предложила она. Старушка сначала удивилась их приходу, а потом рассердилась, даже покраснела от гнева.

– Ты делай, что тебя просят и не суйся! Что это у тебя мальчик такой сердитый всегда? Что ж, что идиот. И идиоты добрые бывают. Не умеешь растить. Вот молодежь вся безмозглая стала. Развалили страну. Мы-то так ли разве жили?

– А я... – Анна хотела сказать что-то злое, обидавшись за «идиота», но случайно взглянула в зеркало и увидела у себя тяжелую нижнюю челюсть и звериный оскал. Стало очень страшно.

– Антонина Ивановна, у Вас икона есть? – спросила она некстати.

– Нету! И не надо мне! Еще чего! Мы когда пионерами были – плевали на церковь.

– Как это? – не поняла Анна.

– А вот идем строем, человек двенадцать отряд у нас был, ну, вожатый впереди. Подходим к церкви, он скамандует: «Стой! Налево! Пли!» И мы все плюем. А кто выше плюнет, того на линейке отмечают...

Антонина Ивановна от этого воспоминания успокоилась и заулыбалась.

Анна вспомнила: как-то в детстве мама положила ее спать днем. Было лето, было весело и не спалось. Аня стала плавать вверх, плевков распался на капельки и осыпал брызгами все лицо. Плевков неизбежно возвращается к хозяину. Ох, и попало же ей от мамы!

Анна присела на обувной ящик, посадила Ильку к себе на колени, откинулась на шубу и закрыла глаза. Внезапная усталость задавила ее. Подкатывало безразличие. С мокрыми ногами, с мокрым большим ребенком плыть по грязному, жалкому городу, став бездомной и ничьей. «Все мы в этом мире странники» – сказал как-то Георгий. Ему было за тридцать. Он казался им старым. Анна думала, что его понимает. Ей хотелось стать целым детским хором под его руководством. Она завидовала хорятам, подсматривая в замочную скважину. Были видны только его руки, рукава свитера, иногда – сутулая спина. Про него говорили гадость, будто он поет в церкви. Когда прошел этот слух, Катюше и Вике нашли другого учителя. Это была уже весна. Георгий Андреевич стал болеть, часто его не было в школе. Однажды он появился на перемене и подошел к Анне. «Гляди!» – он разжал кулак и на ладони у него Анна увидела две шишечки. «Ольха!» – узнала она. Она тоже очень любила такие маленькие и крепкие шишечки. Они кажутся слабыми, а не ломаешь. Как приятно было их найти несколько на одной веточке. Гроздь шишек. «Молодец!» – сказал Георгий очень серьезно и ушел.

Потом была еще одна гроздь шишек – сырых, еловых. Георгия Андреевича тогда уволили из школы и Анна думала, что больше никогда не увидит его.

Анна опаздывала в школу. «Камаз» пересек ей путь, постоял перед светофором и медленно двинулся. В кабине лицом к ней проплывал Георгий. Анна, не думая, побежала за «Камазом». Открылась дверца, и Георгий на медленном ходу втащил Анну в кабину.

– Ты куда мчишься?

– За Вами.

Больше ни о чем не говорили. Он вообще мало говорил. Анна наполнялась его молчанием и ей не было скучно. Ей казалось – она понимает, о чем он думает. И не было страшно – вместо школы мчаться в машине неизвестно куда. С Георгием ничего не бывало просто так. Чудо музыки было и в молчании.

Приехали к маленькому дачному домику среди старых елей. Из будки вылезла рыжая пушистая собака с мордой медвежонка. Анна присела на корточки. Собака поставила лапы ей на плечи и зубами стащила шапку.

– И не твякнул... Тоби! Чужой! – подстрекал водитель.

– Да брось, Сергей, не чужой, – сказал Георгий. Собака виляла хвостом, глядя то на Анну, то на хозяина.

Потом пили чай, согретый на печке. Георгий много смеялся, вспоминая какие-то общие с Сергеем события. Иногда смех его прерывался кашлем. Анна тогда не смотрела на него, отворачивалась. Из треснутой чашки чай понемногу просачивался на стол. По радио радостно звенели «Ребята семидесятой широты». В один из своих отворотов Анна увидела в углу темную небольшую икону и подумала, что слух про церковный хор – правда. Было жаль. Слово тень какая-то легла на Георгия. Вот он сидит рядом веселый, всегда и во всем настоящий, всемогущий, неразгаданный. Вот даже потрогать его можно, а присвоить нельзя. И откуда он взялся и куда он идет? Такой простой, никогда не поучающий. И Анна простила ему церковный хор. Были в ее жизни две нерушимые огромности, создающие и хранящие ее мир – мама и Георгий, они где-то высоко даже сливались в одно целое. Мамина любовь, служение и тепло и музыка Георгия – не имели границ, были недоступны людскому суду и не ранили Аннино отрочество.

Георгий Андреевич с Сергеем собирали вещи, выходили, возвращались. Анна сидела на высоком табурете около печки и ждала, что ей скажут что-нибудь делать. Казалось, время остановилось. Хотелось всегда быть тут, в этом настоящем домике, с рыжей собакой, веселым Сергеем и уж конечно, с Георгием. Казалось, от этого дня зависит многое, и дальше уже невозможно будет жить как раньше. Казалось, переболела и выздоровела, шагнула в весну, стала легкой, почти невесомой и всегда будет только так.

Анна заметила, что Георгия уже давно нет в доме. Она накинула пальто и выскочила во двор. Рыжая собака обнюхивала куртку, брошенную под елкой. Анна подошла и задрала голову. Георгий лез на ель. Он был уже довольно высоко. Верхушка начала раскачиваться. Анна подняла куртку, отрянула ее. Куртка пахла удивительно приятно – смолой, лесом и дымом. Анна, замерев, следила за Георгием. Он, оторвавшись от ствола, подался влево и легко, почти без усилий снял с ветки гроздь шишек, посмотрел вниз и бросил. Шишки зацепились

за ветку. Он спустился пониже, снова отцепил их и бросил. Одна шишка оторвалась и стукнула Анну по голове. «Вот так да» – засмеялась Анна.

– Ничего? Жива? – весело спросил сверху Георгий.

– Жива! – крикнула Анна и подпрыгнула от восторга.

Георгий спустился, взял у нее свою куртку. Вот и все. Они вернулись в город и больше он Анну никогда не видел. Осталась еще старая шишка. Старая пыльная шишка, колючая как еж. «Анну по лбу – хлоп! Анна рассердилась и ногою – топ!»...

Как мучительно не хотелось домой! Илька сидел на обувном ящике и с упоением барабанил по нему пятками.

– Пойдем, сынок.

Илька скалил зубы, сопротивляясь надеванию мокрого сапога. Анна пока еще справлялась с ним. А что дальше?

– Ну, дальше-то что? – нетерпеливо спросила Антонина Ивановна, – завтра-то придешь?

– Я не знаю..., – Анна подумала, – я, кажется, заблеваю... Нехорошо что-то.

– Ну, вируса-то мне не неси. Мне своих болячек хватает. И лекарство мне поищи. А? Поищешь?

Анне вдруг стало очень жаль ее. Она молча кивнула и поволокла Ильку вон. «Нет лекарства от смерти. Как дрожит жизнь, замечая ее признаки. Как страшно этой старушке умирать, какие жалкие попытки остаться!»

Придя домой, Анна устроила Ильку играть на коврик, а сама остановилась у зеркала. «Как я плохо выгляжу, и уже так долго. Раньше, бывало, отдохну, высплюсь и снова как девчонка. Что же это сейчас? А что врать-то себе – это старость. Эти морщины, тусклые глаза и сутулые плечи, и сухие, потрескавшиеся руки. Половину жизни штурмуешь гору с молодым задором, скользишь, встаешь и лезешь, а теперь вот – под горку, быстрее и быстрее, а дальше? Страхи Антонины Ивановны? Да, не изобрели еще люди такое лекарство от смерти, от старости, от горки под уклон. Вот и все: это старость. Всегда что-то было впереди, вот не сейчас, потом устроится все, будет еще радость, как в детстве, еще будет любовь. Вот и все. – Мама! Что это? И ты такое знала? – Мама так хорошо и спокойно улыбалась, прощая всем.

Анна заметалась по комнате, наступила на Илькин кубик и грохнулась на колени. Вскинула голову, пытаюсь встать и увидела икону. Божия Матерь смотрела на нее строго и спокойно.

– Что это? Говорят, Ты все знаешь? Что со мной случилось? Что случилось вокруг? Мне кажется – все безумны и я самая дурная из всех. Я ничегошеньки не понимаю...

Анна заплакала, уткнувшись головой в спинку Илькиной кровати.

... Икона попала в этот дом случайно. В день, когда по школе пронесся слух о смерти Георгия, Анна забросила портфель домой и побежала к нему. Она не верила. Она еще никого не хоронила. Но была какая-то путающая однозначность в голосе завуча, еще было ощущение, что неведомая защита детства была пробита и что теперь у нее может быть то, что бывает у других. Тот всемогущий, добрый, Кто создал такой порядок вещей, Кто просто любил Анну, ничего не требуя от нее, не мог же сейчас вдруг так обидеть ее, отобрав Георгия? Анна сердилась, что

ее напугали. Вбежав в подъезд, она рванула налево к его двери. Дверь была приоткрыта, а рядом вертикально стояло нечто большое, узкое, почти до потолка. Это была крышка гроба. У Анны противно задрожали колени. Она не смогла войти в квартиру. Боясь, что тут ее увидят, она поднялась на этаж выше. Там она скребла ногтями стену и хрипела, поперхнувшись бедой. Не было слез. Хотелось разбить окно, чтобы что-то грохнуло, звякнуло, чтобы стекла посыпалась в лужи, брызнули льдинками на солнце. Чтобы нарушилась эта немая неподвижность и привычность вещей. Дальше уже не могло быть ничего. Ничего. Ничего. Обессиленная, Анна села на пол, прижавшись спиной к мусорному баку. Снизу послышались голоса. Анна с трудом встала, цепляясь за перила. Внизу долго пытались открыть вторую половину двери, колотили чем-то. Наконец, начали выносить. Анна свесилась вниз. От напряжения она почти теряла сознание. Пронесли. Это был не Георгий. Радость охватила Анну. Не он! Может, чуть только похожий. Самую малость. Это был не он. Через ступеньки Анна помчалась вниз, влетела в квартиру. Никого не было. Вот на стуле его свитер. Вот его ботинки, вот старая, такая знакомая куртка. Вещи пахли им. Плохо понимая, что делает, Анна схватила со стола прямоугольный темный предмет, надеясь, что это его книга, и засунула под пальто. Это оказалась икона. ... Грохнула входная дверь и вскоре распахнулась дверь в комнату.

– Я пришел, а чего никто не встречает? – Появился пьяный Грошик, сияя потной розовой плешью.

– Ребята, а чего такие невеселые?

– Ту-ту-ту! – загудел он, вставая на четвереньки. Ту-ту, паровоз идет!

Илька испуганно глядел из-под кровати.

День завершился. Грошик храпел на одеяле. Ему было жарко и хорошо. Во сне он причмокивал губами. Анна, скорчившись, лежала под своим пальто. Обморок сна снова оборвался. В голове было ясно и легко. Анна подошла к окну. Рыжая борода дождя металась под фонарем. Рыжие отблески пробегали по лужам. «Я никого не люблю» – спокойно догадалась Анна. Любовь уходила, как музыка. А теперь вот оставила ее совсем. В этом доме когда-то было светло и весело жить. Сзади была мама, а впереди – весь мир. У мамы была любовь. Я развалила дом. Теперь я просто сгнию. Без любви нельзя жить. Это нечестно.

Анна вошла в кухню, не зажигая свет. Встала на подоконник. Дернула заклеенное на зиму окно. Оно раскрылось быстрее, чем хотелось бы Анне. Сырой ночной ветер ударил в лицо. Анну затошнило от страха. Боясь потерять решимость, она быстро шагнула за окно.

– Не делай этого, девочка.

Упругая сила воздуха не дала ей упасть. Анна вернулась в окно. Очень знакомый голос. Стоя босяком на подоконнике, Анна пыталась разглядеть говорившего в пелене дождя.

– Слезай.

Сзади, около стола стоял Георгий. Это был именно он, в своем любимом сером свитере, со взглядом светлым и печальным. У Анны перехватило дыхание от мгновенного восторга. Как-то сразу поверив увиденному и заметив, что они стали ровесниками, Анна весело сказала:

– А мне говорили, что ты умер. Георгий улыбнулся.

– А я у тебя икону украли!

– Я знаю. Почаще бы к ней подходила. Я только и мог тебя видеть, когда ты с Ней разговаривала.

– А я любовь потеряла. Как без нее-то?

– Бедная моя, глупая маленькая девочка... Сколько ты всего передумала...

Анне стало жаль себя. Захотелось плакать.

– Ты ведь теперь не уйдешь?

– Я недалеко от тебя. И твоя мама. Мы ближе, чем ты думаешь. Ты не одна на свете. Усталость ослепила тебя. С тобой Ангел. И Ангел сына твоего. И твоего несчастного мужа.

– Разве Грошик несчастный?

– А разве нет? А любовь во всем. Завтра, когда ты встанешь для новой жизни – на земле будет лежать снег. Твой сын оставит на нем свои маленькие следы.

– Илька пойдет?

– Люби его.

– Почему ты пришел? Ведь это нельзя...

– Ты очень верила в чудо. Ты хотела жить чисто и честно. Всякая вера вознаграждается. Не бойся старости. У жизни нет конца. Ты все это знала в детстве. А сейчас позволила себе забыть. Если ты попытаешься повторить сегодняшнюю глупость, мы никогда больше не встретимся с тобой.

– Прости. Мне было так плохо. Мне показалось, что меня никто не слышит.

– Иди спать. Завтра все будет иначе. Вот увидишь. Георгий протянул руку с зажатым кулаком.

– Отгадаешь – будет твое? Ну, что же?

– Шишка! – выдохнула Анна.

На его ладони лежали три маленькие шишечки ольхи, плотно прижатые друг к другу. Георгий перестал быть видим. Анна оглядела кухню и заметила, что стол стал гораздо ниже, а само помещение как-то раздвинулось, стало выше и шире. Анна возвышалась над столом, а кастрюли, тарелки, игрушки были крошечными и где-то внизу. Анна побежала в комнату и здесь не узнала ничего. Взрослое лицо сына было настолько печально, что Анна не удержалась, встала на колени перед кроваткой.

– Сыночка, Илюшенька, завтра снег пойдет, мы пойдем с тобой по снегу. Завтра ты не будешь плакать, когда проснешься. Я скажу тебе – как я рада тебя видеть и как скучала по тебе.

Анна повернулась к мужу. Пухлое лицо взрослого младенца было безмятежно спокойно.

– Грошенька, милый, я была плохая, прости меня. Анна подняла со своей подушки его руку и поцеловала в ладонь. Грошик, не просыпаясь, обнял ее и прижал к себе.

Шишки, зажатые в кулаке, кололи руку, но Анна так и уснула с ними.

20 января 1994 г.

27 марта 1994 г.

18 февраля 2002 г.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Григорий АРТЮХОВ

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

РАЗГОВОРЫ, ПОДСЛУШАННЫЕ НА ПОМОЙКЕ

Два дома –
Первый рухнет скоро,
Тут мало кто от пуза ест;
Другой, коринфского декора
Филармонический подъезд –
Судьбы пасьянс терпели стойко.
Всё было порознь для них –
Жизнь порознь! –
И лишь помойка
Предназначалась на двоих...
С неё,
Как правило под вечер,
Катились перлы в темноту.
Вороны, слыша эти речи,
Нередко дохли налету!..
Тут споры, дразги, тут вопросы
И не прибавить, не отнять.
Мы тоже –к старости– отбросы
И нам нетрудно их понять...
Здесь кресло вместе с табуреткой
Кляли безножие своё;
Мужское нижнее бельё

Заигрывало с вуалеткой;
Воспоминанья, пересуды;
Досадуя, что некрепки,
Судьбе пластмассовой посуды
Завидовали черепки...
Квартирный коврик, став калекой –
Он был разорван и прожжён –
С филармоническим коллегой
Был в разговоре напряжён,
Он так сказал:
– Уймись, оратор!
(Но тот не слышал, продолжал)
– Меня любил администратор,
Меня буфетчик уважал!..
Ты помнишь запах тёплой пиццы
И твой сосед был генерал??
Да об меня сам Кикабидзе
Свои ботинки вытирал!..
Лампасы!?, Кетчупы!?. Умора,
Сейчас от зависти помру.
Небось окурком беломора
Прожег на лысине дыру?
– При чём дыра?..
При чём окурки?..
Вот так и дал бы по башке.
Нашёл где хвастаться, придурак.
Ведь мы лежим в одном бачке!..

РАЗГОВОР С ЧАСОВЩИКОМ

Начальством,
 В день тот роковой,
 Едва не сданный палачу,
 Часовщику на Моховой
 Я признавался, как врачу:
 – Проспал я – как бы не соврать –
 Раз двадцать нынешней зимой...
 Вы не возьмётесь перебрать
 Разлаженный "брегетик" мой?
 – Возьмусь.
 Я ж терциям* служу,
 Под лампой грея темечко:
 Балансы, анкеры свожу,
 От пыли чищу времечко.
 Сломать часы любой горазд,
 А есть заказы важные !..
 Чинил я, помню, как-то раз
 Клепсидры** эрмитажные!
 Так что, товарищ молодой –
 Да-а, где-то мои годики –
 Поможем с вашею бедой.
 Показывайте "ходики".
 Что: контрамоцией*** грешат,
 Стоят или, в беспечности,
 Неосмотрительно спешат
 К руинам бесконечности??..
 – Нет – я сказал часовщику –
 Не то чтобы неточные,
 А...
 Утром не кричат "ку-ку"
 Мои часы
 Песочные...

* **Терция** – шестидесятая часть секунды.

** **Клепсидра** – водяные часы.

*** **Контрамоция** – движение по времени в обратную сторону.
 (Стругацкие. "Понедельник начинается в субботу")

ГРАФОМАН В ГОСТЯХ У ПУШКИНА
НА МОЙКЕ, 12

Февраль. На Невском слякотно, прохладно.
 Я в отпуске, но рифмой не грешу –
 Вчера две буквы написал – и ладно,
 Ещё три буквы в марте напишу.
 Свернуть на Мойке есть у всех причина –
 У Пушкина в квартире свет горит,
 Под окнами её стоит мужчина
 И сам с собой о чём-то говорит...
 – Седьмой блокнот за этот год ветшает!
 С карандашом гуляю или без,
 Проблемов нет,
 Но и не помешает
 Короткий поэтический ликбез.
 Зайду, пожалуй,
 Не был здесь ни разу;
 Полов старинных обожаю скрип,
 А то на Невском подцеплю заразу,
 Врачи не зря предупреждают – грипп!
 Пусть с небольшой для кошелка обузы
 Начнётся новый год и новый век.
 В конце концов, для этой самой Музы
 Я тоже – не сторонний человек!..
 И с Пушкиным общаюсь непрестанно:
 "Мудищева Луку"* читал – шарма-а-а-ан!,
 Ещё: "Цыганов", "Дочку капитана" –

Евонный исторический роман.
 Теперь легко хорей определяю,
 Бывает, что и дактилём черкну!
 Щас по музею малость погуляю
 Да, что-нибудь для дела подЧерпну...
 И вот походкой (не сыскать степенней)
 Блажен
 К заветной лестнице идёт
 И, оглядев с сомнением ступени,
 Крестьясь,
 На них свою стопу кладёт.
 Пройдясь по залам, осмотрел портреты –
 Расстроился – Дантеса не нашёл;
 В блокнот занёс "поэты – эполеты"
 И к новой экспозиции пошёл...
 – О!.. Чей-то профиль,
 Вот строку поправил.
 Прочтём-ка – ой, а почерк-то каков! –
 "Мой дядя самых...(тут не ясно) правил"
 !??.
 Видать, из неоконченных стихов.
 Зело борзо стихи писал Сергеич!
 Но и талантлив тоже был зело!..
 А все ж не зря мой дед Кузьма Матвееч
 Показывал МНЕ Царское Село.
 С утра возьму строку –
 К обеду песТня,
 А ведь живу от Мойки-то вдаль,
 Ни бронзовой чернильницы,
 Ни перстня,
 Ни Дельвига тебе, ни Натали!..
 Жена жужжит:
 "Тебе бы всё кривляться,
 Все вы, поэты, пьянь и дураки..."
 Не-ет,
 Завтра утром
 Буду с ней стреляться
 На льду Волкуши,
 Волковки-реки!..**

* "Лука Мудищев" – поэма Ивана Баркова.

** **Река Волковка**, протекающая в южной части Санкт Петербурга, уже давно не замерзает...

БЕССОННИЦА

Посвящается жене

За рекою крик баяна
 Девке в сердце ломится,
 А соседского Буяна
 Мучает бессонница –
 Видно, дал пинка Иваныч,
 Насосавшись водкою,
 Сбил собаке планы на ночь
 Цёпочкой короткою...
 И скулит теперь соседка
 За гнилой штакетиной –
 Натуральная брюнетка
 С белой отметиной,
 У забора вдоль бурьяна
 Бегаёт по тропочке,
 А за речкой...
 От баяна
 Отлетают кнопочки!..
 Не примята подушка,
 В небе клякса рыжая,
 Да воды речной кадушка –

Вот и всё, что вижу я.
А блокнот любовью бредит,
Разыгралась литера!..
Жду жену,
Да всё не едет
"Ладога"* из Питера...

* "Ладога" – название электропоезда, который ходит между Петербургом и Лодейным Полем.

МОНОЛОГ СЕРДИТОГО ОРНИТОЛОГА

"В лесу порой лишь стоит появиться,
Так не успеешь хрумкнуть огурцом,
Послав его вдогонку за винцом,
И тут как тут пернатая певичка...
Я понимаю –
Петь на тротуаре,
Чтоб что-то было на столе к зиме!
У этой
Лишь "ку-ку" в репертуаре
И никУкой заботы о семье.
Поверьте,
Ну ей-Богу раздражает
Такое поведение в быту.
Она ж птенцов, по сути, не рожает –
Швырнёт яйцо к соседке налету...
За то, что каждодневно беспристрастно
Ведёт арифметический подсчёт
Моим годам оставшимся,
Прекрасно –
За то ей, как бухгалтеру, почёт!..
А вот за то, что сиротами детки,
Не знают нотной грамоты совсем –
Она, как мать, заслуживает
Клетки,..
Суда,..
Статьи,..
Конвоя лет на семь!.."

МОНОЛОГ СОЛОМЕННОЙ ВДОВЫ

– Я сука,
В смысле – женщина собачья...
Мой друг – ну, разумеется, кобель –
Ушёл к другой
И тут уж плачь, не плачь я,
Но каждый год: апрель, весна, капель...
Там видите ли плановая вязка,
Пошив одежи, стрижка, ппеди-гри!..
В Забытове и летом топко, вязко –
Не Петербург, тут , что ни говори.
Я не ропщу, нет .
Никаких претензий!
Пижон... – терьер.
Куда ему отцом?..
Наобещал костей, букет гортензий
Из дома спёр,
Делился холодцом...
Я, дура – (и в который раз, однако)
Хвостом вильнула, так – из естества,
Но этот дачник шустрый был,
Собака,..
Мной овладел в порыве баловства!..
В пять лет прабабка!?
Правда не стара я?..

Да, нет хвоста от знати родовой,
Но скучно же
У пристани в сарае
Век коротать соломенной вдовой!..
И вы,
Уж коль приехали в деревню
На отдых
Из вонючих городков,
То, в гамаках качаясь меж деревьев,
Собак
Не отпускайте
С поводков!..

Александр ДАВИДОВ

БИБЛИОТЕКА

В мир книг прихожу не случайно:
К любимым, старинным друзьям;
Их мысли, советы и тайны
Во мне разгораются там.
Волнуются радостно руки,
Касаясь оживших страниц,
И грустное чувство разлуки
Уходит от дружеских лиц.
И, заново мир ощущая,
Я многое в нем узнаю –
Как будто своё вспоминаю
И новое что-то творю.
Звенит тишина отрешённо,
Мою суетливость гоня;
И Вечность глазами Джоконды
С улыбкой глядит на меня.

К ТЕБЕ

Вечер тает в лунном свете,
Звёздный оставляя след;
Тишина, раскинув сети,
Ловит шепот: да и нет.
С лёгкой грустью бьётся сердце,
Прогоняя скуку прочь;
В небесах чернеет дверца,
В эту дверцу входит ночь.
Входит тихо, необъятно,
Расползаясь как туман;
Я застыл и мне занято
Ощутить мираж, обман.
Мнится что-то в отдаленье,
Чуть знакомые черты,
И знакомое стремленье
Мне подсказывает – ты!

ДОЖДЬ ДЕТСТВА

Я подставил руки
Под звенящий ливень,
Ощутил прохладу
Летнего дождя;
И напомнил ливень
Детства день далёкий –
Заскучал по детству
Почему-то я.
Почему – не знаю

Заскучал так сильно,
Вспоминая многих
С кем дружил тогда;
Льется память-ливень,
Льется так обильно –
Словно я вернулся
В детские года.
Обнимусь я с ливнем,
И отступит скука,
И вдохну я радость
Позабыв печаль –
И забьётся сердце,
Как при встрече друга,
Обрегая неба
Голубую даль!

СНЕГОПАД

Снег идёт пушист и лёгок,
Опускаясь в тишине;
Постепенно, понемногу
Навевая что-то мне.
И душа заморожено –
Взгляд не может отвести,
Белым снегом просветлённа
Начинает вся цвести.
Чувство времени теряю,
Что во мне произошло?
Я всё больше ощущаю
Как мне грустно и светло.
Мне прекрасно одиноко!

Снегопад – он светлолик,
Безмятежная дорога
В самый грустный, светлый миг.
И в задумчивости белой,
Словно снег идут слова
Беззащитно и несмело
И душа моя жива!
Снег – летящие мгновенья,
Лишь молчать и созерцать
И, в серебряном смятенье,
Снежной нежностью дышать!

Владимир КОЧЕМАЗОВ

МАШИНИСТКА ПЕРВОГО ОТДЕЛА

Сверчок далекой пишущей машинки
Стрекошет в зарослях пустынных коридоров,
И будто сами по себе мои ботинки
Несут туда меня, показывая норы,
Где над цветами озарённых солнцем клавиш
Порхают бабочки твоих воздушных пальцев,
Где надо мной ты благосклонно-
чинно правишь,
Не принимая от меня даров данайцев.
Но меж сугробом бело-свадебной бумаги
И грудой черно-траурной копирки
Иду на приступ, преисполненный отваги,
Встречая смело трудный колкие придирки.
Удачи плод у злой судьбы отобран –
Покорена капризная кокетка!
Но мстительно вонзается под рёбра
Машинки той ревнивая каретка.

ЯСНАЯ ЛУННАЯ НОЧЬ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В СНЕГОПАД

Силе полной луны подчиняясь,
По заснеженной сонной аллее,
Чуть друг друга руками касаясь,
Шли, друг другом уже не болея.
Оглянувшись, ты будто проснулась,
Зачарована снегом и светом,
И ладонью к щеке прикоснулась:
«Мы здесь были уже прошлым летом...»
Всё заполнила жаркая нега,
И зима знойным летом казалась,
И перина пушистого снега
Шубой, сброшенной с плеч, расстилалась.
И душа встрепенулась, как птица,
И была она чуду открыта...
Свежий снег укрывал поясницу,
Как предвестие радикулита.

МЕТАМОРФОЗЫ ПАВЛОВСКОГО ПАРКА

Летний день, непривычно погожий,
Тишина так пуглива и ломка,
Я бреду по аллее – Прохожий,
А навстречу мне ты – Незнакомка.
Над скамейкой склонился боярышник,
«Не пугайтесь, я вовсе не пьян.
Разрешите представиться, Барышня:
Очарованный Хулиган».
От волненья и страсти немея,
На неспрошенное жду ответа
В нетерпении, как верный Ромео,
«Ну скажите хоть слово, Джульета».
В райских кущах (от входа налево)
Упадают одежды к ногам.
И в объятьях смущённую Еву
Совращённый сжимает Адам.
Так небесно, волшебю и просто
Нисходило к нам благословенье...
Из кустов любопытный подросток
Наблюдал наше совокупление.

Вера СТЕПАНОВА

* * *

Александр Пушкину

Глагол его предтечи
Еще убог и сир.
А он дыханьем речи
Обезоружил мир.
Потом из дома вышел
Почти на двести лет.
Грустит тарелка вишен,
Молчит его брежет.
На Мойке всё в смятенье,
Как будто лишь вчера:
Дантес, дуэль, раненье,
Врачи – этсетера...
С улыбкою пытался
Венец и Крест нести,
Но выдохся, сорвался,
И некому спасти.

* * *

Что ж сатанеть от безысходной яви –
 От Петербурга, грязного как ветошь,
 От мерзости бутылок и пакетов
 На льду Невы, и Мойки, и Фонтанки.
 Что изводиться, если предстоит
 Остаток дней среди неюта улиц,
 Порученных иль обветшалых зданий
 Выискивать творения Кваренги,
 Растрелли, Монферрана и беситься,
 И знать, что черепка у царскоселки
 В ладошке нет, что вечная струя
 Поругана пустым как дым потомком.
 Кусочек меди, отыщись, восстань,
 Возмездьем рухни, отомсти безродным!
 Но затаился скорбно и молчит.
 И судит нас.

ЛЕДИ-НОЧЬ

А даль приблизиться не смеет –
 На то и даль...
 В закате сумеречно тлеет
 Твоя печаль,

И так легки нарядны бусы
 Ночных огней,
 И завиток у чёлки русой,
 Разлёт бровей.

Вдоль по остывшему асфальту
 Летят шаги.
 А месяц в лужах крутит сальто,
 Двоит круги,

А ветер – бешено, напором –
 Обнял и сник,
 Пробрал до косточек и – вором –
 За воротник.

Скороговоркой, неумело
 Бормочет ночь.
 Ключи судьбы оторопело
 Отбросишь прочь.

И ринешься ночных прогулок
 Испить до дна.
 Разлада мир глубок и гулок –
 Одна.

* * *

Умчались песни лета. Сентябрю
 Кивают астры острыми лучами.
 Я осени о бренном говорю,
 Красавица дородными плечами
 Лишь повела. А взор её далёк,
 А урожайный стол богат и весел,
 И ярмарок приветный говорок
 Зовёт отвеждать
 яблок, мёда, песен...
 Деньки-то рады:
 осень на дворе!
 Красавица, кормилица и сваха!
 И ловко так сидит на сентябре
 Багряная кленовая рубаха.

* * *

Какое лето пировало
 В шатрах полуденных аллей,
 Тонуло в хрустале бокала,
 Пьянило, делало смелей
 И близило развязки час.

Беспечности кудрявый гений
 Толкал в безумие томлений
 Агатовым сияньем глаз –
 На зыбком, странном рубеже
 Необязательных событий.

Взахлёб, вразброд, на вираже,
 В пыли ошибок и открытий
 Дышала сладко резеда,
 Июль сиял в противоречьях.
 Грозы и зноя чехарда
 Смеялась, путая наречья...

* * *

Твоя душа не тянется к моей,
 Твои законы не дают амнистий,
 И годы мною выстраданных истин
 Не сблизят нас, не сделают родней.

Я не хитрила. –
 В этом и несчастье.
 Не уводила. –
 В этом и вина.
 И шепчется о невозможном счастье
 Случайных встреч приливная волна...

Ты власть не ценишь
 и венец на царство
 Из рук моих не примешь никогда.
 Без короля нищает государство,
 Дряхлеет сердце.
 Под уклон года...

* * *

Без роздыха дурит весна в гулянке,
 Пройдоха-ночь в подручных, как всегда.
 Понаврала с три короба тальянка,
 По волшебству убавила года
 И увела в раздолье за пригорком,
 Укрыла в пух забытого жнивья.
 Осевший стог изнеживает колко,
 Кромешна власть греховного жилья.
 Зверина страсть и скомкано дыханье,
 Отрава поцелуев горяча,
 Неистово правдивы обещанья
 И подрубают наискось – с плеча...
 И наполняют позабытой силой –
 Весной в стогу такое шепчет милый...

Михаил СУХОТИН**ПЕРВЫЙ СНЕГ**

Первый снег, он – внезапность без звука,
 Гость нежданный под утро, без стука.
 Первый снег, он всегда – навсегда,
 Превращенная в сказку вода.

Видишь, как уплывает планета
 В вещество чисто-белого цвета.
 Вместе с ней в чёрно-белые сны
 Уплываем и мы до весны.

* * *

Посв. А. Шрайберу

В лодочке зыбкой и старенькой
 С тёплыми струями вод
 К другу, где терем с завалинкой,
 Гладь чуть заметно влечёт.
 Памятью сердце уколото:
 Сладкие дни далеки –
 Каждое утро из золота
 У серебристой реки.
 Воздух то тихий, то ветренный.
 Что за прелестные сны!
 Думы привольны и медленны
 И плодотворно ясны.
 Помнится как наваждение
 Дивный, таинственный сад.
 Мог бы он стать продолжением
 Давних трудов и услад.

* * *

Посвящается В.В.

Та, что встретила меня, видит Бог,
 Так мила, что милей не бывает,
 Только вправе ли я на любовь
 Уповать, но душа уповает.
 Сколько нежности в ясных очах!
 Сколько радости в музыке смеха!
 Любовался бы ею, молчал
 И любил до скончания века.
 Что же делать мне, сердце, как жить,
 Если в свет величаво-обманной
 Слово бабочка в пламя летит,
 От меня ускользая, мой ангел?
 Мне бы требовать, драться, а я
 Умоляю: "Враги-супостаты!
 Не крадите ее у меня –
 Я не вынесу этой утраты.
 Мне не вынести той пустоты,
 От которой и город – не город
 И золотые мосты – не мосты,
 И невнятно созвучие хора
 За безбрежную грусть и восторг,
 Нелюбви, лишь ее ожиданья,
 За предчувствия хрупкий росток –
 Благодарность моя мирозданию.

Проходит жизнь, как вереница
 Однообразных лет.
 Мы научились веселиться,
 А радоваться – нет.

Сергей ФИЛИППОВ**ЖЕМЧУЖИНА ТУМАНА**

На дне, укрытый тайной Океана,
 На глубине, где не живут киты,
 Не жерло позабытого вулкана,
 А город, где родились я и ты.

Меж зарослей морских снуют машины,
 Сквозь толщу вод мерцают купола.
 Касаются сверкающей вершины
 Лишь ангелы, сложившие крыла.

В обители нептунова покоя
 Рождаются и рушатся миры.
 Ни Карфаген, ни Падуя, ни Троя
 Такой не удостоены игры.

Жемчужина вселенского калибра,
 Веками погруженная в туман,
 Воспетая стихами и верлибром,
 Твой с вечностью продолжится роман.

Анна ШТЫКАН

* * *

Видела Ангела, он предложил мне крыло.
 Долго летела я к этому, и повезло.
 Внешне какой он – неважно, мне было тепло,
 Что окружало – не помню, но было светло.
 Жизнь разделилась на «будет»,
 «сейчас» и «прошло».
 Я научилась ценить, что сейчас – хорошо.

* * *

Я тебя наблюдаю, да знаю чуть-чуть,
 Положи мне уставшее сердце на грудь.
 Как журчанье ручья переключка сердец,
 И для связи не нужно ни слов, ни колец.
 Мы, посланники двух сопредельных миров,
 Снизости до раздачи наземных даров.
 Был непонятым Бог в оболочке людской.
 Человека постигнуть – что вечный покой.
 От молитвы сильнее по эфиру круги:
 Береги себя, друг мой, собрат, береги.
 Я тебя понимаю, хоть знаю чуть-чуть,
 Положи мне усталое сердце на грудь.

* * *

Быть женщиной, беременной любовью,
 Зачатою от слова или взгляда,
 От тайны, устремленной к изголовью,
 Трепещущей во сне с мечтою рядом,
 Какое счастье! В толчее житейской
 Толчкам любовным внутренним дивиться,
 Не следуя морали фарисейской,
 Любовной пуповине дать развиваться.
 Вынашивать, растить, оберегая
 От зависти, пустого любопытства,
 В себе самой недоброе сжигая,
 И чувствовать с плодом любви единство.
 Томиться ожиданьем сладкой муки,
 Когда любовь, созрев, расправит крылья.
 Отдать мессией в ласковые руки,
 Тернистый путь осыпав звездной пылью.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Татьяна КОЛЕВА

СЕРЕБРЯНАЯ РОЗА

(рассказ)

"Милый, дорогой мой! – писала Ирина, – На этот раз письмо мое будет грустным. Перед моим отъездом ты говорил, что русским уезжать надолго за границу нельзя,.. что для них курная изба милее заморских дворцов... То ли дело англичане с их бывшими колониями, они всегда носят свою родину в чемодане. И что я буду скучать... Я же смеялась: "Курица не птица, Польша не заграница!". Теперь понимаю, что ты был прав. Ужасно соскучилась и хочу домой!

Сижу в своем номере на шестом этаже за столом, вплотную придвинутым к створке французского балкона. Много света и широкий обзор – на площадь и канал. На столе в высоком граненом бокале (не знаю, где раздобыла его горничная) стоит Серебряная роза. Да-да, розы серебряного цвета, только теплого, словно серебро когда-то было покрыто позолотой, а теперь осталась золотистая патина. Одурающе благоухает! Я закрываю глаза, и мне кажется, что мы снова в Болгарии, на празднике в Долине роз. Среди гор ни ветерка, воздух напоен густым розовым ароматом. Девушки и юноши в белых национальных одеждах, у каждого за ухо заткнут крупный цветок, в руках плетеные корзины, полные лепестков...

У нас была очередная экскурсия. Осмотрели знаменитый костел "Св. Маргариты" и большой розарий. Оказалось, что в этот день у меня именины, и ксендз, старенький-престаренький, срезал для меня самую красивую розу. Подарок доставил мне столько же радости, сколько и разных сомнений, даже терзаний. Почему?

Я тебе расскажу, когда вернусь. Или ты сам прочтешь в моем дневнике – я ведь тебе обещала вести записи. Ксендз обещал, что роза простоит в воде не менее десяти дней (как раз до нашего отъезда). А может быть, я сумею сохранить ее до С-Пет. Нежно целую. Скоро увидимся. Ирина. 19. Мая."

Ирина отложила письмо и взглянула в окно. Мимо гостиницы по набережной шли люди – маленькие цветные человечки с сумками и портфелями-"дипломатами". Проехала красная поливальная машина, за ней белый "рафик" скорой помощи, зеленый хлебный фургон с черной надписью латиницей (хлеб и вода по-польски звучат так же, как по-русски), три округлых вагончика с мукой... Машины, машины, машины. Вразвалку, не спеша, идет женщина в голубом жакете и красных сапогах, несет в корзинке оранжевые апельсины. Девушка в белом плаще грациозно перебегает улицу, пряжка на поясе – или замок сумки, – поймав солнечный луч, отбрасывает его обратно в небо. Машины кажутся жучками.

"Взять бы двумя пальцами, – подумала Ирина, – положить на ладонь колесами вверх. Колеса, не находя сопротивления, будут быстро вертеться. А люди? Человечки засуетятся, забегают, боясь приблизиться к краю ладони и нечаянно упасть. У них закружится голова..."

Вода в канале течет медленно, пряжка сверкает,

лучится звездой.

Ирина придвинула к себе толстую тетрадь, служащую дневником, поставила число и стала писать:

"Очередная экскурсия. Не на автобусе, а поездом до Познани. Села в вагон. Ребята стали рассказывать анекдоты. Почувствовала, что их стесняю, да и не интересно. Сказала, что пойду в соседнее свободное купе, почитаю. Они обрадовались, Я пошла, села к окошку и стала смотреть на пробежавшие мимо сады, зеленые поля, городки и хутора. Вот по тропинке бежит девушка в пестрой длинной юбке – очень яркий, праздничный мир.

Первым в мое купе вошел эlegantный мужчина средних лет, спросил у "пани" разрешения. Оказался закройщиком из Лодзи, сносно говорящим по-русски. Очень галантный. На следующей остановке вошел старик живописного вида, с красным носом забулдыги. Он походил на тюремщика из "Летучей мыши". Узнав, что пани – "россиянка", заявил, что у него к России, а теперь к Украине, претензии, что он обижен и обездолен. Вытащил из кармана, вернее из-за пазухи, какую-то замусоленную гербовую бумагу и, водя по ней заскорузлым пальцем, стал что-то читать по-польски. Я поняла, что когда-то его семья владела в Западной Украине какими-то землями, но эти земли советская власть национализировала. От такого горя его жена, или бабушка, якобы умерла молодой и красивой. Достал пачку фотографий – варианты одной и той же, – где в гробу лежала старуха, убранная цветами. Он готов был расплакаться, но мой "кавалер" его унял, что-то быстро объясняя по-польски. (Казалось бы, близкий язык, а я ничего не поняла).

Его прервал третий пассажир. Это был здоровенный парень, пьяный. Он плюхнулся рядом со мной и что-то спросил. Закройщик аж порозовел от неудобства и сказал, что пани – россиянка.

– Какая ты россиянка! – воскликнул парень и хлопнул меня по колену, – Я же вижу, что ты полька. Притворяешься.

Закройщик не знал, что и делать, но в это время в купе ввалилась ватага подростков с гитарой. Закройщик предупредил их, что я русская, вероятно, опасаясь, что они начнут брэнчать. Мальчики приветливо заулыбались, а один даже попытался сказать мне приветствие на русском языке. Я проехала в этой компании недолго, когда вошел контролер. И тут оказалось, что все мои спутники едут зайцами. Закройщик путано объяснял что-то контролеру, потом сказал, что попросается, так как на ближайшей станции ему выходить. Дед и парень ничего не объясняли, и на той же станции их высадили, а молодежь спокойненько вышла в коридор, заплатила что-то контролеру и, с веселым видом вернувшись обратно, свободно расположилась в купе. Вместе с ними я и доехала до Познани.

На вокзале нас поджидал автобус с экскурсоводом, Анджеем. А в костеле встретил ксендз пан Эдмонд, сгорбленный седой старичок.

Анджей по секрету поведал, что в молодости старик участвовал в движении Сопротивления. Мне просто не верилось: неужели это было так давно? Старенький ксендз подробно рассказал нам об истории и архитектуре костела, о его великолепном алтаре и витражах. Меня поразило обилие живых цветов, особенно сирени. Оказалось, что недавно была Троица. Анджей сообщил, что пан Эдмонд – селекционер и занимается выращиванием роз, его розарий самый большой в Польше.

Уходив из костела не хотелось. Как прекрасно было бы в таком храме побыть одной! Свет и легкость, хотя твердо стоишь на черном мраморном полу, ласковая прохлада и запах ладана. Позднее, вспоминая, я даже сложила стихотворные строчки, как бы молитву.

Анджей поговорил с ксендзом, и тот согласился показать нам свой сад. Май – пора цветения роз. А в эти дни каждое утро землю поливал теплый весенний дождик. Сад был умыт. Розы, розы, розы... Все кусты в бутонах.

Оказывается, история этого цветка насчитывает 25 миллионов лет. Он появился на земле чуть ли не раньше самого человека.

Сейчас, благодаря селекционерам, мировой ассортимент составляет более 20-ти тысяч видов. Цена одного грамма розового масла равна цене одного грамма золота. Все это рассказал нам пан Эдмонд. Словом, я прослушала целую лекцию. Он упоминал Сафо, Горация, Анакреонта, Гомера. Во время Троянской войны щит Ахиллеса был украшен изображением розы, а тело погибшего Гектора Афродита натерла розовым маслом...

Когда я спросила, как пан ксендз справляется с таким большим садом, он заверил, что у него много молодых помощников; что же касается величины розария, то самым большим был розарий Жозефины, жены Наполеона. Он и сейчас, вероятно, существует и там наверняка есть кусты-долгожители, по 500 лет и старше.

Я похвасталась, что была в Казанлыкской долине на празднике. Что в Болгарии самая большая коллекция декоративных роз. Знаю, что для одного грамма розового масла надо рано утром сорвать более 2000 цветков.

– Да, – подтвердил пан Эдмонд, – у "Дамасцены" к вечеру лепестки осыпаются. Молодые люди, – добавил он, – пропустите девушку вперед. Как вас зовут? Пани Ирена? О, сегодня по новому стилю ваш день ангела! Да вы и сами прекрасны, как ангел небесный! (Ах, эта польская куртуазность!) Придется мне последовать традиции, установленной в XI веке папой Львом IX, когда добродетельных женщин, – в том, что вы такова, я не сомне

ваюсь, – награждали Золотой розой. Золота у меня нет, а вот Серебряная роза "Стерлинг Сильвер" недавно распустилась. Вам конечно захочется "Супер стар" – молодежь теперь увлекается земными звездами. Несколькими годами тому назад моя правнучка с утра до вечера слушала оперу "Христос-суперзвезда". Так вот, цветок у этой розы красив только на кусте, в воде быстро вянет – мягкая цветоножка, – и листья у черешка хрупкие. Я подарю вам "Стерлинг Сильвер"! Ксендз срезал и подарил мне Серебряную розу. Теперь она стоит у меня на столе в высоком прозрачном бокале.

Анджей сказал, что после костела мы посетим мемориальное кладбище. Шли, разговаривали. День яркий, солнечный, город нарядный, вокруг шелест листьев, пение птиц, запах жимолости, под ногами золотистый песок дорожек и молодая зеленая травка. Я шла не спеша, немного отстав от ребят.

– Направо, – командовал Анджей, – прямо, прямо по аллее...

Розу я несла перед собой и только время от времени подносила к губам, пила аромат, отдающий почему-то лимоном. Сама не заметила, как ребята впереди остановились, и я чуть не наткнулась на их спины. Подняла голову и увидела впереди памятник. "Советским бойцам, погибшим за землю Польскую" – перевел Анджей.

Ребята молчали. И тут Сережа обернулся и вопросительно посмотрел на меня, а потом на мою розу. Не знаю, кто виноват – Анжей, что не предупредил нас, или мы сами, но цветов у нас не было. Вот Сережа и решил, что я должна спасти положение. Как передать мои чувства? Положить Серебряную розу к ногам солдата? Нет, она как живое существо и оставить ее лежать на холодном граните было немыслимо. Я еще сильнее прижала ее к груди. Вот если бы она была алой, олицетворявшей собой кровь. Да и тогда бы я не положила ее на камень. Хотя в воде ее жизнь продлится не больше двух недель.

Так мы простояли минут пять и повернули обратно. Всю дорогу ребята со мной не разговаривали, а я сидела в углу купе и делала вид, что читаю. В гостинице наоборот, они стали заискивать, шутить, приставать и говорить комплименты, а я серьезно отвечала, что придется последовать примеру коринфской царицы и избавиться от назойливых поклонников, превратившись в колючий розовый куст. Но мне было не весело.

Ночью меня мучили разные противоречивые мысли. Я думала о том, что мой дед тоже погиб на войне и мы даже не знаем, где его могила."

Анатолий РОЩИН

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

Рассказ

В Андреевском соборе звонили к заутрене. Тягучие, медленные удары колокола тяжело повисали в воздухе и глухо отдавались в полуподвальной комнате, точно за окном били в чугунную плиту. Жидкий утренний свет, казалось, через силу проникал в это жилище, смутно высвечивая тяжелый

дубовый стол посреди комнаты, покрытый истертой клеенкой, вытертые до блеска, гнутые, как восточный лук, спинки венских стульев, неведомо как сюда попавшие, и старинный, с черной, облупившейся во многих местах краской, шифоньер, за которым холодно поблескивали никелированные

шары над изголовьем металлической кровати с накинутым на нее пёстрым одеялом. И это было всё, что Анна Егорьевна Колобова, проживавшая здесь, скопила за долгие годы неустанного труда. Да еще на стене, в углу, не сразу можно было различить в теснившемся полумраке иконку Казанской Божьей Матери в потускневшем окладе и старую фотографию времён дагерротипа, на которой был снят благообразный бородатый мужчина в суконной поддевке и высоких козловых сапогах с мягкими голенищами и пожилая женщина в глухом черном платье с белобрисой девчушкой на руках. Правда, было у Анны Егорьевны еще одно живое существо – кошка Белянка, редкой ангорской породы, которую она чаще всего называла Беглянкой, так как та почти всё время пропадала где-то по нежилым подвалам и только изредка после своих любовных утех навещала хозяйку как какая-нибудь редкая и важная гостя. Анна Егорьевна, вкусно накормив и расчесав щеткой ее белопушистый мех, сбившийся в колтуны, пыталась ей выговаривать за ее проказы, но Белянка, внимательно слушая и как будто всё понимая, продолжала жить по-своему. И хозяйка махнула на нее рукой: что, мол, с тобой поделаешь – живи, как хочешь.

Изображенных же на фотографии мужчины и женщины давно уже не было в живых, а белобрисой девчурке – их дочери Ане – самой теперь шел восьмой десяток. Так что она нередко говорила Константину Росову – молодому художнику с острыми ястребиными глазами, забегавшему в соседнюю с ней комнатушку, которую он не без иронии называл своей студией (в чем Анне Егорьевне чудилось что-то студёное, стылое, и она сердобольно советовала ему потеплее одеваться во время работы):

– Не годы старят, Костюшка, а горе. Вот и стала ни себе не гожа, ни людям не пригожа

Но Анна Егорьевна явно преувеличивала свои немощи. Была она еще жилистой, костистой, как породистая, но несколько состарившаяся кобылица, с прямой, как по отвесу, спиной и ясными, умными глазами с затаенной лукавинкой в глубине светлых зрачков. Со слов Анны Егорьевны художник знал, что была она родом из зажиточной семьи соборного старосты, которого после Октябрьской революции сослали невесть куда, и они остались одни с матерью, которая вскоре, не вынеся душевных и физических тягот, умерла, и Анне Егорьевне, оставшейся одной, пришлось, как она колоритно выражалась, хватить мурцовки в жизни. Чтобы не умереть с голоду, нанималась она работать и подсобницей, и продавщицей, и весовщицей на товарной станции, таская мешки наравне с грузчиками. Работала она и разделщицей рыбы в рыболовецкой артели на Каспии, куда завербовалась перед войной. Там она вышла замуж, но тут пришла война, на которой погиб ее муж – Дмитрий. После войны Анна Егорьевна вновь вернулась в Питер, как говорили ее товарки, по лимитному набору и стала трудиться в Стройтресте на дорожных работах.

Когда с лихвой выработала свой рабочий стаж, попросилась у трестовского начальства оставить ее на какой-нибудь подсобной работе, чтобы избежать томившего ее одиночества. Начальство, учтя ее чуть ли не полувековой полукаторжный труд,

пошло ей навстречу, определив на уборку территории – двора и сада – при Управлении Треста. А вместо прежнего общежития на Голодае, где она прожила с такими же труженицами божьими все эти годы, ей предоставили отдельную комнату в полуподвале, которую Анна Егорьевна не без гордости называла своей квартирой. Здесь, в этом полутемном жилище, она, как первая христианка, и коротала свой вдовый век.

Соседа же художника она не считала жильцом, так как он появлялся здесь редкими набегами, когда нужно было что-либо оформить в Тресте по художественной части. В остальное же время, по словам Анны Егорьевны, его носило по свету, как щепку по морю, в поисках неведомо каких потаённых мест и людей. Про себя она уважала Константина за добрый нрав и одержимость в работе, которую она ощущала и в самой себе, считая, что без труда нет и добра. Из всех его висевших по стенам на подрамниках картин ей особенно почему-то нравилась одна – с лебедями, написанная где-то, по словам художника, на Белом море.

– Они как живые, Костюшка, – говорила удивленно Анна Егорьевна. И ей невольно было жаль этих царственных птиц, таких одиноких среди стылого сизого простора и хрустально мерцающих льдов над прозрачным северным сиянием. Они невольно будили в ней что-то свое, несбывшееся, лебединое. В таких случаях Анна Егорьевна, глядя на картину, тихо вздохнув, говорила художнику.

– Как ни куражься, Костюшка, курица, а лебедь всё одно ей не стать. У каждого своя судьбина.

Сама же Анна Егорьевна никому на свою судьбину не жаловалась, мужественно неся свой одинокий крест. В веселую минуту она даже шуточно называла себя «подседельной лошадкой» – во что запрыгнут, то и тащишь.

Художник любил слушать Анну Егорьевну с ее постоянными присказками и иносказаниями, за которыми, как ему казалось, вставала какая-то другая, неведомая, жизнь Анны Егорьевны, как за спокойной гладью вод часто скрываются прозрачные подземные ключи, питающие большую реку. И то, что она рассказывала ему о себе, было как будто так и не так, словно виделось с разных сторон через морозное окно. Да и разве могла она рассказать ему обо всём том, что виделось ей за этим морозным, в сверкающих узорах, окном ее жизни. Прошлое было то близким и реальным, прикасаясь порой к ней, как ледяное железо, то далеким, туманным – не то было, не то небыло.

Но сейчас, когда колокола на Андреевском соборе вызванивали что-то свое, высокое и томящее, перед ней возникали, сменяя друг друга, как кинематографические кадр незабываемые картины из ее жизни, приобретая завораживающую, магическую явь. То ей припоминалось вдруг то время, когда она с затаенным чувством счастья отправлялась на далекий, неведомый Каспий, где уже были другие люди и земли, и как это предчувствие не обмануло ее. Там, на Каспии, на Челекене, работая в рыболовецкой артели, она встретила и полюбила своего суженого – Дмитрия Соколенкова, вихрастого, синеглазого бригадира артели, ходившего в море за каспийской сельдью. Помнила, как сейчас, как однажды, когда они одни остались за разделкой рыбы, он сказал ей, глядя на нее своими голубыми полянами:

– Аня, что хочешь со мной делай, а я полюбил тебя, и хочу, чтобы ты стала моей женой. Согласна ли ты?

И как она с радостью, бьющимся, казалось, готовым выскочить из груди сердцем, тихо ответила:

– Я согласна, Митя.

– Тогда скажи своим подружкам, а я скажу своим друзьям, что на следующей неделе наша свадьба.

И была свадьба: веселая, артельная, на всё побережье, с шумным застольем, с катаньем и купаньем в море молодых на счастье. И пелись обжигающие тоской песни, как они поются русскими людьми на далеких окраинах России.

Но не зря говорится, что по две радости в один день не живут. Не успела еще отшуметь их веселая свадьба, как нагрянула, как гром с ясного неба, черная гостья – война. И пошел на фронт и погиб в первом же бою ее Дмитрий, о чем ей сообщила серая, как лицо смерти, похоронка. Ну и выплакала же она тогда свое горе морю, такому же солённому и безбрежному, как её слезы.

Помнила, как часто потом в ее беспокойных снах являлся ей Дмитрий где-то там, в России, в золотых полях с синеватыми васильками, такими же, как и его глаза, в которых отражалось целое небо света и радости. И они были по-прежнему такими молодыми и счастливыми, как в пресветлый Троицын день.

С той поры Анна Егорьевна в каждую годовщину гибели мужа ходила в церковь и ставила поминальную свечу за упокой его чистой души. Ходила, как на праздник, вырядившись во всё самое лучшее, что у нее осталось от родительского приданого, и что она берегла, как зеницу ока. И как же был поражен художник, привыкший видеть Анну Егорьевну в ее будничной рабочей одежде за уборкой в саду или во дворе, когда однажды увидел ее идущей к Андреевскому собору, чтобы помолиться и поставить заупокойную свечу по своему Дмитрию. Было это как раз на поминальной неделе. И если бы Константину сказали, что это Анна Егорьевна, он бы сразу ни за что не признал бы ее – такой неузнаваемой она предстала перед ним. Анна Егорьевна была одета в малиновое бархатное платье старинного покроя, спадающее своими тяжелыми складками почти до самой земли, и небесно синюю, плавившуюся на ней, кацавею с серебряной оторочкой. На ногах же ее красовались остроносые замшевые полусапожки. Ее густые, золотисто-рыжие волосы с едва заметной припушкой седины были старательно убраны в причудливую прическу по моде тридцатых годов с задорным петушиным коком над высоким лбом. На поминании мужа, когда его образ возникал перед ней, как живой с ослепительной синью глаз, ей хотелось быть такой же, какой она была его невестой. Она шла как-то особенно легко, пламенея за деревьями своим красочным нарядом, сохранившимся как будто с каких-то сказочных времён, когда даже простых русских женщин называли сударынями и княгинями. Такой удивительно преобразенной и предстала перед Росовым Анна Егорьевна. И он был необычайно удивлен тем, что, зная столько лет Анну Егорьевну, он, художник, не замечал в ней, как в старом запыленном зимнем дереве. Анна Егорьевна, работая в саду, видела, как весной, после морозной зимы, почер-

зеркале, этой поразительной, не подвластной времени, красоты.

Но когда он, дождавшись ее возвращения из собора, предложил написать ее портрет в этом дивном ее наряде, Анна Егорьевна, улынувшись, шутливо отмахнулась, сказав:

– Ишь, чего вздумал – старуху писать. Мало ли молодых да красивых... Их, Костюшка, рисуй и другим будет в радость. – видя, как расстроился художник, уже ласковее добавила, – Раньше надо было, Костюшка, когда молодой красавицей цвела... а теперь что уж: как говорится, что старее, то дурнее. Только радость и молодит, а ее, как птицу, на лету не удержишь.

Анна Егорьевна, говоря это, хорошо знала, что такое эта окрыляющая душу радость, которая приходила к ней порой как к путнику, одолевающему гору, чтобы с вершины ее увидеть нечто такое, что переполняет восторгом его дух.

Так, думалось ей, ведет Господь человек к вечному спасению, вечной радости. И никогда, пожалуй, она не испытывала такой ликующей радости, отзывавшейся потом в ней всю ее жизнь, как в тот первый незабываемый послевоенный год, когда они вели новую дорогу на Усть-Нарву к морю.

Их нещадно палило солнце, чадным жаром несло от расплавленного, дымящегося гудрона, ветерок засыпал глаза песчаным зноем, а каменистая земля казалась раскаленной, как гигантская жаровня. Но они упорно пробивали эту дорогу. И чем непокорнее становилась земля, тем с большей яростью они обрушивались на нее. И каждый удар трамбовкой становился дорогой, звенящей дорогой к морю. Оно вздымалось на горизонте, как цветной, облежавший берег, дышащий туман. И они несокрушимой лавиной приближали к нему торжество победы.

В выцветших и замызганных дорожных спецовках, с перепекшимися на солнце лицами и белёсыми, как полынь, бровями, они давно уже стали неотъемлемой частью этой дороги, этой земли, которая обратилась в их жизнь, в их судьбу, как тот камень, который тащил в гору легендарный Сизиф. И только в их живых и лучистых глазах слово затаилась, маня синевой, какая-то другая, неведомая чудесная жизнь. Над ними, пестрея тенями, шумели сосны...

– Батюшки мои! – хотелось ей крикнуть всем-всем на этой земле. – Хорошо-то как, благодать-то какая Божья...

Перед ней на горизонте всплывали белоснежные паруса лодок. Люди плыли в этих лодках и пели. И ей казалось, что она тоже плыла с ними и пела, пела песнь своей торжествующей души, сливаясь в какое-то одно радостное ликование со всеми этими людьми, морем и небом и самой бесконечностью.

И когда художник иногда спрашивал Анну Егорьевну о причине ее неожиданно весёлого настроения, она с затаенной лукавинкой отвечала:

– Сей, Костюшка, слезами, радостью пожнётся.

И, действительно, на старости лет она пожинала эту радость, как хлебороб пожинает плоды своего усердного труда. Она питала ее в черные дни, как незримые, живительные соки земли питают

И этот звон не казался уже ей таким тяжелым, словно надтреснутым от натуги, а, наоборот, звуки

невшие, точно от горя, деревья, начинали оттаивать, расправлять ветви под набравшим силу солнцем.

Но в этот раз весна была поздняя, затяжная. И всё же с каждым днём она входила в силу, пока всё в саду не задышало в потоках ослепительного света одним дыханием зацветающего мира. И это радовало Анну Егорьевну, как будто в ее доме справляла свое торжество сама бужущая весна. Правда, от терпкого, пряного воздуха, солнца, тепла, несмолкаемой птичьей колготни у нее по временам, когда она убирала в саду, начинала ни с того, ни с сего кружиться голова.

Вот и сейчас, закончив расчищать дальше дорожки сада, куда почему-то больше всего наносило прошлогодней листвы, пахнувшей сладостной прелью, она, как это обычно делала, присела на разогретую солнцем дощатую скамью и, заслушавшись пением птиц, незаметно погрузилась в полудрёму, не то в полуявь. И видела, что она по-прежнему работает в саду, подстригая газон. От густого цвета, в котором сад тонул, как в белых сугробах, он казался каким-то неузнаваемо преображенным.

За его тенистой оградой, как ангельский хор, звенели детские голоса.

И ее руки в плавных движениях, словно творили неуловимую музыку – музыку трав, музыку земли. Изредка, отрываясь от работы, она смотрела на темнеющий за садом мост, вздымавшийся как допотопное чудовище, над светлеющими водами, по которому оглушительно звеня, как на пожар, проносились трамваи. Их красно-бурые тела с грохотом, как в бездну, рушились в проулок.

И тут она услышала голос, и этот невидимый голос спрашивал:

– Анна, Божья работница, а скажи: чей это сад?..

Она так растерялась, что только и могла испуганно пробормотать:

– Сад... а он ничей... он всех – сад.

– А знаешь ли ты, кто в нем твой Садовник?

И она еще более испуганно, слушая этот небесный голос над собой, прошептала одними губами:

– Откуда же мне знать, кто мой садовник?

– Так знай же, Анна, что это я твой Садовник.

И голос так же внезапно смолк, как и возник.

Вздрыгнув, Анна Егорьевна очнулась от дрёмы и с тяжело и тревожно бьющимся сердцем заспешила к себе, в свою комнату, как спешит испуганная птица в свое родное гнездо. В тусклом, сумеречном свете за окном по-прежнему слышался участвовавший колокольный звон, но звонили теперь не к малой, а к великой пасхальной вечерне.

Николай КУКОВЕРОВ

АФГАН ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

Иногда, перелистывая страницы своей биографии, задаешься вопросом: почему на твою голову выпало столь много испытаний?

В моем военном билете имеется запись: "В 1980 году прошел 60-ти суточные военные сборы офицеров запаса при Калининградском высшем ордена Ленина училище инженерных войск им.

его были легкими, тающими, манящими за собой. И прислушиваясь к этим звукам, Анна Егорьевна изумленно-радостно воскликнула:

– Господи, да ты ведь и есть мой божественный Садовник! Как же это я сразу не спознала Тебя. Ты зовёшь меня, и я иду, иду к Тебе, мой Боже...

Росов, задержавшийся в этот раз более обыкновенного в своей комнатухе-мастерской, так как с увлечением писал возносившийся за его полуподвальным окном весенний сад со струящимися вверх, как на иконных горках, деревьями, был очень удивлен, что не слышал на кухне обычной возни Анны Егорьевны и веселого перезвона посуды. Он подумал, что она, вероятно, решила подольше отдохнуть в этот праздничный пасхальный день, и принялся было за свою работу, когда услышал у своих дверей слабое царапанье и кошачье мяуканье. Это могла быть только Белянка, хотя она никогда еще этого не делала, подчеркнута игнорируя его пребывание в этой комнатухе. Художник поднялся и приоткрыл дверь, за которой, действительно, была Белянка, совершенно не похожая на себя: такой взъерошенный и встревоженный у нее был вид. Он шире распахнул дверь, но кошка не входила, как будто ее кто-то держал на невидимой привязи, и только глядела на него своими мерцающими глазами. Затем повернулась и тихо пошла, неслышно перетекая белой снежной позёмкой к себе в комнату, дверь в которую была чуть приоткрыта, точно из нее только что кто-то вышел. Всё более удивляясь, Росов вошел вслед за ней к Анне Егорьевне и в полутьме подвала глаза его невольно остановились на старых, подаренных им когда-то Анне Егорьевне коричневых валенках, прислоненных к стене, которые зияли теперь своей безмолвной пустотой. В комнате стояла какая-то непривычная и пугающая тишина. В выступавшем со всех углов сумраке он не сразу увидел Анну Егорьевну, лежавшую на кровати за старым шифоньером. Анна Егорьевна лежала на спине со скрещенными на груди руками, в них тускло мерцал старинный серебряный крест, и широко открытые глаза ее были устремлены в какую-то внезапно распахнувшуюся перед ней беспредельность. Она была в том же чудесном одеянии, в котором он видел ее однажды: тяжелом, бархатном, пламенеющим византийским пурпуром, платье и атласной кацавее. Волосы ее на этот раз были аккуратно и гладко зачесаны, как у схимницы, а лицо было неожиданно просветленным, с разгладившимися морщинами и таким умиротворенным и прекрасным, что художник, глядя на него, невольно пожалел о том, что не написал ее портрет, с которого смотрела бы сама Россия.

А.А.Жданова".

Можно лишь предположить, что Бог, назначая избранного писателем или поэтом, уверен, что когда-нибудь тот изложит пережитые события и доведет их до читателя.

* * *

По осени 1980 года я после работы, сидя в ленинградской коммуналке, пил жигулевское и смотрел телевизор. Ничто не мешало спокойному времяпрепровождению. Детей у нас тогда еще не было. Жена писала карточки больных, она – участковый терапевт.

Звонок. Человек от военкомата:

– Здесь проживает Куковеров Н.Ф? Ему повестка.

Открыл дверь сосед по коммуналке:

– В военкомат, а я думал в суд... где расписаться?

Через минуту повестка лежала у меня на столе. Законопослушный, иду на следующий день в Невский райвоенкомат. Перед дверями комнаты, указанной в повестке, толпа. Спрашиваю:

– Кто последний?

– Можем пропустить, желающих нет.

– На сборы?

– А куда же еще...

Не прошло и часа, как моя судьба на ближайшие два месяца была определена. Майор, руководивший распределением на сборы, говорит мне:

– Вас – 8 человек, едете в Калининград, вот предписания, выезд завтра, ты старший.

– Товарищ майор, а может...

– Не может. Вам 29 лет, детей нет, здоровье соответствует, готовьтесь.

Иду домой, звоню на работу, собираю вещи, указанные в повестке.

На другой день к поезду никто не опоздал. Спрашиваю:

– В дорогу взяли?

– Нет.

– Тогда идем в магазин.

В привокзальном магазине в наличии исключительно коньяк, берем три бутылки. Садимся в вагон поезда, наши два купе, я на правах старшего говорю:

– Значит так, братцы-кролики, коньяк экономим – две приходим сегодня, одну оставляем на завтра...

Поезд трогается. Время проходит быстро, утром подъезжаем к Калининграду. Допиваем третью. Выходим из вагона на перрон, оттуда в город. Мне еще не приходилось бывать в этом городе, но по учебнику истории я знал, что ранее он звался Кенигсбергом, и в годы минувшей войны здесь шли ожесточенные бои между нашими и немцами. На встречу матрос. Спрашиваю:

– А вот скажи, матрос, как доехать до Калининградского высшего инженерного ордена Ленина командного училища?

– КВИОЛКУ, что ли?

– Наверное, так.

– Знаю, знаю, здесь про ваше училище байка ходит:

День прошел, а х... толку

В этом гребаном КВИОЛКУ...

Садитесь на троллейбус № 4 и едете до кольца, там на окраине города это самое училище. Попутного ветра.

Через полчаса мы уже на месте, предъявляем документы, нас пропускают на территорию. Находим казарму, отныне – здесь наше местожительство. В казарме многолюдно – не менее ста человек. Докладываю начальнику сборов о прибытии.

– А, ленинградцы, дети мои...

Начальник сборов – полковник производит впечатление милого человека. Взяв предписания, го-

ворит:

– Облачайтесь в военную форму.

Переодеваемся. Следует команда:

– Выходи строиться.

Дежурный капитан докладывает начальнику сборов о готовности следовать на обед. Вот тебе армейская дисциплина. На обед офицеров – строем, кто мы – салабоны первого года службы? Не слишком ли строго? Но никто не ропщет. Обедаем. Так же строем возвращаемся в казарму. Следует команда:

– Разойдись!

Я нахожу свою кровать и желаю прилечь. Тут же следует замечание капитана:

– На кровати никому не ложиться, они предназначены для сна.

– Да здесь замордуют! На обед – строем, на кровати – не ложиться, может быть, в туалет строем ходить?

Но, на всякий случай, сел на табуретку. Через некоторое время следует команда:

– Выходи строиться!

Начальник сборов выходит из канцелярии. Он в яловых сапогах, подтянут, настоящий строевой офицер, выправка безукоризненная. Полковник похож на адъютанта его превосходительства из одноименного сериала. Капитан докладывает:

– Товарищ полковник, учебные сборы офицеров запаса по вашему приказанию построены.

– Здравствуйтесь, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ полковник!

– Плохо здравуетесь, вразнойбой...

От добродушного и милого человека не осталось и следа:

– Вновь прибывшим напоминаю, остальные уже слышали. Если вас не научим мы, преподаватели училища, то будут доучивать горные стрелки. Предупреждаю сразу, два месяца будем учиться вести боевые действия по полной программе. В увольнение буду отпускать сам лично и только тех, кто дисциплинирован и проявит усердие в службе. Капитан Иванов! Провести распределение ленинградской команды по учебным взводам. Вопросы?

Я решил разрядить обстановку, коньяк еще крепко сидел в моей голове:

– Товарищ полковник, а в штаб вам не нужны помощники? Я могу плакаты, схемы оформлять, документы разные.

– Нет, товарищ старший лейтенант, не нужны, а вот офицеры грамотные – да. Вот вы – товарищ младший помощник старшего писаря, будете командиром 3-го учебного взвода. Зайдите в канцелярию, ознакомьтесь с расписанием занятий и списком офицеров запаса, входящих в ваш учебный взвод. Теперь всем привести в порядок форму одежды. Знаете расстояние от края погона до центра лейтенантской звездочки?

Так неожиданно я стал командиром. Люди сидят, не высовываются, а меня вечно на приключения тянет. Захожу в канцелярию.

Полковник зла не таил:

– В каком полку служили?

– 64-й отряд, город Микунь.

– Да, страна Комия – заполярный край. У меня там товарищ служит, в дивизии охраны. Впрочем, мы отвлеклись, хотя, надо признаться, это очень хорошо, что служил в армии, по крайней мере курс молодого бойца проходить не надо. Ведь присыла-

ют иногда офицеров, пистолет не умеют в руках держать, не говоря о другом. Знаешь, как в Афгане убивают наших?

– Откуда же мне знать?

– Так вот, там горные стрелки – духи стреляют в тот момент, когда солдат делает первый шаг.

– Почему, не все ли равно, как убьют?

– Для того, в кого стреляют, все равно, для того, кто стреляет – не все равно. Когда солдат делает первый шаг, он находится в неустойчивом положении и в момент выстрела падает нестандартно. Мораль: попробуй угадать, откуда стреляли?

Стало быть, вот как дело оборачивается. Два месяца подготовки, и вместо дембеля – страна Афганиция...

Вечереет. Мы уже полностью экипированы, ознакомимся с помещениями в казарме. Мы находимся на чердаке, окна с фонарями. Казарма построена добротно еще до войны немцами, здесь раньше находилось танковое училище Гудериана. Рядом дома с острыми крышами в готическом стиле. На территории училища – канализационные люки с немецкими знаками, на крышах кой-где остались флюгеры с немецкими буквами. После ужина – личное время. Кучкуются офицеры из Прибалтики, вот группа офицеров из Тулы и Тульской области. Беспокойства никто не испытывает, про Афган в то время ничего не говорили, так что и бояться как бы нечего.

Последовала команда:

– Командирам взводов зайти в канцелярию.

Полковник спрашивает:

– Ну, как, взводные, познакомились со списком личного состава?

– Так точно, изучили.

– Изучить мало, нужно знать своих подчиненных пофамильно. Согласно уставу, командир должен знать лично своих подчиненных, их морально-политические качества.

Я возразил:

– Товарищ полковник, но подчиненные – офицеры, они сами должны командовать взводами, а то и ротами.

– Здесь другие задачи, товарищ старший лейтенант. Кстати, вы с какой должности демобилизовались?

– Заместитель командира роты.

– Для того, чтобы участвовать в боевых действиях, этого недостаточно, нужно знать и уметь чуть больше, чем вас учили в армии. А ежели кто не служил, тому на войне вообще делать нечего, шлепнут в первом же бою. Одно дело – стрелять по мишени, попал, не попал – от этого ваша жизнь и жизнь ваших подчиненных не пострадает. Другое дело – когда по тебе стреляют, когда, скажем, на дороге поставлена не учебная мина, а боевая. Гибнут на войне в основном по той причине, что, оказавшись в экстремальной ситуации, не знают, как из нее выйти, как, другими словами, обнаружить противника, разгадать его маневр и уничтожить. Воевать с мишенями и дурак может. Так что, господа офицеры, идите и изучайте списки личного состава.

Час от часу не легче. Читаю список 3-го взвода. Так, кто тут первый? Лейтенант Дуб, далее лейтенант Вебер, лейтенант Ким, лейтенант Кудараускас, лейтенант Романенко, старший лейтенант Колесников – этот вроде наш, лейтенант Сохатый. Кто

такой, странная фамилия, где-то я ее слышал. Да, вспомнил, когда я служил действительную, у нас был офицер с похожей фамилией – Сергатый. Чертовщина какая-то – Сергатый, Сохатый, Горбатый... Да, многонациональный взвод. Впрочем, пора спать. Один офицер предлагает:

– Братва, когда я служил в армии, у нас была традиция перед сном выкрикивать: "Вот и еще один день прошел!"

– Ну и хрен с ним!

Утром – подъем. Завтрак. Идем на строевой плац. Согласно расписанию, строевая подготовка. Плац хорошо оборудованный. Здесь уже военный оркестр пробует трубы и барабаны. Появляется начальник училища – генерал-майор, с ним сопровождающие его старшие офицеры. Все поднимаются на трибуну. Подходят другие подразделения, курсанты. После необходимых команд начинается парад. Первой проходит строевым шагом группа полковников – все в папахах, идут тяжело – возраст не тот, но стараются изо всех сил, тянут ногу. Далее идут курсанты, у них со строевой подготовкой все в порядке. Мы в самом хвосте, топчемся на месте. Начальник сборов командует:

– К торжественному маршу...

Приближаемся к трибуне. Начальник сборов командует:

– Сборы, смирно, равнение направо!

Переходим на строевой шаг, неровными рядами приветствуем начальника училища. После прохождения команда:

– Вольно... Плохо ходим строем, товарищи офицеры, будем тренироваться. Капитан Иванов, проводите занятия.

Маршируем два часа подряд. Мне не молчит:

– Товарищ капитан, нас что, на парад готовят? Скоро 7 ноября.

– В отношении парада ничего сказать не могу, а вот в Джелалабаде возможно походить строем придется.

– Так там же горы, где ходить-то?

– Вот по горам и будете маршировать, а вообще-то разговоры в строю уставом не предусмотрены.

После муштры всех собрали в актовом зале училища, где каким-то полковником была прочитана лекция – "Советская военная доктрина":

– Товарищи офицеры! Наше государство миролюбивое, оно никогда ни на кого не нападало. Но если кто-то придет к нам с мечом, от меча и погибнет. Наша военная доктрина оборонительная. Это наглядно показала Великая Отечественная война. На нас напала Германия и получила решительный отпор. Мы победили, и ни один враг более не посмеет посягнуть на наши рубежи. Да.

Далее в том же духе. После лекции полковник обратился к присутствующим:

– Кто желает что-либо добавить по этой теме?

Добавлял я:

– Товарищ полковник, вы сказали – доктрина миролюбивая, а как же Венгрия, Корея, Вьетнам, Чехословакия, Афганистан? Наши войска туда вошли и принимали, а в Афганистане принимают участие в боевых действиях, тут обороной не пахнет. Здесь самое настоящее наступление, если не сказать больше – вторжение.

– Да, вошли, но по просьбе правительств этих стран. Это дружественные нам страны и мы не могли не откликнуться на их призыв о помощи. Во-

вторых, там работали и работают наши военные советники, а воевали и воюют вооруженные силы их стран. В-третьих, слово "вторжение", товарищ старший лейтенант, здесь неуместно, я бы попросил вас более внимательно применять подобные термины по отношению к нашим вооруженным силам. Кстати, как ваша фамилия? Лекция закончена. После обеда занятия по огневой подготовке.

Мы разделены по взводам, каждый взвод, согласно расписанию занятий, занимается в отдельной аудитории. На длинном столе разложено оружие: пистолет Макарова – ПМ, автомат Калашникова – АКМ, ручной пулемет Калашникова – РПК, гранатомет – РПГ-7, пулемет Калашникова – ПК. Занятия проводит молодой майор по фамилии Алпатов. Ему совсем недавно присвоено это звание, поэтому он старается оправдать два просвета на погонах:

– Товарищи офицеры! Сейчас вспомним тактико-технические данные современного стрелкового оружия. Большинство из вас служили в армии и, по крайней мере, имеет представление, для чего оно применяется. Тем, кто не знает, скажу прямо – оно предназначено убивать вероятного противника, который посягнет на нашу страну. А мы, военные, собственно и призваны с оружием в руках выполнять поставленные перед нами боевые задачи. А сейчас, кто может разобрать и собрать автомат Калашникова?

Вызвался старший лейтенант Колесников, он служил в армии и даже привез из дома собственную офицерскую форму с ремнем и португеей, при этом не уставал повторять:

"Как одену португею.

Все тупею и тупею."

Автомат он разобрал быстро. А вот со сборкой произошла неувязка – затворная рама с газовым поршнем никак не желала заходить в нужные пазы. И когда он, собрав последний уровень интеллекта, сумел поставить ее на место, кто-то хихикнул:

– Вот так он, наверное, со своей бабой...

Майор неудовлетворен:

– Да, с такими темпами, товарищ старший лейтенант, вас можно в бою убить раз десять. Представьте себе, если вы будете собирать автомат в течение трех минут, когда по вам стреляет противник. Он ждать не будет, пока вы соберете автомат и начнете отстреливаться. По нормативам на разборку и сборку автомата дается не более 20-ти секунд. Показываю, засекайте время.

Да, майор свое дело знает хорошо, не зря ему одну большую звезду на погон кинули.

– Кто еще желает?

Поскольку желающих не было, майор сказал:

– Тогда командиру взвода нужно проявить инициативу.

Автомат в свое время я разбираю и собираю с закрытыми глазами, что и было продемонстрировано.

Майор:

– Плохо, товарищ командир взвода.

– Это почему ж? В нормативное время я уложился.

– Да, уложились, но вот забыли поставить автомат на предохранитель. Одно случайное нажатие на спуск и...

– Но в данном случае автомат не заряжен.

– Все равно виноваты, ружье и на стене один раз в году стреляет. Для всех – обращаться с оружием нужно исключительно внимательно.

Вообще-то АКМ – самое лучшее стрелковое оружие в мире, во Вьетнаме американские солдаты им не брезговали, их автоматические винтовки М-16 намного уступают нашему Калашникову. Самое главное его преимущество – безотказность в бою.

– А правда, товарищ майор, что разработаны пули со смещенным центром тяжести, попадает в ногу, а выходит в голову?

– Да, такие разработки имеются. Пуля этого калибра пробивает человека навывлет, а вот пуля со смещенным центром тяжести – кувыркается, поэтому ранение от такой пули значительно тяжелее. Кроме того, разрабатывается автомат другого калибра, но пока и данное оружие чрезвычайно эффективно. Военная наука не стоит на месте. Тут, товарищи офицеры, вы должны отчетливо понимать, что в бою победит только тот, кто лучше вооружен и лучше подготовлен. В ту войну говорили так: "Либо ты убьешь врага, либо он тебя". Так что в отношении кувыркающейся пули могу сказать определенно: в бою она будет значительно эффективнее, тем самым вы имеете больше шансов выжить, то есть победить врага.

– Но, товарищ майор: это все-таки очень жестоко. Пусть даже враг, но, по моему, нужно проявлять больше милосердия. Жестокость порождает жестокость.

– Вот что, товарищ старший лейтенант. Это не мой вопрос, обратитесь в ООН или ЮНЕСКО. Мы – военные, и должны выполнять приказы. Эра милосердия еще не наступила. А теперь изучим пистолет Макарова. Это отличное оружие для ближнего боя. В условиях боевых действий им, как правило, офицеры не пользуются, предпочитают автомат или пулемет. Какой же враг будет воевать на таком расстоянии? Например, душманы стреляют с высоких мест, как правило, из тяжелых пулеметов. Попробуй, сними его из пистолета! Кроме того, у пистолета "хорошая" отдача и нет приклада, попасть их этого оружия проблематично. Но в целом для ближнего боя пистолет незаменим.

В отношении ручного пулемета Калашникова – РПК ничего нового сказать не могу, такой же автомат, только в магазине больше патронов, кроме того, у пулемета удлиненный ствол, что позволяет вести стрельбу на большие дистанции, и передняя опора. С нее стрелять намного результативнее.

А вот РПГ-7 – гранатомет, оружие незаменимое для борьбы с танками и другой бронированной техникой. Из подобного оружия душманы жгут наши танки и БТЭРы, как спичечные коробки.

Теперь рассмотрим устройство и тактико-технические характеристики тяжелого пулемета Калашникова. Это самое эффективное оружие. Видите – коробка с патронной лентой, тут патронов на целую роту противника хватит. Станковый пулемет "Максим" – по сравнению с ним – ружье. Все это вы изучите на самоподготовке, а потом – на стрельбище.

Идем в казарму. Начальства сегодня там нет, можно расслабиться, то есть прилечь на кровать, что и делаю с превеликим удовольствием. Мои раздумья прервал туляк – старший лейтенант Колесников:

– Взводный, нам нужен материал для подворот-

ничков к ХБ и кальсоны, ночью холодно спать.

– Так обратитесь к старшине сборов.

– А вот когда я служил в армии командиром взвода, то мои солдаты ходили в чистых подворотничках, и нижним бельем я занимался сам, солдаты меня уважали.

– Ну-ну...

Настроение было испорчено. Вечерняя поверка. Все на месте. Отбой. Сон.

Утром снова строевой плац. Этот ритуал, видимо, очень радовал начальника училища, грел его душу. Еще бы, все его приветствуют, значит он – самый главный, кто же не хочет быть главным?

Но лично мне эта муштра удовольствия не доставляла. Сегодня мы не понравились генерал-майору, он завернул колонну для повторного прохождения.

Разошлись по учебным аудиториям. Первая пара – "Организация и вооружение иностранных армий". На стене – таблицы и плакаты.

Смысл лекции был таков: наша армия лучше армий вероятного противника как по организации, так и по вооружению.

После лекции – перекур. Ко мне подошли товарищи из Прибалтики, один из них спрашивает:

– Что, взводный, скажешь об организации иностранных армий?

– Что тут сказать, если есть государство, значит есть и армия.

– А когда Прибалтика отделится от вашей страны, мы кто для вас будем – вероятный противник?

– Если такое отделение произойдет и страны вступят в конфронтацию, то да – вероятный противник. В любом случае государству нужно иметь сильную армию.

– Значит, мы, по твоему мнению, слабые?

– Думаю, что да.

– Ну, а если война, будешь в нас стрелять? Я бы тебя первого убил.

– Трудно сказать, но стреляю я хорошо, не промажу.

Перекур закончился. Идем в другое учебное здание, рядом со мной лейтенант Кудараускас. Спрашиваю:

– Ты где служил, лейтенант?

– В Чите.

– А живешь?

– В Риге.

– Был у вас проездом, хороший город, только улицы узкие. Помню, в привокзальном ресторане бальзама отпили... Чего это твои земляки такие разговорчивые?

– Ты на них не обижайся, у них свое представление о суверенитете. Тот, что с тобой говорил, и армии-то не нюхал, вот и петушится. А вот мне довелось два года после института пахать от звонка до звонка.

– Мне тоже досталось. Ты передай своим землякам, чтобы держались от меня подальше, я ведь могу и табло подправить.

Следующая пара – "Мино-взрывное дело". Подполковник, проводящий занятия, разговорчив. Первое, что он нам сообщил, знали все:

– Сапер ошибается один раз в жизни.

После изучения характеристик мино-взрывных элементов, речь зашла о минах-ловушках:

– Да, товарищи офицеры, одно дело взорвать снаряд или авиабомбу времен минувшей войны.

Прикрепил шашечку, да и подорвал, это и дурак может, а вот мина-ловушка... Знаете, какие мины-ловушки придуманы? Например, идет человек по дороге, а у него под ногами – плитка шоколада. Развернул и взорвался. Или, скажем, идешь, бывало, а прямо под ногами авторучка валяется – конечно, искушение – поднять. Снял колпачок, тем самым освободил взрыватель, секунда – и кистей рук как не бывало. Хотя и небольшой заряд, а изуродует на всю оставшуюся жизнь. Или, например, обнаружили вы противотанковую мину, разминировали ее по всем правилам саперного искусства, стали снимать, а под ней – другая мина, которая взрывается при снятии первой. Чик – и вы уже на небесах. Есть еще мины на растяжках: зацепил ногой за растяжку, да и подорвался, ноги как не бывало. А еще есть прыгающие мины: мина подпрыгивает на метр от земли да там и взрывается, радиус поражения больше, значит, и укрыться от нее труднее.

– А как же бороться с такими минами?

– Во-первых, надо проявлять бдительность. Но есть и технические средства: встретил непонятный предмет или идешь по незнакомой местности – бери в руки миноискатель. Нашел мину, это уже половина успеха, а как ее обезвредить – вопрос техники. Можно расстрелять минное поле из реактивных установок, или пройтись танковым тралом, можно разминировать вручную. Главное – обнаружить мину, и тут самые главные саперы – это специально обученные собаки, одна такая собака целый взвод саперов заменит.

– Товарищ подполковник, вас послушать, то и саперов не надо, запустить стаю собак на минное поле...

– Но, шутки в сторону, если вам придется действовать в боевых условиях, знайте, что враги – особенно в горах, мастаки на разные каверзы, они в атаку не ходят, сидят, караулят, или стреляют из-за угла, могут и фугасом попочевать. Поставят на дороге и подорвут, когда БТР проходит по ней. Впрочем, все это вы отработаете на полигоне.

– Да, дело пахнет тротилом.

Следующее занятие – "Тактика". Нам раздают учебные карты, наносим обстановку, где противник и что он делает, расположение наших подразделений. Майор, проводящий занятия, ставит задачу:

– Надо уничтожить врага имеющимися силами и средствами.

В общем, тактика – предмет малоинтересный. Майор продолжает свою песню:

– Враг хитер и коварен... Знаете, за что один сержант на Даманском получил Героя?

– Нет.

– Так вот, когда китаёзы наступали, он не растерялся, приказал перевести автоматы с автоматического огня на одиночный. Так и продержались до подхода подкрепления. Вот вам и вся тактика, думать надо в бою.

Следующая пара: "Бронетанковая техника". Преподаватель спрашивает:

– Водители и механики есть?

– Есть.

– Это хорошо. Главное – правильно встать на подножку автомобиля, а если эта машина – танк, найти люк механика-водителя. Все приемы вождения отработаем на автодроме и танкодроме. Знаете, как нашу технику душманы подбивают в Афга-

не? Идет, скажем, колонна машин по горной дороге. Так они сначала из гранатометов подбивают первую машину и последнюю, затем спокойно расстреливают все остальные: деться-то им некуда, на узкой дороге маневра никакого. Помню, везли на бензовозах топливо, так горели на километр...

На сегодня занятия закончены, идем в казарму. Дежурный капитан объявляет:

– 3-му взводу на завтра – полевые занятия – стрельба из автомата. Командиру взвода подготовить список личного состава для получения боеприпасов, которые выдадут на стрельбище.

Что ж, стрельбы – дело серьезное.

На следующий день едем на стрельбище, оно недалеко от училища – заросшее мелким кустарником поле с одинокой кирпичной будкой – там находится руководитель стрельб. Построение, инструктаж по правилам выполнения упражнений и безопасности при стрельбе. Майор Алпатов, наш старый знакомый, напоминает условия выполнения первого упражнения:

– Стреляем из автомата из положения лежа, короткими очередями. Показываю.

Майор выходит на огневой рубеж, ложится, пристегивает магазин к автомату, передергивает затворную раму, прицеливается. Первая короткая очередь и мишень-пулемет падает. Поднимается мишень в рост. Вторая очередь, мишень падает. Норматив выполнен. Майор стреляет отлично.

– А теперь вы.

Первым стрелял лейтенант Вебер. По невниманию он перевел флажок предохранителя на одиночный огонь. Вместо короткой очереди раздался одиночный выстрел. Майор делает замечание:

– Лейтенант, вы что, из снайперской винтовки стреляете? Напоминаю условие упражнения – стрельба только короткими очередями, переведите предохранитель на автоматический огонь. Повторите упражнение.

Вебер стреляет, только вот пулемет-мишень опустилась раньше, чем тот выстрелил, долго целился. Но мишень в рост снял. Вторым стрелял лейтенант Дуб, он вообще промазал. Майор:

– Плохо стреляете, лейтенант.

Далее стрелял лейтенант Сохатый, стрелял неплохо, но вот беда – по пулемету-мишени расстрелял весь боезапас, на вторую мишень не хватило патронов. Майор:

– Стреляете хорошо, лейтенант Сохатый, но надо рассчитывать боезапас, что ж в бою на одного человека магазин расходовать?

Предпоследним стрелял лейтенант Ким. Он вообще умудрился не передернуть затворную раму и при нажатии на спуск выстрела не последовало.

– Осечка, товарищ майор.

– У нашего автомата осечек не бывает, это у вас в голове произошла осечка. Передерните затворную раму и стреляйте.

Последним стрелял я. Отстрелялся удачно, то есть сбил обе мишени, поскольку знал по учебке, что мишень нужно сбивать первой пулей, она идет без отдачи, вторая и третья пуля имеют отклонения и как правило идут мимо цели.

Майор зачитывает список тех, кто отстрелялся нормально – 7 человек:

– Значит так, снайперы, стреляли вы хорошо, оружие можно доверить. Теперь стреляем из положения – стоя. Тот, кто сумеет расстрелять магазин

полностью – за один прием – пойдет в увольнение. Показываю.

Да, майор – стрелок классный. Зарядили магазины до отказа. Упражнение осложнялось тем, что при стрельбе из положения стоя автомат под воздействием отдачи и закрутки пули в стволе начинает выворачивать из рук, и стреляющий невольно этак на десятой пуле отпускает спусковой крючок. Зная об этом, я вызвался стрелять первым. А маленькой хитрости меня научил один сержант в учебке, нужно было ремень автомата захлестнуть на локте правой руки, тем самым зафиксировать автомат в третьей точке. Выхожу на огневой рубеж.

Майор командует:

– Огонь!

Нажимаю на спусковой крючок, теперь главное его не отпустить до тех пор, пока магазин не будет расстрелян полностью. Это мне удалось с большим трудом, этак пуле на двадцатой автомат "повело", я едва удержал равновесие. Но вот последний патрон улетел из ствола. Упражнение выполнено. Майор:

– Силен взводный, не ожидал. Кто еще желает сходить в увольнение!

Желали все, но удачно отстрелялся только один офицер – лейтенант Кудараускас. Сделав разбор занятий, майор объявляет:

– Альпийские стрелки идут в увольнение.

После стрельб было только одно занятие – по "Уставам караульной службы", смысл которого был – живи по Уставу, завоеешь честь и славу.

Учебная неделя закончилась. Сегодня – банный день. На другой день, радостный, с Кудараускасом идем к начальнику сборов.

– Знаю, знаю, альпийские стрелки – прогнулись. Майор доложил мне о ваших успехах в огневой подготовке. Отпускаю в увольнение, но не за то, что стреляли хорошо, а потому, что майор дал слово офицера, которое нужно блюсти. В увольнении не напиваться. Как говорится, офицер должен быть до синевы выбрит и в меру пьян, а не наоборот.

– Есть, товарищ полковник, разрешите убить?

– Разрешаю, только если нарветесь на патруль, выкручивайтесь сами, я вам не помощник.

Идем по городу, первый день свободы. Его ощущаешь, когда мир закрыт воротами. Остановка на барахолке. Это единственный в стране легализованный вещевой рынок. Здесь можно купить все. Вот какой-то солидный и уважаемый мужчина продает кожаный плащ. Вот старушка продает книги. Вот барыга толкает игральные карты с голыми бабами. Мой спутник говорит:

– Надо везде открыть подобные рынки, тогда дефицит исчезнет.

– Но ведь на этом дефиците кто-то наживается?

– Да, наживается, но лично я предпочел бы купить нужную вещь сегодня, чем искать ее по магазинам в течение нескольких лет. Чем думают наверху?

– Наверху думают о себе. Совдепия, чего ж ты хочешь?

– А это все потому, что не чтят классиков философии. Вот они думали о судьбах человечества. Например, Иммануил Кант.

Представь себе, мы с тобой буквально в километре от него находимся,

– Иди ты!

– Да, точно, я там был.

Канта я учил по учебнику философии, который открывал, когда был студентом, но не знал, где Кант похоронен. Оказывается, вот где. Это какой-то древний готический замок, разрушенный в годы Великой Отечественной, но кое-что от него сохранилось. Могилу Канта война не тронула. На черном надгробье, возвышающемся над поверхностью земли, выведено – КАНТ.

– Да, великий был мыслитель, не то что мы с тобой.

– Не всем же быть великими.

Поскольку наши познания о деяниях Канта были весьма туманны, идем осматривать развалины замка. Запомнились какие-то скульптуры, установленные в стене.

Следующая остановка у пивбара. Калининград – город моряков и военных, пивной и рыбный. Сегодня патрули нас обошли. В училище прибыли вовремя, перед ужином. Жирная соленая сардинелла по сравнению с армейской пищей... Вечернюю поверку проводил сам начальник сборов. Замечаний не последовало, недаром кто-то сказал: "В армии наказывают не за то, что напился, а за то, что попался".

(Продолжение следует)

НЕУВЯДАЕМЫЙ СОНЕТ

Неувядаемость сонета... тема многотрудная, многогранная и, на наш взгляд, до конца не раскрываемая.

Из всех известных твердых форм стихосложения (-творения), пожалуй, только сонет остался востребованным поэтами-современниками.

Эта твердая форма (предполагается: просвещенный читатель знаком с основами теории и практики сонета), имеющая более чем 600-летнюю историю, сумела вобрать и преломить в себе практически все жанры поэзии и не преобразиться (не сломаться), а, наоборот, – заиграть новыми гранями, окраситься новыми тонами.

Открывая рубрику, мы делаем попытку показать его (сонета) Настоящее с ретроспективным взглядом в его Прошлое.

Ведущий рубрики – В.П.Тюкин

Лев ОЗЕРОВ

ЕЩЕ О СОНЕТЕ

1

Четырнадцать застежек у сонета.
Я их могу расстегивать подряд,
Но тихое расстегиванье это -
Не самая большая из отпад.
А самая большая, если разом
Четырнадцать сорвать застежек - так
Чтоб не успел заметить это разум,
Безумство впереди него - мастак.
Оно вершит поступок не по плану,
Оно не знает веры и обману,
Не ведает сомнений и преград.
Оно хранит четырнадцать застежек
И под конец, как перочинный ножик,
Срезает все четырнадцать подряд.

2

Сонет не позволяет болтунам
Забалтываться, ставит он преграду
Невежде, не отгадывать шараду -
Он помогает жизнь построить нам.
Он сковывает. Он дает свободу.
Освобождает и берет в тиски.
Сонет не терпит проходной строки,
Сонет на чистую выводит воду.
Чистосердечно говорю я это,
Хотя нечасто я в загон сонета
Сгоняю мысли грешные свои.
Сонет - звоночек, что в конце каретки
Звонит, сонет не требует отметки,
Но отмечает верность колеи.

1979

СЕНТЯБРЬ
(Букет осенних сонетов)

Поплавской Наташе

* * *

Сентябрь. Осень. Сказочный сезон.
Стриптиз лесов в эпоху листопада.
Берёзы белой желтая лампада,
Колоколов печальный перезвон...

Двадцатый век кончается как сон.
Грядет иных сражений канонада.
Грустит сонет, сестра его, соната –
С тоскою мировую унисон.

Коробит ржа игривый изумруд.
И вышел срок, и завершился труд,
И магия исчезла в амулете...

И я, как проигравшийся игрок,
Дверь отворив, ступаю за порог –
В последний листопад тысячелетья.

1

Сентябрь. Осень. Сказочный сезон.
Отлёт пернатых. Увяданье флоры.
Деревьев расписные триколоры
Отряхивают колер на газон.

Между теплом и холодом кессон,
Перед зимою – снисхожденье форы.
И лета, лета бабьего фуроры,
И тихой меланхолии резон.

Пора для декадента и эстета –
Роскошное поминовенье лета,
Сезонная и вечная утрата...

И мишура одежды облетает,
И публика угрюмо наблюдает
Стриптиз лесов в эпоху листопада.

2

Стриптиз лесов в эпоху листопада.
Такое нестерпимое растленье!
Упадок нравов даже у растений, –
Период абсолютного распада.

Последняя игривая бравада!
И смена века, вех и поколенья,
И обнажённых роц столпотворенье,
И нагота остриженного стада.

Этапы и декады эпатажа,
И макияжа тающая лажа –
И жалкое подобие парада...

И в тризну превращается веселье,
И на пиру – вот горькое похмелье! –
Берёзы белой жёлтая лампада...

3

Берёзы белой жёлтая лампада
Перед иконой меркнувшего мира...
Речитатив обученного клира,
И Реквием, и Аппассионата.

Нетрезвая могильная лопата,
И тризный пир усопшего кумира,
Да ногами враждебного клавира
Кошунствует нам чуждая ламбада...

И несть числа пугающим приметам,
Стустилась темнота перед рассветом,
И всё, что есть, поставлено на кон.

Известно нам, кто нынче проиграет,
И ширится от края и до края
Колоколов печальный перезвон.

4

Колоколов печальный перезвон
Под куполом небесной ясной сферы
Как символ неуныния и веры,
Вплетённый в лики тёмные икон.

Линяет солнцем высушенный фон,
Из бездны тянет ароматом серы,
Да, суетясь, процокают химеры,
Обкрадывая праведный амвон.

Им нравится коловорот осенний,
Они вот-вот отменят Воскресенье,
Прорвав запоры сумеречных зон.

Им мнится: под рогатую короной –
Конец времён, и, ими покорённый,
Двадцатый век кончается, как сон.

5

Двадцатый век кончается, как сон.
Мой век – родное царство-государство,
Холопство и разнузданное барство,
С ипритом перемешанный озон.

Век тлением отмеченных персон,
Лихого богоборчества мытарство,
Век атома, трагедий и гитарства,
Век хохота, похожего на стон.

Век ценностей, ведущих в Никуда,
Где вдруг тяжёлой сделалась вода
В падении по сливу водопада...

Из-за крещендо нынешних рулад
Виднеется пугающий уклад,
Грядёт иных сражений канонада.

6

Грядёт иных сражений канонада
 Всё той же битвы света против тьмы,
 Как та, в которой биты были мы
 До крови поединщиками ада.

Трагичный день и траурная дата:
 Горящих храмов чёрные дымы,
 Полон и унижение сумы,
 Позор без боя пленного солдата.

Конец тысячелетия – не наш.
 Но ждёт нас обязательный реванш
 С неизбежностью догмы-постулата.

Готовятся Засадные полки,
 Десницы и ошущены-руки...
 Грустит сонет, сестра его – соната.

7

Грустит сонет. Сестра его, соната
 Вступила в удручающий финал,
 Играя гексоген и аммонал,
 И ритмику стрельбы из автомата.

А рядом – сада спелого услада.
 Финал сонаты скрашивает бал,
 И царствует изысканный банал,
 И нет в душе гармонии и лада.

Мы все – один единый экипаж,
 На порубежье впавшие в кураж,
 И нас морочит вечный Фармазон.

А впереди – такое, боже мой! –
 Что я в тоску ныряю с головой –
 С печалью мировую унисон.

8

С печалью мировую унисон
 И я – в меланхоличном резонансе.
 Не скроешься от жизни на Парнасе
 Как в Таврии – классический Назон.

Осенний ностальгический шансон –
 То плач о неиспользованном шансе,
 И диссонанс в устойчивом балансе,
 Мироустройства нового фасон;

Он плохо скроен, он отвратно шит.
 Листву волос ветрами шевелит.
 Всё дышит трагедийностью Бермуд.

И понукает рьяная вожжа,
 И в сентябре – экспансией дождя
 Коробит ржа игривый изумруд.

9

Коробит ржа игривый изумруд.
 Не жалится колючая крапива,
 И как-то огорчительно-красива
 Finita, завершившая маршрут.

Под ворохом осыпавшихся груд
 Он кончился, а вился так спесиво!
 И палый лист, как липовая ксива,
 Опущенный на пол-шестого уд.

И будет мир, смиренным и нагим,
 Присягу принимать под новый гимн,
 Когда падёт оставшийся редут...

И до поры в схороне кладенец...
 Черта. Рубеж. Начало и – конец,
 И вышел срок, и – завершился труд.

10

И вышел срок, и – завершился труд.
 А какова оценка и огласка?
 Позор. Опоры рухнули. Фиаско.
 И следствие закончено, и – суд.

Как недруги на Калке, наглый спрут
 Пирует на костях моей Державы.
 Реликвии подержаны и ржавы –
 Плоды деянья нынешних иуд.

Костром горит багряная декада.
 Соблазн никчёмный – искусства из сада
 В надрывном эпатаже бабьелетья...

Мир выхолощен – что тут обольщенья?
 Нет сил для адекватного отмщенья,
 И магия исчезла в амулете.

11

И магия исчезла в амулете.
 Сакральные невняты письмамена.
 И нет пути – преградою стена,
 И будет ещё хуже по примете.

Мы – мухами на хитроумной ленте,
 Что Мёбиусу вдумал сатана,
 Скребём в затылках дружно: «Оба-на!»
 В божественном своём менталитете.

...Шаманит осень древний ритуал,
 И видно сквозь магический кристалл
 Роскошных красок подать и оброк;

И, оголив запасы до нуля,
 Сдаёт налог платательница земля,
 А я – как проигравшийся игрок.

12

А я, как проигравшийся игрок,
 Готов ва-банк и в русскую рулетку,
 На кон поставив лёгкую монетку –
 Моей юдоли выверенный срок.

Щелчок металла, спущенный курок...
 В саду от яблок подломилась ветка,
 И чёрная не подтвердилась метка,
 И длится испытание дорог.

Ночами холод в роли террориста
 Рябиновое трогает монисто...
 Наутро – иней, облачко, парок...

А днём, на солнце красками играя,
 Идиллия утерянного рая...
 Дверь отворив, ступаю за порог.

13

Дверь отворив, ступаю за порог –
В переполох осеннего пожара.
Эстетика горения без жара –
Багряный, красно-жёлтый костерок.

Горит Россия, исполняя рок.
Удел наш – путь по лезвию кинжала,
Оставив всё за столиком курзала,
Принять правёж – как правильный урок.

Опохмелясь, восходу помолясь,
Пойти, куда укажет светлый князь,
Дорогой золотого самоцветья

Под мишурой шуршащего дождя,
Под мантией мудрого вождя –
В последний листопад тысяachelья.

14

В последний листопад тысяachelья
Земною упиваюсь красотой, –
Роскошной, материнскою, святой,
И мудрой, как листья новозаветья.

Немого восхищенья междометья,
Напрасное: «Мгновение, стой!»
И воздух – ритуальностью сытой,
И самоцветы тленного наследья.

Чарующею силой покорён,
Смотрю на сотворение времён
И – верую! – что будет мир спасён,

Когда с небес – сияние и свет!
А строчкою в пятнадцатый сонет –
Сентябрь... Осень... Сказочный сезон!

12.09–29.09.2000 г.

Татьяна СЕМЕНОВА.

"ВЕНИК" СОНЕТОВ

1

Ночь – символ женщины, богатство.
Сиди, перебирай алмазы:
Вот – жёлтый "пояс" Ориона,
Вот – Спика голубой воды.
Но это зыбкое убранство
Наутро превратится в стразы,
Карета – тыква, мыши – кони,
И затеряются следы...
И всё же ты – "царица ночи"
Из ботанического сада.
Тычинки чёлки, губ листочек.
Обвейся стеблем вокруг него!
Луны овальная глассида –
Её стихия, естество.

2

Её стихия, естество –
Луна двуликая и лоно,
Мадонна, линия наклона.
Под сердцем дремлет существо.
И нежность молоком к груди
Прильнёт. Приливы и отливы
Качают корабли залива,
И всё волнение позади,
И это чувство запредельно...
Ревнивый, словно князь удельный,
Под окнами крадётся ветер,
И вы одни на этом свете.
Кот нежится ковром бухарским.
Некоронованное царство.

3

Некоронованное царство
Без клятв, без штампов, без колец,
И безгранично дорогое...
Не променяю на другое,
Люблю слова с предлогом "без",
Небес бездонное пространство,
Невы невыразимый свет –
Шерлак раскрытого рояля,
Где клавишами – фонари.
Мы в две руки с тобой сыграли
На нём прелюдию любви:
Под всплеск сходящихся аккордов
Крепсндо сотни соловьев,
Неоспоримое, моё.

4

Неоспоримое, моё,
Мой третий Рим,
Мои котурны.
Чертоги – пыльные дороги,
Чертополох и трин-трава,
Где женщина всегда бесправна,
Поэтому всегда права.
Вперёд, модальные глаголы!
Мы помним вас ещё со школы,
Готовы сжечь сердца и доли
Во славу Кесаря слова.
Где Герострат и где Нерон
Зарёй воспаляют лики.
И эти шорохи и блики.

5

И эти шорохи и блики.
 Прав Бергман – "Шорохи и крики"!
 Покуда маятник качнуть,
 Прильнув к глазку, прижаться ухом,
 Пробраться зрением и слухом
 И, словно Германа старуха,
 И обольстить и обмануть.
 Ваш козырь – пиковая Дама,
 Как скрипка пикколо упряма,
 Сыграйте собственную драму,
 На интерес – не как-нибудь.
 Оставшись с ней наедине,
 Не доверяйте тишине,
 Торшер, Бодлер, пленэр в окне.

6

Торшер, Бодлер, пленэр в окне
 На равных прибывает в раме.
 Отравленной стрелой во мне,
 Как росчерк молний в телеграмме,
 Его стихи. Предгрозовой
 Стустился сумрак над Невой.
 Домов двоится домино
 И падает. Убит душетом,
 Задушен город. Пистолетом
 Костёл дымится. Решено,
 Но рушатся с мостов кареты.
 Повсюду в комнате улики,
 Пространству время не вернуть:
 Они сродни, равновелики.

7

Они сродни, равновелики,
 Как ночь и день на этом свете.
 Реликт религий и реликвий.
 Офелия живёт в Одette.
 Овидий видит в темноте,
 Гомер при полной слепоте
 Предметный мир живописует
 В его первичной наготе.
 И те из них, кто красоте
 Так безоглядно поклонялся,
 Провидцы красок на холсте,
 Чей след невидимый остался
 Игрою света на стене,
 Принадлежат и служат мне.

8

Принадлежат и служат мне:
 Джинн, выпущенный из бутылки,
 Цветная скатерть-самобранка,
 Огниво, кованный сундук
 И так по мелочам в кармане...
 От джинна сам в бутылку влезешь;
 Сижу и надираюсь джином,
 Хоть он и выдохся давно.
 Чем открывать Пандорин ящик,
 Чем скатерть стлать – повсюду ящур,
 А что касается огнива –
 О нём предупреждал Минздрав.
 На небе Млечный путь разлился,
 Луна стихами истекает.

9

Луна стихами истекает.
 До капли кровь её лакает
 Коварный демон Визареш.
 И в дни закатные Гекаты,
 Услышав гулкие раскаты,
 На небе ни звезды, хоть режь!
 И бьётся в окна залп сирени,
 И не хватает лишь сирени,
 Как будто началась война,
 И перламутровы газоны,
 Вазоны полные азона,
 Весна грозой разорена,
 И тьма крошечная, глухая,
 Стихает.

10

Стихает.
 Стихия стиха
 Вернулась в привычное русло.
 Уран, управляющий Русью,
 Не помнит былого греха,
 Лишь в зеркале стихотворений
 Гнездится итог озарений.
 Лети, я открою ладонь,
 Мой пленник, щекочущий пальцы,
 Не надо со мною прощаться
 И вновь прилетать на огонь.
 Китайский фонарик луны.
 Мы не были обречены.
 Закон любви непрекаем.
 А ты угрюм и неприкаян.

11

А ты угрюм и неприкаян,
 Тебя не радует веселье,
 Тебя не трогает весна,
 И ничего не привлекает,
 И ничего не окликает.
 Так уцелевшая сосна
 Со сна глядит на погорелье.
 Как после горького похмелья,
 Бредёшь, шатаясь на ветру,
 И думаешь: "Вот так умру
 К утру – никто и не заметит..."
 Потерян счёт твоих Медин,
 Седин. Конец для всех един.
 Всё куришь в сумерках один.

12

Всё куришь а сумерках один.
 Не помогает аспирин,
 Страшит бессонница, повсюду
 Тебя пугают пересуды.
 Немытая гора посуды
 Пизанской башнею на полке
 Грозит перерасти в осколки.
 Звонишь – в ответ одни гудки.
 Почти свихнувшись от тоски,
 Ты ищешь чистые носки...
 Ещё недавно ты кричал,
 Что ты начало всех начал,
 О том, что в доме есть хозяин,
 Раскаившийся, словно Каин.

13

Раскаившийся, словно Каин...
 Арбенин, спятивший от горя,
 Отелло, слушающий Яго,
 Лир, над Корделией склонясь,
 Венец не пожалевший Ричард,
 Кровавый призрак Годунова,
 Брут, покаравший сам себя,
 "Отмщение, и аз воздам!"
 На этом фоне – ты счастливчик,
 И выглядишь вполне пристойно.
 Моя любовь – твоя потеря.
 Все живы, лишь любовь мертва.
 И только пустота в груди,
 Мой бывший бог и господин.

14

Мой бывший бог и господин
 Наверное нашёл другую –
 Он не умеет жить один.
 Целует девочку нагуло
 И думает: "Мне столько лет,
 Сколь этой красоте разбойной."
 Потом находит пистолет,
 Но понимает – недостойно.

И, уезжая навсегда,
 Вдруг видит, как звезда над домом
 Мигает близко и знакомо,
 Запутавшись за провода,
 Как будто излучает братство.
 Ночь – символ женщины, богатство.

15

Ночь – символ женщины, богатство,
 Её стихия, естество,
 Некоронованное царство,
 Неоспоримое, моё.
 И эти шорохи и блики,
 Бодлер, торшер, пленэр в окне,
 Они сродни, равновелики,
 Принадлежат и служат мне.
 Луна стихами истекает,
 Стихает.
 А ты угрюм и неприкаян,
 Всё куришь в сумерках один,
 Раскаившийся, словно Каин,
 Мой бывший бог и господин.

1997-2001 гг.

Александр ХЛЕБНИКОВ**СТРАНИЦЫ БЫЛОГО****СЛОВО О ДОМЕ ПИСАТЕЛЯ**

На левом берегу Невы, возле Литейного моста, еще недавно красовался трехэтажный особняк, в котором с 1934 года и до конца 1993 года размещался Дом писателя.

Он восхищал архитектурным убранством, уникальными интерьерными роскошными гостиных и залов с великолепной лепниной потолков, каменным кружевом резных карнизов, огромными зеркалами в узорчатых рамах, резными дверьми чудной филигранной работы.

Дворец с 1834 года принадлежал богатейшему графу А.Д. Шереметьеву, а позже – его знаменитому дворянскому роду. Стремясь еще более украсить дворец, модернизировать его, владельцы с 1884 года по 1902 осуществили некоторую перепланировку помещений, тогда и была возведена парадная мраморная лестница.

Но богатство дворца не было кичливым, оно не принижало человека, а напротив – возвышало, радовало. Каждому в роскошных покоях было уютно – в этом, вероятно, и проявилась главная особенность таланта архитектора.

Однако Дом писателя был не только архитектурным шедевром. В его стенах имелась уникальная по полноте и подбору редкостных изданий библиотека русской художественной литературы XIX и начала XX века.

Основу ее составляли библиотеки, после 1917 года отобранные у самых известных дворянских родов Петербурга, у крупных фабрикантов и про-

мышленников. Вывезенные из дворцов и особняков книги были складированы в Петропавловской крепости. Какую-то часть из этого бесценного книжного богатства и сумели отобрать первые руководители Дома писателя для комплектования впервые создаваемой его библиотеки. Им же удалось совершить и еще одно чрезвычайно важное для литераторов города благое дело. Попутно с книгами из Петропавловской крепости был переведен и огромный журнальный фонд. В него входили годовые полные комплекты всех литературно-иллюстрированных журналов, выходящих в Москве и Петербурге с середины XIX века и вплоть до октябрьского переворота 1917 года.

Перечень этих журналов обширен. А знакомство с ними давало полную картину всей общественно-политической жизни на рубеже веков. Для любого литератора, изучающего историю страны или собирающего материал для написания своей книги, то был бесценный клад! Если добавить, что библиотека Дома писателя обладала превосходным справочно-библиографическим аппаратом, созданным трудами нескольких поколений талантливых библиографов, что позволяло получить любую книгу или журнал, а при библиотеке находился еще и очень уютный читальный зал (мне еще повезло в нем заниматься), то надо ли говорить, как любили питерские литераторы свою библиотеку, по праву считая ее лучшей в городе!

Свыше шестидесяти лет Дом писателя был цен-

тром литературной жизни города. Выполняя огромную культурно-просветительскую миссию, он всегда привлекал на встречи с писателями, литературные диспуты, концерты, выставки живописи студенческую молодежь и творческую интеллигенцию.

Даже в страшные дни Ленинградской блокады биение творческой жизни в Доме не прекращалось. Писатели и поэты, переводчики, те, кто не уехал в эвакуацию, из последних сил, но приходили в свой Дом. И многих он спас, выделяя по тарелке горячего супа...

Но не только ради еды сюда тянулись литераторы блокадного города. Им нужно было общение, дружеское участие, их собирало желание делом помочь ленинградцам. И чуточку отогрившись около титана, одолев слабость от голода, они отправлялись в госпитали, на корабли Балтфлота, стоящие у набережных Невы, а кто покрепче – на передовую, во фронтовые части, чтобы словом подбодрить, воодушевить защитников города.

В самом Доме писателя не затихала творческая работа в секциях Союза. Именно в дни блокады была принята в Союз писателей Елена Андреевна Вечтомова, позже – известный ленинградский поэт и прозаик.

Литейный мост, как и другие мосты Ленинграда, был номерным объектом для немецких артиллеристов и пилотов немецких бомбардировщиков. По нему были выпущены сотни артиллерийских снарядов, его много раз подвергали бомбардировкам. Вполне естественно, что снаряды и бомбы, нацеленные на мост, но не попавшие в него, падали и у Дома писателя, расположенного рядом. И все-таки Дом писателя уцелел в годы войны – даже фашистские снаряды и бомбы пощадили! Его уничтожили свои отечественные подонки...

Впервые порог Дома писателя мне довелось переступить в ноябре 1947 года. В сентябре я поступил на первый курс Ленинградского библиотечно-института. Первые месяцы осваивался с новой средой и учебным процессом, а потом старшекурсники, вместе с которыми жил в комнате общежития, сказали:

– Прислали пригласительные билеты. Пойдем с нами в наш любимый домик. Там опять что-то интересное.

К моему удивлению, "домик" оказался дворцом, а когда вошел – великолепие его поразило. Широкая беломраморная лестница бесподобной красоты (при входе на нее на беломраморной плите золотом выбиты имена всех ленинградских писателей и поэтов, погибших во время войны) вела в пышно декорированные гостиные – одна краше другой: Красную, Белую, Золотую... Каждая из них имела мебель, соответствующую по цвету названия гостиной. Некоторое из них были оформлены в стиле какой-то исторической эпохи. Мавританская – как бы переносила нас в сказочные покои из "Тысячи и одной ночи", Готическая гостиная отделана панелями из черного мореного дуба – напоминала замки рыцарей "Круглого стола".

В те годы Леонид Борисов впервые познакомил нас, студентов, со своим романтическо-фантастическим романом об Александре Грине "Волшебник из Голь-Гью", а бывший командир партизанского отряда Дмитрий Медведев читал главы из только что законченной книги "Это было

под Ровно" о нашем замечательном разведчике Николае Кузнецове. Помню, когда я подошел к автору, он дал поддержать особый эсэсовский значок, который позволял Кузнецову беспрепятственно, без предъявления документов выходить из оцепления немецких облав.

Подобные вечера в Доме писателя отлично знакомили с литературной жизнью Ленинграда. Но тогда, в студенческие годы, я не подозревал, что Дом писателя и более весомо войдет в мою судьбу.

После окончания института, приехав на работу в Выборгскую городскую библиотеку, я начал писать фантастику. Вскоре меня приняли в секцию научной фантастики при Ленинградском отделении Союза писателей. Секцией руководил выдающийся знаток творчества Жюль Верна и Ивана Ефремова Евгений Павлович Брандис.

Приезжая из Выборга на занятия секции (они проходили в нашей излюбленной Белой гостиной), всегда знал, что в писательском Доме встречу друзей.

Увы, это уже в прошлом. Хотя за это время я и стал членом Союза писателей России, ни у меня, ни у моих друзей и соратников по Союзу в Петербурге нет больше своего Дома писателя! Страшный удар обрушился на русскую культуру в ночь на 17 ноября 1993 года! Дом писателя сгорел!

Пожар был загадочный – двойной. Первый начался вечером 16 ноября в тамбуре перед Золотой гостиной. Когда по коридорам потянуло дымом, очаг его обнаружили и за три часа потушили. Как полагают, последствия первого пожара можно было исправить недели за две – выгорел лишь участок 6 на 8 квадратных метров.

Решили, что причина пожара – неисправность электропроводки, и на том, успокоенные, и разошлись. Впрочем, версия о самовозгорании показала неубедительной тогдашнему начальнику ГУВД А.С. Александрову. "Не исключено, что это поджог" – предположил он.

Основание для подобной версии серьезное. Дом писателя раздирался длительной тяжбой. Одна из новоявленных писательских организаций города, вселившаяся в Дом, стала претендовать на единственное владение им – прямо по сценарию "кукушонок в гнезде". Вполне можно допустить, что когда замысел изгнать Петербургское отделение Союза писателей России из Дома не удался, "новоселы" пошли на крайнюю меру – поджог.

Так ли это было, следствию установить не удалось. Бесспорно известно лишь одно, что какие-то таинственные мерзавцы-поджигатели на первой попытке не успокоились.

Через сутки, в ночь на 17 ноября в 21 час 39 минут, на втором и третьем этажах одновременно пожар вспыхнул вторично, но теперь уже более сильный. Деревянные панели стен и камышовые прокладки между ними горели как порох: за секунды огонь одолевал десятки метров.

Пламя охватило перекрытия над центральным Белым залом – потолок обрушился. Такая же участь постигла и читальный зал – выгорел полностью.

На тушение пожара прибыло 12 единиц специальной техники, 11 пожарных расчетов. Тем не менее борьба с огнем продолжалась восемь часов с большими затруднениями.

Когда еще можно было локализовать огонь, не оказалось пены – пришлось тушить его лишь водой, качаемой прямо из Невы с перебоями из-за плохой работы насосов. Впрочем, воды вполне хватило, чтобы довершить уничтожение уцелевших от огня помещений дворца.

В результате пожара выгорели два верхних этажа – 1200 квадратных метров. Их уникальные интерьеры теперь не существуют.

В какой мере пострадала библиотека – толком еще никто не знает – ущерб еще не определен. Известно только, что часть книг сгорела, часть похищена во время тушения пожара или после него,

когда еще царила неразбериха, не было надлежащей охраны, а третья часть залита водой. А вот ценнейший журнальный фонд, хранимый в подвале, погиб весь – ведь подвал доверху был залит водой...

Приближается торжество Петербурга – 300-летие его основания. К такому знаменательному событию лучшим подарком от города Петербургскому отделению Союза писателей России стал бы переданный ему какой-нибудь особняк. На радость всем любителям российской словесности новому Дому писателя быть!

Аскольд ШЕЙКИН

В МОСКВЕ ГОРЕЛ ДОМ...

В Москве горел дом. А в толпе возле пожарища стоял Лев Толстой. И все смотрели на него, а не на то, как полыхает пламя. Столь велика была притягательная сила этой великой личности.

Почти такой же огромной была в предвоенные годы слава Михаила Зощенко. Из литераторов послереволюционной поры, пожалуй, лишь на долю Есенина, Маяковского да Максима Горького выпала такая же прижизненная известность.

Конечно, и тогда во всю шла охота за "свадебными генералами". Некие писательские дети, используя знакомство своих родителей, обратились к Зощенко с приглашением прийти к ним на свадьбу.

Зощенко согласился, но просил заранее извинить за то, что вести себя будет сдержанно, ничего не станет читать. Счастливые молодожены согласились.

Зощенко пришел. Столы уже была накрыты, гости сидели на местах, пиршество тотчас взяло разгон.

И тут выяснилось, во-первых, что у Зощенко гастрит. Из всех угощений, имевшихся на столе, ему ничего нельзя. Во-вторых, посидев некоторое время молча и неподвижно, он вынул из кармана листок бумаги и карандаш и начал что-то записывать.

Пиршество мгновенно увяло. Особенности поведения именитого гостя сделали невозможным какой-либо праздничный шум, тосты, шутки. Воцарилась тишина.

В одиннадцатом часу вечера Зощенко встал, поблагодарил за интереснейше проведенный вечер, сказал, что привык рано ложиться спать, пожелал молодым счастья и ушел. Лишь тогда все очнулись, как после столетнего сна...

КАК СОЧИНЯТЬ СТИХИ

Писатель это воронкообразный фильтр с высоким коэффициентом скважности

Из выступления ученого-кибернетика

Как сочинять стихи, настолько достойные, чтобы автор мог ими гордиться? Рецепт известен, принадлежит поэту, изложен, естественно, в рифмованном виде.

Возьмите слово за основу
И на огонь поставьте слово.
Возьмите мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,

Немного звезд, немножко перца,
Кусок трепещущего сердца
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз и два...
И много-много раз все это.
Теперь пишите. Но сперва
Родитесь все-таки поэтом.

Однако, позвольте, как такой рецепт применять, если он завершается словами: "...сперва родитесь... поэтом"? Разве от самого литератора это зависит? Да и "конфорка мастерства" что за инструмент? Что за пропорции щепоть мудрости, ломоть наивности, немного звезд?..

Борис Лавренев, известный драматург и прозаик, был более конкретен. Однажды, беседуя с пишущей молодежью о том, как добиться творческого успеха, он, правда, тоже на первое место поставил талант, то есть врожденную одаренность, но затем продолжил:

– Еще необходима усидчивость. На бегу ничего не напишешь... Также надо воловье здоровье... Кроме того, – помедлив какие-то секунды, явным образом поколебавшись, говорить или не говорить? даже с опаской оглянувшись, он добавил, – всем литераторам надо быть графоманами...

Быть графоманами! Этими страстными любителями исписывать листы бумаги, не слишком задумываясь над тем, что же, в конечном счете, получается!

В собственной рукописи графоману нравится каждое слово. Если написал, вычеркнуть невозможно. Ему нравится в ней любое многоточие, запятая, иной раз вообще отсутствие знаков препинания. Он их просто не ставит.

Такие литераторы были всегда. В 1918 году Россию раздирали Гражданская война, все вокруг рушилось, но и это не могло оторвать их от листа бумаги!

В ту пору в Петрограде образовался Союз Поэтов. Возглавили его Александр Блок и Николай Гумилев.

Графоманы толпой вваливались в стены Союза Поэтов. Наотрез отказывались уходить, требуя, чтобы их писания непременно тут же были прочитаны, приняты с восхищением.

Блок держался с каждой графоманской особой самым вежливым образом:

– Дорогой друг! В своих стихах вы ведете речь об "исканиях" "отравленных мгновений", об исканиях "одинокого храма для молитв не созданным меч-

там неспецифических желаний"... Верю: вы писали это с любовью. С душевным трепетом. Вы не жалели сил. Вы обрекли себя на бессонные ночи. Вы сами, ваши близкие, ваши друзья дивились тому, откуда у вас берется сила, как только все это вам удается выдерживать. В их глазах ваша жизнь беспрецедентный подвиг...

Очередной графоман смотрел на Блока заворочено и с подозрением. Так кобра, приподняв голову над корзиной, где она долго томилась в темноте, смотрит на раструб дудочки укротителя змей.

Блок продолжал:

– Но все же не скрою. Скажу со всей искренностью: кто прозорлив хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя пускаться налегке. Нужно иметь хотя бы в зачатке то "Во Имя", которое бы освещало путь и питало творчество, определяло выбор тем, сдержанность или щедрость воображения. В том, что вами написано, это "Во Имя", увы, пока еще не ощущается... Конечно, печатают стихи и хуже, но только я не советовал бы вам уже сейчас их публиковать. Даже лучшие из этих стихов пройдут незамеченными. Ничего, кроме огорчения, такое событие вам не принесет. Вы, разумеется, можете не поверить мне, но, право, у меня есть и внимание к вам, и некоторый опыт, и любовь к литературе. Я искреннее желаю вам добра. Желаю, чтобы тревоги ваши стали глубже и открыли вам путь к воплощению. И тогда... Тогда опять приходите. Наш разговор мы продолжим. Возможно, будем вести его много раз. Трудитесь. Залог успеха исключительно в этом долгом и беззаветном труде...

Графоман поднимался со стула, шатаясь, скрывался за дверь.

Блок усаживал перед собой следующую персону. Опять говорил, душой не кривя, потока собственных слов не пресекая до той минуты, пока истомленный графоман не поднимется со стула, на подгибающихся ногах, спотыкаясь, не побредет к выходу.

Николай Гумилев вел себя иначе. Офицер в прошлом, человек решительный, получив графоманскую рукопись, он немедленно красным карандашом ставил на ней резолюцию: "Отыскать и повесить".

Боялись его графоманы ужасно. Завидев, сбиваясь в табун, рысью бежали прочь, только бы подальше от этого страшного человека. Порой даже валили друг друга с ног!

Александр Блок был все же более прав. В искусстве, говоря серьезно, если хочешь кого-либо задуть, души в объятиях.

Сплошь и рядом единственный способ.

Признаем также: быть графоманом в законченном виде это для литератора слишком. Но трепетно любить лист бумаги и на нем вереницу слов – условие для успеха почти неременное...

ТАКАЯ ЖЕНЩИНА

– Это и сейчас во мне, думаешь, не бурлит? – Валентина Чудакова в упор смотрела на советника по культуре.

В январе 1969 года она приехала в Польшу. Там был издан перевод ее повести "Чижик – птичка с характером". Книга пользовалась успехом. Автора Союз писателей Польши пригласил в Варшаву.

Жила Чудакова в гостинице "Полония". Одним прекрасным вечером, пребывая в самом мирном, можно сказать – даже совершенно домашнем настроении, отправилась в ресторан при этой гостинице ужинать.

В зале она увидела, что столик, за которым обычно ее обслуживали, где стоял советский флажок, занят. Сидят там трое мужчин. Двое лет шестидесяти, один лет тридцати. Судя по одежде и манерам, иностранцы.

Она подошла к официанту. Тот говорил по-русски, сказал:

– Столик пока занят, пане. Но пусть пани подождет. Место скоро найдется.

Благодушной улыбкой, Чудакова остановилась возле столика с мужчинами и вдруг услышала, что эти три человека говорят по-немецки, причем речь ведут о ней, Чудаковой. Те двое, что постарше, подзуживают третьего. И что же они говорят! Они говорят:

– Смотри, сколько здесь продажных баб, Отто!

Отто это был тот, третий из них, более молодой. И вот они ему говорят:

– Сколько! И каких! Вот еще одна подошла. Подрабатывает. Пригласи ее, Отто!

Отто отвечал:

– Стара. Сто лет! Дряблые ляжки, сонная морда. Истаскалась по кабакам. А талия? Где у нее талия? Не баба – колода.

Приятель громко разубеждал его, перебирая прелести Чудаковой, видимо, совершенно уверенные, что языка их здесь никто не понимает.

Она же стояла, покачивая пластмассовой грушей с ключом от гостиничного номера, внешне спокойная, но в душе ее бушевала буря, тем более, что поговору она поняла – немцы из ФРГ, а происходило это, напомним, в 1969 году.

– Ну что ты, Отто, – продолжали приятели, – нельзя быть таким привередливым. Она, конечно, старуха. Зато знаешь, сколько мужчин перебивало у нее? Посмотри на ее глаза! На грудь. Не грудь – сундук. Опыт огромный. Тебе будет, что потом вспомнить, Отто. В сорок первом году мы тут здорово погуляли, Отто! Может, она еще в ту пору здесь промышляла. И вот опять. Счастливый случай, Отто!

И Отто встал, и, говоря, что этой старухе, во всяком случае, надо поднести рюмку водки, чтобы она все-таки не зря проторчала возле их столика, ибо, видать, ей вообще так и не обломится сегодня подцепить клиента, подошел к Чудаковой.

Он, конечно, не имел и малейшего представления о том, с кем его столкнула судьба.

В самом начале Великой Отечественной войны Валентина Васильевна Чудакова, девчонка шестнадцати лет, решила попасть на фронт. И быть там не иначе, как пулеметчицей.

Чудакова всегда отличалась малым ростом. Позрелее, хоть растолстела. Тогда же выглядела крошечной. А добила того, что, начиная с 1943 года, уже командовала пулеметной ротой!

Три ордена Красной звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медали, чин капитана – все это у нее было. Как и то, что она пять раз была ранена. Сколько раз ей за годы войны вообще в прямом смысле грозила смерть, сосчитать невозможно.

Характер она имела прямой. Симпатий и антипатий не скрывала. Выростила троих сыновей. Была автором книг "Чижик – птичка с характером", "На тихой Сороти", "Как я была мужчиной", "Как я боялась генералов", "Ратное счастье" – все эти книги о войне.

Еще ее отличало то, что она очень странно знала немецкий язык. Когда на этом языке говорят другие, понимала всегда, но сама, порой, то изъяснялась по-немецки вполне прилично, то не могла связать и двух слов. Как будто в ней вдруг что-то переключалось.

Итак, в зале ресторана гостиницы "Полония" жалостливый поддулявший Отто подошел в Чудаковой и протянул ей рюмку водки.

Чудакова выбила эту рюмку из его руки. Затем, схватив Отто за галстук, рванула. Галстук оторвался и улетел куда-то в конец зала, за концертный рояль. Все это произошло мгновенно. Отто, судя по всему его виду, остолбенел, не понимая, что именно произошло. Ураган? Землетрясение?

К нему подбежали друзья, официанты. Но тут уже Валентина Чудакова закричала по-немецки, что завтра пойдет к их послу и заявит протест. Что они – фашистские гады. Что она на фронте сотнями стреляла таких!

Официанты и еще какие-то обступившие ее люди стали по-немецки и по-польски уговаривать успокоиться, обещали немедленно подать ужин в номер.

Она не ушла. Она села ужинать в том же зале, пристально глядя на столик, занятый немцами, и видя, что Отто все время пытается встать и подойти к ней, но приятели его удерживают.

Утром все эти три немца явились к ней в номер, по-немецки и по-польски начали извиняться, повторяя, что не знали, что пани писательница. "Писанка, русская писанка".

Это опять возмутило Чудакову. Ах, если "писанка", то можно извиниться, если просто женщина, то не надо? Но она вдруг лишилась возможности ответить им. Из головы вылетели все немецкие фразы, кроме одной. Вчера говорила свободно, сегодня не может. Твердит:

– Нихт ферштейн... Не понимаю...

Через какое-то время явился еще один немец, советник посольства ФРГ. Он начал приносить извинения от имени посольства, повторяя, что господу вчера в ресторане всего лишь ошиблись, приняв русскую женщину за полячку, и что, если пани потребует, Отто будет выслан из Польши, а он инженер в Гуте, работает на металлургическом комбинате, ценный специалист, у него очень большая мать.

К этому часу в номере Чудаковой уже находился переводчик Союза польских писателей Генрих Руммель. Когда советник посольства уже в который раз повторил, что господу не признали в ней русскую, думали, что она полячка, пан Генрих Руммель диким голосом завопил:

– По-вашему с полячками можно позволять себе все что угодно?! Унижать! Судить о них, будто это не люди, а лошади!

Чудакова сказала:

– Раз у вашего Отто в Германии больная мать, я не настаиваю на его высылке. Но пусть извинится. И пусть больше ни с кем не ведет себя таким образом.

В тот же день ей позвонил советник по делам культуры советского посольства Орешкин:

– Что у тебя произошло?

– Немцу оторвала галстук и забросила за рояль.

– Зачем?

– Он и его дружки приняли меня за гулящую девку и начали вслух обсуждать мои телесные достоинства, за все ставя двойки. Естественно, что я не выдержала. Я все еще как-никак женщина.

– Это понятно, – сказал Орешкин. – Только очень ты резко с ними обошлась. Надо было вызвать администратора. Он бы сделал им замечание.

– Пусть радуются, что дешево отделались, – ответила Чудакова. – Во мне заговорил командир пулеметной роты. Знаешь, я какая была? Это и сейчас во мне, думаешь, не бурлит?

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Валерий Калугин, Юрий Воропайкин

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

1

Шел июнь 1903 года. Ясным теплым утром в тихом садике петербургского Аничкова дворца в тени старых разросшихся лип по чисто выметенным дорожкам не спеша катался на велосипеде человек в форме стрелков императорского батальона – малиновой рубашке и широких шароварах, подпоясанных шнурком.

Лицо этого человека – чуть вытянутое, породистое, с отрешенным взглядом унаследованных от матери газельих глаз, благодаря журнальным и газетным фотографиям, было известно не только России, но и всему миру. Окаймленное по скулам

темной полоской растительности, оно дополнялось лишь скромными усами и бородкой...

Разумеется, велосипедистом был не кто иной, как Николай Александрович Романов – русский царь Николай II. Катанье на велосипеде являлось одним из тех немногих развлечений, которые мог себе позволить российский император, по какой-то неизъяснимой причине питавший склонность к таким простым и обыкновенным занятиям, как колка дров, собирание грибов и ягод, купание в чистых и тихих водах неглубоких прудов.

О чем он думал в эти минуты, крутя педали и удерживая руками вихляющий руль? Вспоминал ли золотое детство, омраченное страшной памятью

о взрыве на Екатерининском канале, когда бомба террористов вздрезки разнесла царскую карету и смертельно ранила его деда Александра II?.. Или видел себя подростком, играющим в прятки с сестрой Ксенией и младшим братом Михаилом? Вспоминал ли имена своих знаменитых учителей, и прежде всего директора 2-й Санкт-Петербургской гимназии генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича?

Именно Г.Г. Данилович, первый воспитатель будущего царя, разработал для именованного воспитанника 12-летний план образования: восемь лет – на прохождение расширенного гимназического курса и четыре года – на изучение университетских наук. И цесаревич восемь лет прилежно изучал минералогии и ботанику, зоологию и основы анатомии. Последующий же университетский курс объединил дисциплины государственного и экономического отделений юридического факультета, что в конечном итоге увеличило срок учебы еще на один год.

Преподавателями Николая были известные в стране и за рубежом ученые: экономист Н.Х. Бунге и историк Е.Е. Замысловский, химик Н.Н. Бекетов и геолог Н.Н. Обручев... Цезарь Кюи читал курс по фортификации, генерал Драгомиров давал уроки тактики, англичанин Хетс, преподававший английский, исподволь привил ученику и любовь к спортивной ходьбе.

Но, разумеется, в первую очередь, по давно установившейся традиции, российский император являлся прежде всего военным. Поэтому изучение военных дисциплин было определено в объеме курса Академии Генерального штаба, а теоретические знания подкреплялись практикой: для ознакомления со строевой службой и бытом войсковых частей Николай провел два летних сбора в гвардейских полках...

А может быть, ему не давала покоя странная болезнь жены, обожавшей Алике? У молодой царицы частенько случались приступы хандры и непонятного раздражения; в такие минуты она не желала никого видеть, целыми днями лежала пластом в затемненных покоях дворца, курила папиросу за папиросой и предавалась мрачным предчувствиям... Его Алике, единственная в мире женщина, которую он любил всем сердцем, всей душой.

Николаю было совсем не просто отстоять свое право на эту любовь. Отца, Александра III, вовсе не радовал сердечный выбор сына. Брак наследника престола – слишком серьезное политическое событие, чтобы учитывать такие «глупости» и «малости», как нежные чувства детей. Из кандидатур в невесты российскому принцу предпочтение отдавалось двум особам: дочери графа Парижского, представителя династии Бурбонов и возможного президента Франции, – Елене и Маргарите Прусской. В первом варианте брак мог значительно укрепить русско-французские отношения, а во втором – открывалась перспектива долгосрочного союза с набирающей силу и мощь Германией.

Но тут случилось невероятное: Николай, обычно мягкий и робкий с родителями, особенно с отцом, вдруг проявил вовсе не присущие ему свойства характера – твердость и непреклонность. Он заявил, что женится только на Алике. Напрасно его отговаривала мать – вспоминая неудачные браки предков, женатых на дармштадтских принцессах.

И действительно, Наталья Алексеевна, жена Павла I, умерла от родов; не была счастлива в се-

мейной жизни и бабушка Николая – императрица Мария Александровна, жена Александра II... Однако слова матери не тронули сердце юного цесаревича, он остался непреклонен...

А может быть, в это ясное и теплое утро 1903 года Николай Александрович был озабочен мыслями о своей печальной доле... Доле человека и наследника, которого даже собственные родители считали неспособным из-за слабости характера и врожденной доброты нести высокую миссию российского самодержца. В самом деле, разве умиравший на пятидесятом году жизни его отец, Александр III, не вызвал сына к себе и не потребовал уже на смертном одре по доброй воле уступить престол брату?.. И разве родная мать – Мария Федоровна – не закатилась в Ливадийском дворце жестокий скандал, натолкнувшись отказавшись присягать Николаю Второму?..

Правда, так думали не все... Разве не показывал ему император Вильгельм II письма от своего брата Генриха Прусского, гостившего у Николая в Опале осенью позапрошлого года: «Царь благожелателен, любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают. Он знает, что хочет, и не дает никому спуску. Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй. Свободно думает о религиозных вопросах, но никогда публично не вступит в противоречие с православием. Хороший военный...»

Последний комплимент Николаю был особенно приятен... А что касается религиозных вопросов... На середину июля он назначил поездку в Саров – на канонизацию преподобного Серафима, в миру – Прохора Сидоровича Мошнина. Правда, в светлейшем Синоде нашлись противники причисления старца к лику святых. Поэтому всё последнее время Николай лично следил за дебатами архиереев. И добился принятия соответствующего решения. Начальник Царскосельского дворцового управления, князь Михаил Путятин, прекрасно разбиравшийся в вопросах церковной археологии, уже представил на утверждение сделанный под его руководством рисунок для раки нового святого. Синод поспешил рисунок утвердить...

И совсем не исключено, что Николай в то утро лихорадочно искал средство, способное доказать всем и вся, что он достоин быть русским царем. И может быть, ему казалось, что он уже нашел это средство, а именно – в продолжении политики, которую успешно проводил его венценосный дед, сумевший сокрушить и присоединить к России богатейшие Бухарский эмират и Хивинское ханство...

Однако, о чем бы ни думал в тот день его императорское величество, царь-государь всероссийский Николай Александрович Романов, любая его мысль и любое желание, несомненно, укладывались в рамки той формулы, которую он собственноручно изволил начертать в анкете всеобщей переписи населения. Формула укладывалась в три слова: **хозяин земли русской**.

2

Обед в царской семье обычно приходился на восемь часов вечера. Как и завтрак – по традиции, заведенной еще Александром II, – он длился ровно пятьдесят минут. Обыкновенно, обед начинали с супа и небольших гренков с сыром. После супа подавалось рыбное блюдо. За рыбой следовало жар-

кое. Будничная трапеза в малой столовой Царско-сельского дворца не отличалась ни изысканной роскошью, ни численностью приглашенных.

Недолюблява грубоватого и прямолинейного генерала Драгомирова, императрица на этот раз пригласила к столу не его, а друга юности царя генерала Владимира Николаевича Воейкова и его тестя, министра двора барона Владимира Борисовича Фредерикса, тем паче что его дочь Эмма – фрейлина императрицы – была любимой супругой Воейкова.

Воейков – высоколобый, поджарый, с жидковатыми волосами на голове и густыми усами с подкрученными кверху кончиками – сидел напротив императрицы, одетой в черное атласное платье со стоячим воротничком а-ля Мария Стюарт. Пользуясь положением друга дома, он забавлял гримасами трех ее прелестных дочурок (четвертая, младшенькая, приболев, находилась в другой половине дворца под неусыпным надзором домашнего врача и кормилицы). Место барона Фредерикса, по сложившемуся этикету, было рядом с царем. Барон – уже не молодой мужчина, сохранивший бравую осанку профессионального военного – пользовался в императорской семье заслуженным уважением и авторитетом. Он был прямым потомком плененного русскими войсками шведского офицера, поселенного впоследствии в Архангельске. Один из предков барона был придворным банкиром Екатерины II, за что и получил баронское достоинство. Отец Владимира Борисовича был военным, участвовал во взятии Парижа, командовал 13-м Эриванским полком, а впоследствии состоял генерал-адъютантом при Александре II. Свой путь вверх Владимир Борисович начал с юнкеров в лейб-гвардии конном полку, и тогда же был пожалован флигель-адъютантом. Затем более восьми лет командовал конной гвардией.

Нынешнюю должность министра двора он занял после отставки своего шефа, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова.

Николай – в форме полковника Преображенского полка, лейб-гвардейский батальон которого в свое время первым присягнул ему как императору, – самолично наполнил большую рюмку мадерой и торжественно приподнял ее в честь находящихся за столом дам. Бутылка мадеры стояла рядом с его прибором. Император не любил, когда вино ему наливал лакей, всегда излишне деловитый, но не слишком расторопный. Сделав глоток, Николай поставил рюмку рядом с тарелкой и ровным, без эмоций, голосом обратился то ли к присутствующим, то ли к невидимому собеседнику:

– Полагаю, что России пришла пора вернуться к той завоевательной политике, которая, собственно, и определила ее нынешнее уникальное состояние, то есть политический вес и влияние во всем мире...

Министр двора, искушенный в тонкостях дворцовых интриг, симпровизировал старческую глухоту, зато торопыга Воейков, скорчив гримасу великим князям, не подумав, брякнул:

– Насколько мне помнится, ваше величество, покойный император Александр III придерживался иной точки зрения, то есть жил по принципу – худой мир лучше доброй ссоры...

Но тотчас сообразив, что ляпнул не совсем то, что от него ожидали услышать, поспешил заглядеть промашку наивным вопросом:

– И на какую же часть мира будет направлена наша завоевательная политика, государь?

От острого генеральского глаза не укрылось, какими понимающими улыбками обменялась императорская чета. Николай, подрагивая усами, снова протянул руку за мадерой, а на матово-бледном лице Александры Федоровны проступил легкий румянец:

– Ах, неужели не ясно, Владимир Николаевич? Разумеется, Европа нас совсем не интересует: там вовсю распоряжается наш кузен Вилли. Правда, французишки и англичане строят ему всякие козни, но, я уверена, у Германии достаточно сил, чтобы в конечном итоге утвердить на европейском континенте свое моральное и политическое превосходство. Интересы же современной России лежат в Азии... Лишь при условии расширения своих владений на азиатском континенте Россия выполнит наконец ту историческую миссию, которая предназначена ей свыше. Она станет владычицей доброй трети земного шара и вместе с дружественной нам Германией будет способна контролировать положение дел на всем евро-азиатском материке.

– А что думаете вы, барон? – обратился Николай к своему министру. Застыгнутый врасплох, Фредерике взял суховатой рукой салфетку, утер ею губы и лишь после этого, несколько шепелявя, произнес:

– Я не дипломат, ваше величество, да это и не в моей компетенции. Но как инстинкт, так и рассудок побуждают меня высказываться по вопросам мира и войны с большой осторожностью.

– Но все-таки?.. – без напора и даже как будто без интереса уточнил царь.

Обычно Николай всегда с большим уважением относился к министру двора и, как правило, прислушивался к его деловым высказываниям. Царь видел в бароне человека справедливого и благородного, с ясными взглядами на события, безусловно, преданного и любящего. Фредерике обладал даром говорить правду их величествам, но в то же время умел облечь эту правду в такую форму, которая их не корбила.

Как политик, Фредерике был твердо убежден в том, что для блага монархического правления России следует поддерживать наиболее дружеские отношения именно с Германией.

Барон не доверял ни Франции, ни в особенности Англии. Последнюю он всегда подозревал в двудушии и вероломстве и не надеялся на хороший результат от сближения с нею. Он считал, что именно эти две державы были бы весьма довольны переходом России к республиканскому строю, видя в этом ослабление ее мощи. Германию же он считал естественным союзником и всеми силами противился розни двух монархий, нежелательной для обеих династий.

– После наших мирных инициатив в Гааге, – осторожно заметил Владимир Борисович и, сморгнув, завершил фразу в вопросительной интонации, – неизвестно, как отреагирует на наши притязания маленькая Япония...

Николай залпом осушил полную рюмку мадеры и улыбнулся.

– Япония – не есть великая держава, – сохраняя на мраморном лице строгое и холодное выражение, ответила за мужа императрица. – Она расположена на островах, и в дела материка ей лучше не вмешиваться.

– Да, да, – охотно подтвердил царь. – Япония как маленькое островное государство обязана молча взирать на то, что делает ее могучий сосед – Россия. В противном случае она рискует рассердить меня окончательно, а это будет означать одно – Балтийский флот соединится с Дальневосточной эскадрой и, заняв в один прекрасный день все японские порты, поставит крест на так называемом японском суверенитете.

– Значит, если я правильно понял, – снова подал голос Воейков, – в скором будущем нас ожидает война с Японией?

– Вас это пугает, Владимир Николаевич? – небрежно, присматривая, как кушают и ведут себя за столом все три девочки, с легким акцентом спросила Александра Федоровна.

– Ни в коем случае, ваше величество! – свитский генерал состроил угрожающую мину и, рассмешив гримасой великих княжон, прорычал: – Если понадобится – иконами закидаем...

– Я войны не хочу, – быстро и хладнокровно проговорил царь, – но если японцы выведут меня из терпения – пусть пеняют на себя: они испытают всю мощь и несокрушимую силу русского оружия.

Воейкову стало не по себе. От стоявшей перед ним фарфоровой тарелки с мясным бульоном исходил ароматный приятный парок, но Владимиру Николаевичу уже чудился в нем обжигающий жар беспощадного артиллерийского огня. Бог ты мой! На языке генерала вертелась фраза о том, что, по сведениям русского штаба, японские броненосцы по мощи и убойной силе ничуть не уступают кораблям славного российского флота, ибо оснащены лучшей в мире английской техникой и лучшей в мире цейссовской оптикой. Интересно, знают ли об этом здесь, во дворце, где, похоже, вознамерились всерьез разыграть дальневосточную карту со всеми далеко идущими последствиями такой игры.

В отличие от тестя, умевшего говорить их величествам правду в глаза, Владимир Николаевич Воейков был человеком скрытным, если не сказать, двоедушным. Он тоже умел говорить правду, но почему-то его правда обычно совпадала с теми словами, которые от него желали услышать. Человек, безусловно, не глупый, не лишенный светской лобзости и своеобразного юмора, он в течение долгих лет пребывания вблизи трона в совершенстве освоил и отточил такое небесполезное качество, как придворная ловкость.

– Великий князь Алексей, – изрек после затянувшейся паузы император, – в качестве главнокомандующего русским флотом делает все от него зависящее, дабы Россия стала владычицей Тихого океана.

– Конечно, конечно, – негромко и многозначительно поддакнул Воейков. Поддакнул, ибо ни его положение, ни чин, ни звание не позволяли подвергнуть сомнению сказанное его величеством. Хотя он знал о «дяде Алёше» такое, что даже в мыслях не всегда решался припоминать и комментировать: к толстым, как мясные сосиски, пальцам этого царского родича за последние годы прилипли многие миллионы рублей, отпускаемые казной на материальное поддержание флота. И уже не только в штабах и министерстве, но чуть ли не на улицах и в душевных компаниях судачат про то, что броневые листы на русских кораблях, за неимением железных заклепок, крепятся деревян-

ными втулками.

Ход рассуждений Владимира Николаевича был прост: если Николаю вздумалось – пусть даже из каких-то высших соображений – помахать шпагой и выставить себя перед всем миром в качестве Аники-воина, – это его дело. Его самодержавное право и его проблемы. Хочет воевать – пусть воюет. В конце концов государства на то и существуют, чтобы постоянно схватываться друг с другом – за национальные интересы, за сферы влияния, за источники сырья и т.д., и т.п. Такова жизнь – говорят великомудрые французы, и не нам, грешным, браться за исправление человеческих нравов, выработанных многими тысячелетиями. Тем паче, когда нас об этом никто не просит.

3

1905 год начался для царской семьи со зловещего предзнаменования: 6 января, в день Крещения, Николай с блестящей свитой, предводимый духовенством и митрополитом, вышел из Зимнего дворца и отправился к беседке, устроенной на Неве: там должен был состояться торжественный чин водосвятия.

Началась служба, и с Петропавловской крепости прогремел полуденный салют орудийных выстрелов.

Казалось, всё было как обычно, но именно в этот раз случился конфуз – одно из тех недоразумений, которые, по представлению Александры Федоровны, служили «знаком свыше»: во время салюта круглые картечные пули просыпались на павильон, где находилась царская чета, и на фасад Зимнего дворца. Ни император, ни члены его свиты поначалу не придали этому значения, хотя и застыли от неожиданности, недоумевая, что же там могло случиться.

Крестный ход возвратился в Зимний, и лишь спустя некоторое время кто-то, оказавшись в Николаевском зале, обратил внимание на несколько разбитых оконных стекол. Доложили государю. Николай потребовал к себе петербургского градоначальника И. А. Фуллона. Тот явился, бледный и заикающийся, и путано объяснил, что, как выяснилось, в дуле одного из орудий оказался забытый картечный заряд.

По дворцу поползли слухи: никто не верил в случайность происшедшего, говорили, что это покушение на императора, исходящее из среды войск. По распоряжению министра двора барона В.Б. Фредерикса, начальник канцелярии А.А. Мосолов телефонировал начальнику артиллерии генералу Канищеву, которого знал лично еще с войны 1877 года.

Канищев пообещал прислать военного следователя сразу же, после первого дознания. Прошло часа три, и явившийся к Мосолову следователь сообщил, что, по первым показаниям, дело обстоит именно так, как было доложено государю. Однако пока следствие еще не может ответить с полной определенностью – не было ли при этом злого умысла.

Мосолов немедленно сообщил о дознании следователя Фредериксу, который по телефону уведомил о том же царя. Тем же вечером, побывав на ежедневном докладе у императора, барон поделился с Мосоловым радостной вестью: государь весьма до-

волен дознанием и уверен, что никакого покушения не было. А между тем, ни Мосолов, ни барон Фредерикс, ни большинство из тех, кто присутствовал при данном инциденте, не разделяли оптимистического настроения своего императора.

Осторожный и проницательный Фредерикс требовал, чтобы Мосолов был доскональным образом осведомлен о том, что творится в городе, каковы настроения, о чем толкуют обыватели, чем живет и дышит рабочая окраина.

В последующие за 6 января дни А.А. Мосолов неоднократно встречался с самым разнообразным кругом лиц, могущим осветить ему складывающуюся ситуацию. Наиболее осведомленными из этих лиц были шеф жандармов генерал Константин Николаевич Рыдзевский, военный министр Виктор Викторович Сахаров и начальник департамента полиции Алексей Александрович Лопухин. Сведения, полученные от этих людей, были неутешительны.

Чтобы более полно судить о мнении общества, Мосолов дважды побывал в «Новом клубе», помещавшемся в доме князя С.И. Васильчикова, а также неоднократно встречался с корреспондентами петербургских газет, так как по совместительству заведовал придворной цензурой, бывшей особым отделом его канцелярии.

Общее впечатление, которое он вывел из полученной информации, сводилось к тому, что в народе и обществе подспудно царит ожидание чего-то грозного, неведомого, неотвратимого.

Генерал Рыдзевский – однополчанин и предшественник Мосолова по канцелярии – говорил совершенно определенно: через два дня в столице ожидается большая манифестация во главе со священником Гапоном, но правительство надеется ей помешать, поскольку Гапон хотя и считается своим человеком в рабочей среде, все же в большей степени предан полиции. На вопрос Александра Александровича – считает ли генерал, что петербургская полиция находится на высоте своего положения, Рыдзевский ответил с солдатской прямоотой: полиции он не особенно доверяет, и гапоновская акция будет для нее серьезным испытанием.

Вечером 8 января Мосолов вновь связался по телефону с Рыдзевским и спросил, в каком положении дело. Рыдзевский сказал, что он только что вернулся с совещания у министра внутренних дел Святополка-Мирского и что решено Гапона арестовать, а манифестацию до Зимнего не допускать, для чего в помощь полиции вызваны войсковые части.

Поздно ночью 8-го же января Мосолов еще раз телефонировал жандармскому генералу с целью узнать, арестован ли Гапон. Рыдзевский ответил: нет... Гапон, мол, засел в одном из домов рабочего квартала и для его ареста пришлось бы принести в жертву не один десяток полицейских. Решено арестовать его на следующее утро, при его выступлении.

– А вы не боитесь, генерал, что будет слишком поздно? – спросил Мосолов и нахмурился, получив обескураживающий ответ:

– А вы что же, хотите, чтобы я взял на свою совесть человеческие жертвы из-за этого поганого попа?

Мосолов смолчал, а про себя подумал, что на месте шефа жандармов лично он, Александр Александрович Мосолов, взял бы на свою совесть любые

жертвы, так как, по всем признакам, завтрашний день грозил гораздо большими бедами – прежде всего политическими последствиями.

4

Тем временем события нарастали с быстротой, захватывающей дух. На Дальнем Востоке следовало поражение за поражением. В стране росла безработица. И в напряженной, наэлектризованной атмосфере достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. К сожалению, за этой искрой дело не стало. ...Еще 12 декабря 1904 года по совету Святополка-Мирского Николай II издал указ о намечаемых реформах, из которого – по наущению великого князя Сергея Александровича и Сергея Юльевича Витте – вычеркнул пункт о допуске народных представителей к участию в работе Государственного совета. Либеральное общество – интеллигенция, Горький, революционеры всех мастей, – получив демонстративную пощечину, обиделось и злобно затаилось, ожидая от власти новых подтверждений ее «бездарности» и «антинародности».

Ситуацию подогрела и сдача Стесселем Порт-Артура, состоявшаяся 20 декабря того же года. Следующий ход был за Гапоном.

Ровесник В. И. Ленина, Георгий Аполлонович Гапон с успехом закончил Полтавскую семинарию, где заслужил почет и уважение тем, что демонстративно отказался от стипендии и зарабатывал себе на пропитание преподаванием различных предметов в зажиточных домах.

Став священником кладбищенской церкви в Полтаве, Гапон довольно быстро превратил ее в наиболее посещаемую в городе благодаря блеску и пафосу, с которыми произносил с амвона горячие проповеди о христианской любви к ближнему. Вскоре честолюбивый красавец-проповедник, при поддержке местного епископа Иллариона, переезжает в Петербург и поступает в Духовную академию. Именно в это время и начинаются его контакты с начальником Особого отдела департамента полиции С.В. Зубатовым.

Позже Зубатов писал о Гапоне: «Из бесед я убеждался, что в политике он достаточно желторот, в рабочих делах совсем сырой человек».

Вскоре напористый провинциал становится священником одного из приютов общества Синего Креста, пользующегося покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Вверенное ему учреждение быстро становится местом массового паломничества окрестных «босяков», что в те годы воспринимается с большой симпатией – на рубеже веков русское общество буквально заходило от любви и сострадания к «босьякам».

Гапон готовит обстоятельный доклад о рабочих домах в городах и рабочих колониях в деревне. Доклад попадает в орбиту внимания высших государственных чиновников, а через них – на стол к императрице. Александра Федоровна с похвалой отзываясь об авторе и даже собирается обсудить егоopus в благотворительном комитете...

В какой-то мере Гапона можно считать предтечей распутинского феномена. Он становится популярной фигурой в великосветских салонах, о чем сохранилось его личное свидетельство: «У меня есть одно несомненное качество: я произвожу не-

отразимое впечатление на дам, и благодаря этому свойству, мне удалось попасть во влиятельные дома. Дамы принимали меня в полуосвященных гостиных, внимательно и смиренно слушали при таинственном блеске мерцавших лампад мои проповеди, умышленно превозносили меня в своих кругах за якобы вновь открываемый мною скрытый смысл учения Христа, чуть ли не видели во мне пророка, благодарили меня, долго-долго жали мои руки и беспрекословно исполняли всё, что мне заблагорассудится».

Популярность, как известно, всегда чревата. Прошел слух о недопустимой близости духовного наставника – молодого красавца – со многими воспитанницами руководимого им приюта. Так это или нет – не суть важно, хотя один факт бесспорен: Гапон действительно сожительствовал с девицей Марией Кондратьевной Уздалевой, которая стала постоянной спутницей его жизни. Жениться на ней он не мог, ибо после смерти первой жены – как православный священник – обязан был хранить обет безбрачия.

Спустя какое-то время, помимо репутации «развратника», молва приписала Гапону и репутацию «революционера». Возможно, последнее обстоятельство и положило начало его дальнейшей карьеры.

В начале 1904 года, с подачи С.В. Зубатова, Гапон, на правительственные деньги, приступил к созданию легальной рабочей организации, призванной отвлекать своих членов от какой бы то ни было политической борьбы. 15 февраля 1904 года тогдашний министр внутренних дел В. К. Плеве утвердил устав этой организации, и через два месяца новое сообщество приступило к активной деятельности под названием «Собрание русских фабрично-заводских рабочих в г. Санкт-Петербурге».

Деятельность этой организации продолжала развиваться по нарастающей даже после убийства эсерами, руководимыми Азефом, министра внутренних дел В. К. Плеве, тем паче что сменивший его на этом посту П. Д. Святополк-Мирский во всеуслышание объявил о начале «новой эры» в отношениях между властью и обществом.

В своих реляциях о состоянии дел, направляемых в департамент полиции, Гапону приходилось изощренно лгать и изворачиваться. Но, к сожалению, ему верили. От него слышали лишь только то, что желали слышать. А главное – хозяева были убеждены, что Гапон ситуацией полностью владеет.

* * *

Повод для возмущения нашелся без особых трудов: за пьянство и прогулы дирекция Путиловского завода уволила четверых рабочих – членов гапоновского «Собрания». Гапон и «тайный комитет» приняли решение выступить в защиту уволенных. На заводе была объявлена забастовка, составлена петиция с изложением требований к властям: обеспечить основные права, свободы, созыв Учредительного собрания. Однако всгал вопрос – как довести эти требования до тех же властей? Так родился план мирного шествия к Зимнему дворцу для подачи петиции лично царю-батюшке.

Гапон и его окружение планировали подойти многотысячной толпой к Зимнему дворцу, добиться принятия рабочей делегации и принудить царя

согласиться со всеми содержащимися в петиции пунктами. В случае отказа Гапон должен был дать из окна сигнал взмахом платка, что для собравшихся бы означало – «Нет у нас царя!»

О том, что бы могло впоследствии, можно только догадываться. Знал ли Гапон, что Николай находится не в Зимнем, а в своей загородной резиденции в Петергофе? Знал. Но в порыве организаторского ажиотажа надеялся, что ради такого экстраординарного случая царь специально приедет в Петербург. Знал ли, что в демонстрацию будут стрелять? Неизвестно, хотя вероятность расстрела существовала: в послании государю от 8 января отец Георгий Гапон писал: «Если же ты не явишься перед своим народом, то вера в тебя поколеблется и нравственная связь между тобой и народом твоим порвется, так как неповинная кровь ляжет между тобой и русскими людьми». И всё же этой вероятностью власть пренебрегла.

* * *

Какие же меры были предприняты для предотвращения катастрофы?

8 января Николай II записал в дневнике: «Суббота. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 человек. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

Что же было в этом докладе? Вместе с начальником штаба гвардии и Петербургского военного округа генералом Мешешичем и градоначальником Фуллоном министр внутренних дел Мирский разработал следующий план дислокации войск.

Помимо стратегически важных пунктов – телефон, телеграф, мосты – войска должны были разместиться в двенадцати ключевых местах города с целью недопущения массового прохода людей на Дворцовую площадь: боялись повторения Ходынки или того хуже – захвата толпой Зимнего дворца.

На совещании у Мирского министр юстиции Н.В. Муравьев сказал, что Гапон производит неприятное впечатление и что его следует немедленно арестовать. Мирский и Фуллон выразили надежду, что именно Гапон не допустит развития событий по нежелательному сценарию, так как считали, что он «играет в их команде». Градоначальник И. А. Фуллон также уточнил, что он лично известил Гапона об отсутствии в столице государя.

Никакого конкретного решения принято не было.

Как водится, по российской традиции, в канун 9 января было развешено объявление градоначальника о... запрещении демонстрации. Объявление было отпечатано наспех, на листах небольшого формата, развешено кое-где, как правило, в наименее людных местах и могло вообще остаться незамеченным.

* * *

Утром 9 января все одиннадцать отделений «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» построились в колонны и двинулись к центру столицы. Толпа была безоружна.

Во главе каждой колонны празднично одетые рабочие несли хоругви, кресты и портреты Николая II. Шествие напоминало крестный ход, люди пели молитвы и церковные гимны, провозглашали здравницы государю императору. Было множество женщин, детей, стариков.

Облаченный в черную рясу поверх меховой пубейки, с золотым крестом на груди, высокий, статный, с бледным без кровинки лицом и с горящими фанатическим блеском глазами, Гапон шел впереди Нарвского отдела. Его сопровождал начальник инструментальной мастерской Путиловского завода эсер Петр Моисеевич Рутенберг.

До сих пор так и не выяснен вопрос, кто же отдал приказ открыть огонь. Ведь характер демонстрации был подчеркнута мирным.

Вероятно, приказа стрелять в принципе никто и не отдавал. По тогдашнему российскому законодательству, в случае неподчинения толпы приказу «Разойдись!», после предупредительного сигнала рожка и залпа в воздух, разрешалось, как теперь принято говорить, «стрелять на поражение». Этого закона рабочие, разумеется, не знали и, когда пропел рожок и прогремели предупредительные залпы в воздух, демонстранты, видимо, решили, что солдаты хотят их просто поугаать, что стрелять в безоружных людей войска не станут – ну так, постреляют в воздух для острастки и прекратят.

Кстати, из двенадцати пунктов, где были размещены войска, до стрельбы дело дошло лишь в восьми, что прямо подтверждает версию об отсутствии конкретного приказа об «обязательной» стрельбе.

Первыми упали те, кто нес хоругви, кресты и императорские портреты, то есть те, кто шел впереди. Задние, кто пошустрей, бросились врассыпную, оставшиеся прижались к земле.

Стрельба прекратилась. Те, кто мог, поднялись, понимая, что надо спасаться. И тогда грянул второй залп, третий... Залпы мешались с предсмертными стонами и проклятиями. Гапон, бросив рясу и крест, под прикрытием эсеровских боевиков умудрился скрыться с места побоища...

В историографии советского периода число погибших определялось в сотни и даже тысячи человек. Но это явная неправда. По данным рапорта, представленного Николаю II, количество убитых перед дворцом было 96, раненых – 333, и еще 34 человека скончались от ран до 27 января. В числе погибших были двое полицейских, охранявших мирное рабочее шествие и до последнего момента не веривших в то, что войска осмелятся стрелять. Можно допустить, что департамент полиции, готовивший рапорт, не учел всех пострадавших – кого-то унесли друзья и близкие, сведения о ком-то не поступили вовремя, что не мешало революционным изданиям того времени и позже из официальных 109 убитых во время демонстрации сделать «тысячи» погибших.

Так были ли конкретные виновники того, что в январе 1905 года началась первая в истории России революция? Кто они? Царь, не приехавший в столицу для предотвращения катастрофы? Святополк-Мирский, стянувший войска ко дворцу? Градоначальник Фуллон, не разобравшийся в том, что под самым его носом в городе действует фактически революционная организация? С.Ю. Витте, поссоривший Николая с либералами буквально накануне событий? Генерал А. М. Стессель, не к месту и не ко времени сдавший японцам могущий еще сопротивляться Порт-Артур? Максим Горький, игравший в политические игры и прятавший Гапона у себя на квартире? Гапон и те, кто стоял за его спиной? Представители так называемой «передовой интеллигенции», трактовавшие гапоновскую авантюру как «неодолимую стихию», противиться которой не только бессмысленно, но и преступно: она-де приближает конечный миг торжества интеллигентского символа веры – вождя нового социализма?

Ответ прост, как любая правда: в событиях 9 января виновны обе стороны – и власть, и народ.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИНТРИГИ

Юрий ВОРОПАЙКИН

С ДРУЖЕСКИМ ПРИВЕТОМ...

И.И. Сабилу

Ах, как мило, ах, как мило,
что у нас главарь – Сабилу,
наш Иваныч, наш Иван –
в прозе главный атаман.

А.Г. Скокову

Сей Александр Скоков
в литературе – дока,
а в жизни он – педант,
актер и дипломат.

Т.П. Батуриной

Татьяна Петровна Батурина
на дух не выносит халтуры. На
ниве изящной словесности
достигла похвальной известности,
строга, безусловно, и властна,
и для дилетантов опасна,
и только с друзьями сердечна,
им дарит свое красноречье...

А.И. Белинскому

И восхищенно, и умильно
признать изволю –
великолепная фамилия
досталась Анатолю.

А.Л. Шейкину

Как револьвер системы "кольт"
(системы: знай-де, наших),
по оппонентам бьет Аскольд –
коль бить, так без промашек!

Себе, любимому

– Резвишься, Воропайкин?
– Что, нельзя?
– Ну почему... резвись, пока резвится.
Надеюсь, не обидятся друзья,
а недруг что ж, –
не друг – пускай позлится...

– Пишу Закон для творческого братства:
"На то и жизнь, чтоб улыбаться!"

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Татьяна РУДЫКОВСКАЯ

ВАЛЯ И КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Мы встретились на платформе в ожидании электрички, разговорились. Оказалось, что он тоже из Киноинженерного, мы там учились, а Валентин Васильевич Бабкин окончил институт двумя годами раньше нас, три года отработал на заводе и вернулся в институт преподавателем, где и трудился до последних дней. Учителя у нас были одни и те же.

Потом разговор перешёл на литературные темы.

– А я тоже занимался стихами, – весело блестя глазами, сказал Валентин Васильевич, – у самого Корнея Ивановича Чуковского!

А дело было так: одарённых детей из школьных кружков, из районных домов пионера, хорошо успевающих, собирали в клуб любителей поэзии в Городском Дворце Пионеров им. А.А. Жданова. Вела эти занятия женщина, учительница. Имени ее Валентин не запомнил. Но однажды она сказала: "Ребята, завтра к нам придёт сам Корней Иванович Чуковский."

– Корней Иванович читал нам лекции по теории стихосложения. В качестве домашнего задания давал слова и рифмы – к следующему разу написать стихи. Потом разбирали их. Много было подражательных – под Пушкина, под Лермонтова...

– Да, надо учиться у других, – говорил Корней Иванович, – но должно быть своё лицо, делайте стихи "под себя".

Ребята все засмеялись. А Корней Иванович рассказал о Маяковском, как тот советовал молодым поэтам "делать стихи не под Маяковского, а под себя".

Всего таких занятий было три. На последнем, уже почти летнем, Корней Иванович не стал ничего "преподавать", просто разговаривал с ребятами и просил задавать вопросы.

Валина бабушка недаром звала своего внука "Везде на гвозде!" Инициатива так и рвалась наружу. Бабкин поднял руку.

– Корней Иванович, вот Вы нас стихи учите писать, а я давно не читал Ваших стихов. Чем это объяснить?

Шёл 1938 год. Произведение К.И. Чуковского "Тараканище" кто-то счёл пародией на И. В. Сталина, и тихо-молча, на всякий случай, этого автора не печатали. Валентин и предположить такого не мог!

После Валиного вопроса Корней Иванович как-

то изменился в лице:

– Кто это тебя сюда подослал, юный провокатор? А? Ну, выйди вон!

– А чего я такого сказал? Не пойду!

Тогда Корней Иванович встал, подошёл к подростку, двумя пальцами взял его за воротник пиджачка и вывел в коридор. Мальчик передёрнул плечами, как бы вырываясь – ну, и подумаешь! Не очень-то и хотелось! – и побежал на улицу. Трамвай № 12 медленно взбирался на горб Аничкова моста. Догнать и впрыгнуть на подножку не составило труда. Валя стоял на площадке, нижняя губа слегка оттопырилась – ну, и подумаешь! – говорил он себе. Но было обидно: за что?

Через два дня зам. директора Дворца Пионеров рано утром приехал к Бабкиным домой. Родители уже ушли на работу. Валентин валялся на диване, читал книжку.

– Поехали во Дворец. Корней Иванович хочет перед тобой извиниться.

– Чего ещё? – сказал Валя, но поехал.

Корней Иванович ждал его в кабинете зам. директора. Когда они вошли, он спросил:

– А другие ребята будут?

– Нет, уже лето, все разъехались, – ответил зам. директора.

– Дело в том, что я обидел его при всех, и при всех должен извиниться.

– Ну, что же делать? Других ребят не будет.

Корней Иванович повернулся к Валентину:

– Извини меня, пожалуйста, я несправедливо тебя обидел.

– Чего там? – смутился Валя.

– Так простишь, или мне на колени перед тобой встать?

– Ну, что Вы! Ещё голова закружится, упадёте, а нам Вас не поднять, вон Вы какой большой!

Все засмеялись.

– А что, Валя, хочешь на машине прокатиться? – задорно спросил Корней Иванович.

– Можно, – солидно ответил Валя, а сердце так и запрыгало у него.

Автомашина у Корнея Ивановича была большая, чёрная, с открытым верхом. Чуковский сам сел за руль, Валя рядом, и они понеслись. Родителей дома не оказалось.

– А что, Валя, не хочешь ли ты ко мне на дачу прокатиться в Куоккалу?

– Так это ж заграница! Кто нас туда пустит?

– Заграница. А нас пустят.

– Поехали!!!

Корней Иванович написал записку родителям, что, де, берёт Валю к себе на дачу и назавтра вернёт в целости и сохранности и подписался: знаменитый поэт Корней Иванович Чуковский.

– Ой! – хором закричали мы. – А записка сохранилась?

– Нет, что вы, – вздохнул Валентин Васильевич. – Война была, блокада. Да и дом наш сломали. Я тогда на Охте жил.

Итак, открытая автомашина несётся по Выборгскому шоссе к Белоострову, где по реке Сестра проходит граница с дружественной капиталистической страной Финляндией. Дух захватывает у тринадцатилетнего подростка. Мелькают стволы деревьев, петляет дорога, а рядом за рулём сам знаменитый поэт в какой-то цветной немислимой футболке (!)

Стоп! Будка пограничника. Полосатый шлагбаум. Автомашина остановилась. Улыбающееся курносое лицо, ладонь у козырька.

– Здравия желаю, Корней Иванович! Счастливого пути!

На другой стороне моста тоже будка, тоже шлагбаум, тоже улыбающееся лицо с белесыми бровями, тоже ладонь у козырька. Что-то говорит по-

фински. Два слова понятны: Корней Ифаночич!

И всё. Вот она, заграница!

Возле дачи их встретила финка, или как тогда говорили, чухонка, в белом переднике с кружевами. Она тоже улыбалась. Из окон кухни пахло жареным.

– Пирожки любишь? – весело подмигнул Корней Иванович.

– Оч-чень!

На ломаном русском чухонка объявила меню обеда.

– Одобряешь? – опять весело спросил Корней Иванович. Валя только кивнул в ответ, глотая слону. Пирожки были его самым любимым блюдом. А пирожки тоже были веселыми, их было много: и с мясом, и с капустой, и с черникой.

Потом Валя и Корней Иванович купались в заливе, гуляли по берегу. Вечером были какие-то гости. Но Валя так устал от обилия впечатлений, что его уложили спать.

Утром Корней Иванович на машине довёз его до границы, купил ему билет на поезд, сдал на руки проводнику и попросил его посадить у Финляндского вокзала мальчика в трамвай № 23.

– Да чего там, я сам доберусь, – как-то басом сказал Валя, Корней Иванович крепко пожал ему руку на прощанье. Паровоз загудел, вагон вздрогнул, и, выснувшись в окно, Валя долго ещё видел на платформе высокую фигуру с поднятой рукой.

Игорь ДЯДЧЕНКО

НА ОЗЕРЕ СУЛЕЙМАН

*"...тучи и циклоны,
абордаж, целлоны,
бриз, муссон,
Смит и Вессон!"*

(А.Грин "Золотая цепь")

Человек становится охотником совсем не в тот день, когда покупает себе ружье. И сторож ходит с ружьем, да только он не охотник. И не в тот день, когда впервые почувствовал красоту окружающего нас мира. Художник тоже чувствует и видит это, да только он тоже не охотник. И не в тот день, когда в тумане без компаса сумел ты выйти на правильную дорогу. Хороший турист также справится с подобной задачей, да только вот тоже он все-таки не охотник!

Конечно, "есть мнения, различные на этот счет", но я убежден, хотя, может быть, это несколько немодно звучит, что человек становится охотником прежде всего тогда, когда ружье начинает его слушаться – становиться как бы частью его самого.

Да, конечно, настоящий охотник должен любить и беречь родную природу, чувствовать себя частью этого прекрасного мира, должен, наверное, быть и неплохим спортсменом, и туристом, а возможно – и поэтом и философом со своим, устоявшимся восприятием окружающего и много еще чем должен бы он быть, много чего должен знать и уметь настоящий охотник.

И все-таки ко всем этим, совершенно необходимым ему качествам, настоящий охотник обязан

владеть и уметь пользоваться доверенным ему ружьем. Потому, что стрелок, не вполне владеющий этими навыками, прежде всего, как это ни тяжело в тысячный раз напоминать, просто опасен для окружающих. Потому, что стрелок, безбожно, но мощно бабахаящий просто в белый свет, как в копеечку, вызывает лишь нездоровые эмоции у всех, встреченных им граждан и к тому же бесполезно загрязняет наши родные уголья свинцом. И самое главное – потому, что само это выражение – "настоящий охотник" всегда звучит в моих ушах так молодо и весело, как и выражение "любимое ружье"!

И тот день, когда ты впервые ощутил душу этого нехитрого, сотни лет назад изобретенного людьми механизма, почувствовал, что оно стало, наконец, по-настоящему подвластно тебе, помнится иными гражданами всю жизнь, как первый поцелуй. Мне, во всяком случае, помнится...

Да, был у меня такой день! Воскресенье было. Хотя с утра ничего такого исторического не предвиделось – выходной и выходной. Осень. Тепло, хоть и ноябрь. Ноябрь в Дагестане еще имеет теплые деньки. Как-то повелось у нас долго помнить только почему-то кем-то считающиеся важными

некоторые семейные даты – дни рождения, приезды отдаленных родственников, которые вследствие своей большой отдаленности так редко приезжают и проч. А вот разные охотничьи события помнить не положено и если кто-то о них иногда и вспоминает, то, даже если они и имели какое-либо значение для тебя, поделиться своими переживаниями часто бывает не с кем. У нас как-то исторически не принято мужика с ружьем на плече всерьез воспринимать.

Одним словом, в тот день ничего серьезного не собиралось свершиться. Правда, в субботу отец заговорил о возможности пройтись с ружьями завтра, но только после завтрака, не с утра, а для нас – горячих юных стрелков, готовых целыми сутками мотаться со своим любимым папкой по окрестным горам и долам такой поздний выход представлялся уже чем-то несерьезным.

То ли дело с ночи! Все спят тихо-мирно и вдруг будильник ка-ак взбесится в темноте и давай дребезжать, что есть сил. Брат мой Саша – самый заводной охотник на свете, всегда заводил его до последней точки и поэтому, учитывая предрасветную ночную тишь, звон этих часов врывается в сон как-то слишком ударно и тяжело. И начиналось самое интересное! Все (и охотники и остальные) вдруг вскакивали и начинали бегать в чем попадая и заново перекладывать заботливо уложенные с вечера рюкзаки. Потом наполнялись водой многочисленные фляжки и сонные охотники, бухая сапожниками на весь подъезд, уходили в ночь. Сколько романтики в таком подъеме!

А после завтрака – все как-то не того! Главное – ведь после завтрака мама с отцом обязательно направятся на базар, и хотя наобещают, что будут скоро, но время-то охотничье идет, а их-то все нет! А под балконом уже давным-давно сидит на лавочке мой школьный приятель Юрка Глаз и все повсвистывает вызывающе (душу он у меня вынимает своим свистом!), а выйдешь к нему на балкон – он вздохнет так глубоко и шумно, что мне даже сверху заметно и этак в лоб в сто первый раз возьмет и огорошит каверзным вопросом:

– Друган, ну когда уже выходим? – и демонстрирует сетку с запасом разных вкусностей, которые он берет с собой в поход.

А поход, черт его возьми, все откладывается!

А главное, в этот раз рядом с Юркой сидел на скамейке наш общий друг и отличный охотник Витун и тоже с ожиданием глядел на нас снизу вверх.

Этот самый Витун был действительно хорошим товарищем, сильным и надежным, но насмешником таким, что попасться ему на язычок где-нибудь на охоте означало быть обреченным на целодневную муку. Он очень здорово стрелял из своей старенькой "бээмки" и притом всегда влет или в бегущего зверя, почти никогда не промахиваясь. И как же грустно было выслушивать в походах его насмешливые, вьедливые замечания о том, как должен стрелять настоящий охотник. Выслушивать после каждого промаха, понуро кивая головой, и с тоской ожидать обязательной заключительной его педагогической сентенции:

– В сидящую птицу, неподвижного зверя только жестокий, бездушный мазила стрелять будет. Настоящий же охотник всегда дичине шанс оставляет улететь, убежать, потому что он не может быть хитрым, жестоким, а вот какой-нибудь дебил с ружь-

ем, гнида вооруженная – те могут. И главное – обидно, что таких козлов почему-то всегда больше, чем настоящих охотников.

И с каждой минутой все больше росла обида на родителей, которых все ждали с таким нетерпением, а они этого, конечно, не чувствовали и не думали, шагая по базару, сколько хороших охотников исходили душой от бесконечного ожидания.

Вдруг снова слышится свист со скамейки во дворе. Да злой какой! Выскочили мы с братом в очередной, сто первый раз, на балкон и увидели, что теперь Юрка и Витун стоят, задрав головы и указывая пальцами в серое осеннее небо. Всмотрелись в небеса и увидели высоко, под облаками летящих казарок.

– Видали, – нервничал внизу Юрка Глаз, – провалиться мне, метров пятьдесят, не больше.

До казарок, конечно, гораздо больше. Да и едва ли стали бы гуси днем над городом низко летать. Но мы с братом сразу согласились с Юркиными замечаниями и громко, чтобы слышали внизу, поддержали:

– Да, метров пятьдесят. С карточки можно уже. И плачуций, страстный голос донесся снизу:

– Слушай, ну когда уже пойдем? Разлетится ведь все, пока вы копаетесь! Тут уже на балкон выскочил, уязвленный в самое сердце горькой Юркиной правдой самый горячий охотник – брат Саша и горячо размахивая руками, начал сверху клясться и божиться, что, мол, все, через пять минут выходим непременно. Опять соврал, конечно. Ежику ясно, что пока родители не вернуться – никуда мы не двинемся – молоды еще самостоятельно в походы ходить. Все понимали это – и те, что вверху и те, что внизу, но вот что значит убежденность! – клятвы Саши успокоили всех участников беседы и свист снизу умолк на какое-то время.

Наконец – ур-ра! – пришли папа с мамой. Родители наши, помнится, жили не просто, хотя больших скандалов в нашей семье не было. Мы, подростки, разумеется, не понимали еще всех проблем семейной жизни, но уже знали, что к концу недели, ближе к воскресенью у папы может случиться небольшая выпивка и тогда мама обязательно устроит ему небольшой скандалчик по этому поводу.

Наверное, из-за этого отец наш так любил по воскресеньям устраивать походы за город – переключаться, как нынче говорят – когда был сезон – с ружьем, а когда охота закрыта – просто так. Знал хитрец-батя, что в таких начинаниях сыновья обязательно будут на его стороне!

Да еще бы мы с братом сомневались: на чьей стороне быть!, когда именно он – наш дорогой папка купил нам с братом настоящие ружья и записал их в свой охотничий билет, потому что у нас в те годы таких билетов просто еще не могло быть. Но, хотя они числились за папкой, ружья-то эти были наши – совсем наши! – моя "бээмка" и братова "ижевка"! Как же после таких подарков мы могли бы в чем-то не поддержать нашего дорогого палочку!

Помню, как с подарком этим наша с братом жизнь сразу приобрела какой-то новый смысл. Бывало, целую неделю только и ждешь воскресенья не для того, разумеется, чтобы болтаться с ребятами во дворе, а для того, чтобы как настоящий взрослый охотник пойти в поход за город – полюбоваться природой, подивиться в очередной раз ее многообразию, ну и пострелять, конечно (для мальчиш-

ки это, по секрету сказать, тоже не самое последнее удовольствие!), и те же ребята со двора смотрят на тебя после таких походов прямо с восхищением.

Возвратясь, родители предложили перед охотой выпить чаю и закусить. Но это было уж чересчур. Младший охотник Саша даже слезу попытался выжать, лишь бы его не пытались удерживать дома. Его старания не были напрасны – решено было выпить только по одному стакану, а еду взять с собой в поле. Здесь смысл, правда, был: аппетит на природе всегда лучше и родители наши это знали. Да, самое это большое счастье, когда родители твои тебя понимают!

В те годы в нашем маленьком городке можно было спокойно идти по всем улицам с ружьем на плече. Идешь этак, с большим достоинством. Ружье, правда, великовато и тяжеловато, ну и, конечно, снаряжение к ружью соответствующее – патронташ, рюкзак, фляга с водой. Тяжело все это, но не чувствуешь ты тяжести. Одно – своя ноша вообще мало тянет, а главное – это ни с чем не сравнимое чувство взрослости, которое испытывали мы с братом в этих походах.

И надо сказать, до сих пор я воспринимаю как тяжкую необходимость, когда, подходя к городу, приходится прятать в чехол свое ружье, особенно, если оно какое-нибудь штучное, коллекционное, изукрашенное чуть не по всей длине узорами и целями охотничьими сценами какого-нибудь известного мастера-гравера по стали. И вот такое произведение искусства приходится от людских взоров в мешок совать!

Вот за границей – у них не так. Посмотришь фотографии в иных журналах охотничьих – так диву даешься – люди, что ли, там другие? Костюмы специально для охоты, шляпы специально для охоты с крыльшком сойки на тулье и дорогие ружья совсем открыто на плече висят, а на лице – одно сплошное достоинство и неприступность. Попробуй, предложи такому господину при подходе к городу предмет своей главной гордости в мешок захватить!

Впрочем, в те далекие годы, о которых идет речь, все у нас в Дагестане было попроще и потому ружья наши, хоть и дешевенькие, мы могли, идя рядом с отцом, гордо нести на плече совсем открыто, ощущая на себе со всех сторон уважительные взгляды сверстников. И хотя приятно было быть предметом общего внимания, но чаще думалось в таких походах о другом – о времени. Времени, как известно, настоящему охотнику всегда не хватает, вот потому так и торопились мы в тот раз, как, впрочем, и во все другие разы. Этот дефицит времени – на мой взгляд, один из первых признаков взрослости впервые ощутили мы именно на ружейной охоте...

По улочкам городка мы пробежали почти галопом и оглянуться не успели, как оказались за городом, в степи. Небо затянуло тучами. Степь в ноябре всегда молчаливая и ветер, едва слышный в городке, здесь вполне ощутим, хотя и он не нарушал степного покоя.

За городом мы еще некоторое время шли плотной кучкой, а потом самый горячий охотник Саша не вынес общей разнообразной беседы, вырвался вперед и загнал патрон в свою любимую "ижевку". Уж так пальнуть в небо пацану хотелось!

Отойдя подальше от городка, мы все помаленьку растянулись в цепь, тем более, что на подходе возник первый объект наших мечтаний – небольшое

озерко, именуемое у нас почему-то Рыбхоз, хотя никакого рыбного хозяйства там уже бог знает сколько лет нету. Мы попытались взять это озерко в окружение на тот случай, что если бы на нем плавала какая-нибудь заслуживающая нашего внимания дичина, то она под настроение могла бы на кого-нибудь из нас и полететь. То-то обрадовались бы охотники!

Однако провидение осталось равнодушным к нашим тактическим потугам – ничего не взлетело и не выплыло из желтых камышей Рыбхоза. И сама озерная вода, грязно-серая и морщинистая от ветра, выглядела весьма пессимистично. И погода все более портилась. По чуть видимым с берега Рыбхоза предгорьям Кавказского хребта ползли низкие, тяжелые облака, грозя окрестностям дождями.

Собрались охотники на совет, Количество мнений на таких советах всегда связано с состоянием погоды – когда она плохая, как нынче, спорить никому не хотелось. Да и время поджимало, и потому вскоре единогласно постановили двигаться к лежащей у самых гор железной дороге. Вдоль этой железки, с обеих ее сторон, тянулись тополиные посадки, в которых тоже в такую погоду может быть какая-нибудь дичь. Подойдя к железке, наша цепь развернулась налево, и двое из четырех стрелков перешли через рельсы на другую сторону.

Юрка Глаз шел рядом со мной. Глаз – это прозвище. Обычно ребята из нашего класса как-то стеснялись своих прозвищ, но только не мой друг Юра, потому, что свое второе имя он, как индеец из романов Ф. Купера, получил вполне заслуженно – глаза у него в те времена были действительно великолепные. Мы, правда, все в те годы были достаточно зоркими, но Юра – особый случай. Обычно он первым замечал бог знает на каком расстоянии летящую птицу и после законного восхищения сопутников неминуемо объявлял, что зрение у него не то две, не то три единицы – он и сам уже не помнил сколько. И очень переживал, что у него при таких данных не было собственного ружья – возрастом не вышел. Конечно, на охоте мы всегда давали ему стрельнуть, но это было, разумеется, не свое ружье, о котором он так мечтал и мог долго говорить. Вот и теперь он шагал рядом со мной и страстно рассказывал о каком-то своем знакомом, у которого ружье стреляло ужас как далеко.

– Слушай, друган, – вдруг круто сменил тему разговора Юрий, – а давай-ка подкроемся к вороне. Во-он на столбе сидит, башкой вертит. И деревья вокруг там густые – подойти легко будет. А вороны – сам знаешь, какие вреднощие.

Некоторое время я усиленно обдумывал его икусительное предложение. Конечно, серая ворона – не дичь! Но если посмотреть с другой стороны – тут Юрка, конечно же, прав: ворона – птица действительно вредная, – уничтожает кладки и птенцов чуть ли не всех диких птиц, особенно небольших. Да и другого чего она только не творит, подлая: ловит маленьких зайчат, на белок кидается, словно ястреб, ну просто несть числа грехам и, конечно, поэтому должна уничтожаться настоящими охотниками, кроме которых у нее и врагов-то особых нет. Кроме того, серая ворона – очень осторожная птица: на открытом месте никогда не подпустит человека с ружьем на выстрел, т.е. добыча непростая даже для хорошего стрелка. После подобных вот размышлений и метких доказательств Юрки на

тему о том, что на безрыбье и ворона – дичь (умел же он, подлец, уговаривать настоящих охотников!) было решено объявить бедной вороне войну. Прикинув и так и эдак, мы тихонько стали приближаться с наружной стороны посадок к заветной цели. Подползая с трудом на выстрел, я опять придумался, да и было от чего. Ежику понятно, что любой настоящий охотник, как, например, наш друг Витун, даже и по такой вредной птице, как серая ворона, иначе как влет стрелять не станет. Да когда еще рядом такой принципиальный свидетель, как Юрка Глаз (навязался же он нынче на мою голову!), попробуй только выстрелить не влет, неминуемо сдаст меня (товарищ, называется!) Витуну, а тогда... Тогда точно уж сегодня Витун мне житья не даст своим ослоумием (тоже мне друг – хоть бы батю постеснялся!). А влет-то стрелять я пока еще не научился... Это ведь только со стороны кажется совсем просто – прицелился в летящую дичь (например, в ту же ворону) и готово! А вот на практике... На практике все они после моей стрельбы почему-то летят себе спокойненько дальше и падать совсем не хотят. Хоть сам вместо них падай!

Однако ж хватит сомнений – вот сейчас выйду из-за куста, ворона, конечно, взлетит и тогда я, как настоящий охотник, срежу ее влет отличным дуллетом. То-то Юрка ахнет!

Ба-бах! Улетела подлая ворона – вон мелькает между веток черными крыльями.

"Дает корова молоко..." – вспомнилась почему-то строчка из детского стишка. Да, стать настоящим охотником нелегко!

Снова мы собрались вместе. Юрка, конечно, со всеми подробностями поведал окружающим о моей стрельбе – нашел о чем рассказывать, дубина! Ладно, Витун портянки перематывал – не прислушивался к его болтовне.

После небольших споров надумали перевалить полотно и выйти к самым предгорьям. Там впереди, вблизи одной горы есть озеро со странным названием – Сулейман. Озеро и само по себе интересное – очень длинное, хотя и не широкое, в глубоких, крутых, местами скальных берегах. Настоящее горное озеро. Там, возможно, и пообедаем, а то, глядишь, стемнеет скоро. Ветер, правда, стих, но очень облачно и сыро. Ночью, наверно, будет дождь.

Также цепью, только более короткой, вышли к озеру, где-то на середине. И сразу Витун, первым вышедший на высокий крутой берег Сулеймана, пригнулся за торчащим из земли валуном. Все мы быстренько подбежали к нему и высунув головы из-за прикрытия, усекли, что впереди, внизу, под самым берегом плещется на тихой озерной воде небольшая черная дикая утка. Посоветавшись шепотком пару минуток, мы с Витуном двинулись по высокому берегу в обход заветной цели, чтобы, зайдя с тыла, нагнать ее на гнущихся за холодным валуном отца и брата Сашу, потому, что с того места, откуда мы заметили ее вначале, стрелять было нельзя – далеко.

Но бывают же такие невезучие дни – вроде и тихо и незаметно крались по верху мы с Витуном, но что-то, видно, заподозрила сторожкая птица – поднялась и во-он полетела к ближайшему концу озера, где и опустилась снова на воду, примерно в километре от нас.

Конечно, все мы – молодые, готовы были про-

должать преследование утки, но уставший батя заявил, что пора перекусить. Быстренько на травке появилась маленькая скатерка, на которой, как по волшебству, возникла разнообразная снедь. Но хотя лежащие горкой продукты и выглядели весьма аппетитно, обеда не получилось. Когда в каком-нибудь километре спокойно плавают (а вдруг еще поднимется на крыло да и совсем улетит!) дичь, настоящие охотники не могут думать о какой-то пошлой еде! Продукты автоматически поглощались окружившими скатерку охотниками, но головы всех, как по команде "Равняйся!" были повернуты к ближайшему концу озера и мысленно, как мне казалось, все тоже желали бедной черной утке приятного аппетита, чтобы, не дай бог, не вздумала искать чего-то в другом месте.

– Ну, хватит жрать! – не выдержал наконец самый нетерпеливый, самый младший охотник Саша. – В такое время кусок в горле застрянет!

Он демонстративно встал, отошел в сторону и с видимым удовольствием зарядил свою одностволку. Ружье было ему великовато, но Саша старался не расставаться с ним почти нигде. И висело оно дома над его диванчиком, и на прикладе ружейном выжег он собственноручно разные узоры – так оно ему нравилось.

Правда, с меньшим охотником никто особенно и не спорил – остальные, доглатывая обеды, снова сошлись на совет. Решено было перейти озеро вброд и на том, скалистом берегу запрячь в каких-нибудь укромных местечках и ждать. Загонять на нас утку на этот раз взялся отец. Ему надо было сделать по пахоте примерно двухкилометровый крюк, чтобы скрытно выйти к тому концу водоема. Мы не зря перешли его – этот берег был более высокий и скалистый, а само озеро здесь было уже, чем везде – метров сорок. И еще на этом берегу в неглубокой ложбинке находилась одинокая старая мусульманская могила – высокий, почти два метра белесый камень, уже изъеденный непогодой, весь испещрен какими-то арабскими письменами. Вокруг памятника – кусты ежевики. Даже находясь в ложбинке, он виден издали. Может быть, название озера как-то связано с ним?

Пока мы шли боргом, думая каждый о своем, Витун вдруг нашел на склоне кем-то недавно вырытый очень хороший скрадок. Даже не скрадок, а целый окоп полного профиля и немедленно "окопался" в нем. Ну что ж, настоящим охотникам всегда везет...

Мы уходили далее, невольно ускоряя шаги – вот-вот должно было стемнеть – как тогда ее увидишь в темноте, эту черную утку?

И вдруг, несмотря на сумерки, на верху гранитной стены, уступами спускающейся к воде, я заметил идущую вниз расселину, так сказать, сделанный самой природой скрадок. Ну уж его-то мы с Юркой не пропустим – не все же Витуну везти должно! Жаль, правда, в этой щели немножко опасно дергаться – сразу вниз катятся камни. Да, как бы самим не скатиться. Ну да ничего – мы с Юркой – люди осторожные, да и батя далеко – не будет советами докучать.

Брат Саша, пожелав нам успеха, ушел дальше в темноту. Что там не говори, а в такие вот предпочтительные загоны да еще в пустынных местах лучше находиться с любимой двустволкой в руках. Жутковато без нее ночью на скале все-таки...

– Друган, – заискивающе проговорил Юрка, – если собьешь, стрельнуть дашь, а?

Разумеется, я обещал, хотя не особенно верил в успех. Вон, днем по летящей вороне попасть не смог – а ну-ка ночью в утку! Правда, интересно, на кого же Юрка собирался охотиться в полной темноте?

А еще интересней узнать бы, сколько же времени потребуется нашему папке, чтобы обойти эту несчастную утку? Полчаса? Час? На западе тянулись горы, и поэтому ночь наступала в той местности быстро, быстрее, чем по календарю.

Господи, да когда же он подойдет?! День ведь кончился! Вот-вот мушку на стволах не разглядеть будет! Как же стрелять тогда?

Серые облака становились все темнее. Ветер стих совсем. И лишь вода глубоко под нами чуть-чуть светилась, словно подсвеченная изнутри каким-то странным, голубоватым светом в черных уже по ночному берегах. Такое вот оно, озеро Сулейман!

Бумм! – ударил вдалеке выстрел. И сразу за ним стукнул другой. Значит, дошел батя до цели, поднял ее в воздух и даже успел отдулеть в сумерках. Интересно, какой результат?

– Друган, пригнись, пригнись, вон она налетает! – послышался над ухом взволнованный Юркин шепот. Нет, не зря прихватил я с собой Юрку. Глаза – черта с два разглядишь что-нибудь без его помощи в сумерках!

– На нас идет – вот она, видишь? – нервы моего лучшего друга были явно на пределе.

Бах! – вспыхнуло на миг пламя Сашиного выстрела за бугром впереди нас – значит, дичь и впрямь приближалась. Эх, мне бы их глаза!

И вдруг я усек её! Птица действительно неслась прямо на наш скрадок, нисколько не обеспокоенная бестолковой стрельбой отца и брата. Вот она уже над нами. Мы с Юркой одновременно вскочили на ноги. Склон здесь был крутой, от нашего совместного движения вниз посыпались камешки. В голове мелькнули и пропали какие-то книжные правила такого вот "королевского" выстрела. Да разве теперь до них! Дернулось от выстрела ружье в руках. Сразу же стволы в сторону – где же она? Странно. Дикая утка, расправив крылья, замерла на месте, словно паря надо мной. Никогда прежде я не видал у уток такого полета. Однако, уставившись на нее снизу, я видимо, несколько увлекся, слишком смело отклонившись назад на таком ненадежном грунте. Неожиданно из под ног снова полетели вниз мелкие камешки, на этот раз целая куча и вслед за ними, потеряв опору, я кубарем покатился по почти отвесному склону вниз, к воде. Все произошло так быстро и неожиданно, что мне в голову не пришло, падая, попытаться ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы остановить этот жуткий спуск. Не увлекайся, стрелок, на крутом склоне! От ночного купания меня спасло лишь нагромождение у самой воды таких же глыб, как и те, в которых мы только что прятались с Юркой Глазом.

Прокувыркнувшись несколько раз по каменистому склону, я, ничего не соображая, наткнулся на это препятствие и наконец-то остановился в своем падении.

"В чем радость жизни?" Она, как известно, в падении!

Первое, что я осознал, когда весь ободранный и кровотокающий поднялся на ноги, было то, что ни со

мной, ни вокруг не было моей любимой двустволки, которую я, по правде сказать, после такого отчаянного полета уже не надеялся узреть целой и невредимой. Тоскливо оглядываясь в потемках, превозмогая боль от многочисленных ушибов, я, бездумно ощупывая болочие места, все высматривал бесчисленные темные щели между камней, с ужасом ожидая увидеть в какой-нибудь из них обломки приклада. Потом я осознал, что сверху, с темной кручи меня уже давно окликали два знакомых голоса.

Один, по звуку, очень испуганный, принадлежал, видимо, Юрке, а другой, более спокойный – вроде бы Витуну, хотя мы, помнится, оставили его довольно далеко позади. Как же Витун здесь оказался? Потом до меня еще дошло, что они сверху интресовались, как я себя чувствую здесь, внизу. Хорошо, когда о тебе есть кому переживать на этом свете!

И вот я, ободренный сочувствием свыше и морщась от боли во всем теле, пополз наверх по крутому, уходящему в темноту склону, где лишь голоса друзей, доносившиеся из темноты, служили указателем направления.

Потом, на фоне чуть более светлого неба я заметил две крепких руки, протянувшиеся ко мне сверху. Схватившись за них (как это здорово, когда есть кому протянуть тебе руку помощи!), я наконец выбрался на маленькую площадку, где мой лучший друг Юрка Глаз подал мне со вздохом мою целехонкую двустволку. Он, оказывается, успел-таки выхватить оружие из рук падающего стрелка. Жаль, правда, что он и меня не догадался поддерживать. Хотя, если подумать, хватаешь ведь в таких случаях самое ценное...

А Витун ... Витун подал мне подстреленную утку:

– Прямо в мой скрадок упала после твоего прекрасного дуплета. – Он с уважением пожал мне руку и кажется, совсем не собирался острить.

Ну кто же, дорогие граждане, будет после этого сомневаться, в чем радость жизни? Да ежику понятно, что в падении! Когда после твоего, как сказал мой самый лучший друг Витун, "прекрасного дуплета" первая, сбитая влет утка падает прямо к нему в скрадок, это просто не может не обрадовать твоей охотничьей души, хотя бы и пришлось тебе при этом прокувыркаться с каменной кручи разве что немного меньше несчастной утки. Даже и в таком сложном случае настоящий охотник обязательно будет чувствовать себя самым счастливым человеком на свете и никогда не станет спорить с классиками!

Помню, как шли домой в полной темноте – Юрка с моим ружьем где-то впереди, потом, кучкой – отец с Витуном и братом Сашей, а я молча шел позади всех, в душе немного жалея давшую подстрелить себя утку (впрочем, я хорошо представлял, какое вкусное жаркое сделает из нее наша мама – не зря, стало быть, стрелял!), не прислушиваясь к доносившимся из темноты разговорам, не чувствуя, как горят ссадины на руках и лице, не замечая неровностей дороги, и думал лишь о том, что уж теперь-то я наверняка стал настоящим охотником. Сейчас, десятилетия спустя, мне кажется, что я действительно был самым счастливым человеком на свете в тот далекий осенний вечер...

1993-2002 гг.

Владимир ЖЕЛТОВ**ЭТЮДЫ**

* * *

Как бы то ни было печально,
Мир не стерилен изначально...

* * *

Теперь князей, что грязи –
Тех, кто из грязи в князи.

* * *

Жизнь прожита, а ум не нажит.
Украсит седина, а плешь обескуражит...

* * *

Чем бы дитя ни тешилось,
лишь бы не вешалось...

* * *

Пошлешь подальше человека.
Коль он смолчит – ответит эхо!..

* * *

С рюмашкой не было промашки –
с пол-литра было в той рюмашке!..

* * *

Человек без изъяна –
не человек, не обезьяна...

* * *

Я знаю, никакой моей вины
в том, что не смог уехать из страны,
и что не вывез близких мне людей
я, как какой-нибудь разумный иудей.

Простите мне, хоть нет на мне вины,
что я не вывез из родной страны
три четверти – порядочных людей
я, как какой-нибудь безумный иудей.

Как знать, на что мы здесь обречены?
Молюсь за всех я: не оставь нас, Боже!
Пусть в том, что будет, нет моей вины,
но все же, все же, все же, все же...

* * *

Я – из тех, шестидесятых,
из воспетых, из распятых,
и, в конце концов, забытых...
Я, к тому ж, – из недобитых.

С совестью в душе скребущей,
что приравнена к порокам,
между прошлым и грядущим
выбирать не дай-то Бог вам!

Не прибился к ушло – пошлым,
просто брезгающим прошлым,
отрекающимся резво
и не кающимся трезво,
часто дутым, облегченным
и пока не обличенным.

Я не брызгаю слюною
и не лгу, что, мол, крепчаю...
Свет, который за спиною
тоже путь ведь освещает.

Тупо брезжу настоящим,
не блестящим – заваливающим,
не безбедным и не сытым,
и не полностью пропитым,
с захудаленьким жилищем,
милым лишь как пепелище...

* * *

Младшего брата хоронишь как сына...

* * *

О семи невозможных
в нашей жизни смертях
говорить стало сложно
мне при скорбных вестях.
И о той неизбежной
я теперь не скажу
ни шутя, ни небрежно,
паче для куражу.
Слишком тяжелой утратой
сердце обожжено.
Мне пожизненно брата
отрыдать не дано...

* * *

Без паспорта в городе нет нынче ходу,
А я выбирал, между прочим, свободу!..

* * *

Вроде чих еще не стих,
А стих готов на этот чих!..

* * *

Прежде чем остановиться,
Время ринется ли вспять?
Если, да – успеть влюбить?
В ту же женщину опять!..

* * *

«Уметь надо жить!» – говорит. Это значит,
тюрьма по нему давно уже плачет!..

* * *

В речах о том, как выйти в люди,
нет места фразе «Все там будем!..»

* * *

Будет день и будет вечер...
В день тот судный
был бы я не хуже встречен,
чем сын блудный,
если только бы до дня
того судного
не казнили вы меня
безрассудного...

* * *

Я в каких-то вещах
не такой же как вы.
Например, в кислых щах
мне не надо халвы...

* * *

Не дай Бог жить в эпоху перемен,
да не имея Родине замен!..

* * *

В Стране Негодяев, Стоящих У Власти,
и сласти с получки сочтете за счастье!..

* * *

Я как в чужом монастыре
в стране родной;
иное время на дворе –
Устав иной.
А вроде тот же Божий свет,
храм под крестом...
Да только заповедей нет
В Уставе том...

* * *

К дорожке ковровой осеннего сада
пришпильте аншлаги:
«Разуваться не надо!»
Пришпильте и к каждой садовой аллейке:
«Ступайте смелее – ковров не жалейте!»
Еще не такие нам под ноги бросит,
дай Бог, не последняя щедрая осень!..

Из С. Есенина

Ах, какая смешная забава –
под голы ноги родной державы
взять да бросить гвоздочек ржавый!..

* * *

Лицом к яйцу – яйца не увидеть!
Большое видится на расстоянье...

Из Н. Некрасова

Коль выпало в России жить
и с нею кровно связан,
ты вором можешь и не быть,
но воровать обязан!..

Из А. Пушкина

Я Конституцию прочел бы, да боюсь
над вымыслом слезами обольюсь!..

* * *

Итак, она звалась Татьяной,
иль назвалась Татьяной спьяну...

Из Н. Кукуверова.

Я прикоснулся к розовому платю,
А милая моя – в чужих объятьях!..

Из В. Шекспира

* * *

На свете нет печальней повести,
Чем повесть про живущего по совести...

* * *

Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о сидящих на диете...

Из Н. Заболоцкого

Душа обязана трудиться,
Не дай, Господь, ей простудиться!..

Из Э. Рязанова

У природы нет плохой породы...

Из М. Горького

Человек звучало гордо
до первой встречи с держимордой.
Всех по своим местам в момент
расставил мент!..

Из Е. Долматовского

Любимый город может спать спокойно –
братва ведет себя уже пристойно...

Из Винни – Пуха

Кто ходит в гости по утрам –
С того приходится «сто грамм»!..

Из В. Летушева

«Пашем землю родную носом.
Да и то ведь только слегка...»
После тешим себя вопросом:
что же делать нам? А пока –
Пашем землю родную носом...

(И т.д. – по кругу!..)

Валентин ЛЯДАЦЕВ**ИВАН-ДУРАК, ПАРЕНЬ НЕ ПРОСТАК***(Сказка)*

Жил-был Иван-дурак. Этим мир не удивишь. Дураков не только в нашей земле полно, их и за морем хватает. А Иван был не только дурак, но лентяй страшный. Лежит на печи, лежит. Иногда мать к нему подступится:

– Что же ты, дурак, все лежишь?

Иван отвернется к стене и бурчит:

– Ничего, маманя. Вот как все станут дураками, я буду умный!

О ту пору заскучал в столице царь-государь. Сидит и дуется на первого министра.

– Скучно! Все такие работающие в государстве. Неужели у нас ни одного лодыря нет?

– Как без лодырей! – подскочил первый министр.

– А вот как определить, кто из лодырей самый-самый? Чтобы наградить потом! Всё не так скучно будет.

Долго думал первый министр, и вот что придумал. Выдал каждому лодырю по паре сапог. Выгода двойная: народ государя зауважал, да еще и все склады, которые ломились от обуви, освободились.

Через год пошли с проверкой. Кто сапоги сносил, кто пропил, а у Ивана сапоги ни разу не одёванные. Такому лентяю даже первый министр удивился:

– Как же так, братец? Да за год только по нужде ходить – и то сносить можно.

– Лень мне, ваше высочество. Это мало, что одевать, так еще и снимать их надо.

Первый министр поразился еще больше и повез Ивана к государю

– Здорово, Иван, – приветствовал его государь. – Ты что же это не здороваешься и не кланяешься?

– Лень мне, ваше величество, – вяло отвечал Иван.

– Да! – изумился государь. – Хоть веселья от тебя и не много, а лодырь ты редкий! Как же мне тебя наградить? Может, дочь за тебя отдать? Свадьбу сыграем, все повеселее будет.

– Чего ж веселого? Бабы народ склочный. Нажалуется дочка тебе, на нее угодить трудно, а ты мне голову снесешь. Вот веселье-то! А коли наградить хочешь – подари мне Царскую рощу, она рядом с моей деревней. Ты, наверно, про нее и ведать не ведаешь? У тебя много рощ, от одной не убудет.

Понравилось такое предложение царю. Дочку выдавать замуж за первого попавшегося не нужно. И одну рощу – долой, все забот меньше. Ударил по рукам. Переписали на Ивана рощу царскую, выдали грамоту, и поехал он домой.

А дома на печи не полежишь. С рощей забот прибавилось. Тут только зевни – враз мужики ее на кружляк раскатают. Охранять надо, спиленное продать выгодно, посадить новые деревья.

Мать на Ивана не нарадуется. Да тут ему еще дочка лесника приглянулась – Полинка. Дело к свадьбе. А Иван смеется:

– Я же вам говорил, маманя, что все станут дураками, а я буду умный!

ПРОШКА*(Рассказ)*

В это утро Прошка хватил изрядно, и у него был самый пик храбрости.

– Молчать! – кричал он гыкающим пацанам. – С кем разговариваете? Я вас всех в Сибирь, на Соловки, на лесоповал, на Беломор...

От упоминания Беломора, пацаны еще сильнее зашлись в смехе:

– А как нам уместиться? Коробочка-то "Беломора" – маленькая.

Он пытался ухватить кого-нибудь, но падал в пыль дороги, поднимался и грозил. Потом успокаивался, садился на пригорок. Дорога от пригорка за долгие годы обрезала край, то одно колесо телеги зацепит, то другое, и стал он удобным сиденьем. Усевшись, начинал разговор по душам – с собой.

– А! Прошка что, всегда таким был? Исковеркала советску власть! Прошка за советску власть – в первых рядах, и все у него было. Лучший конь помещика Гудёнова у кого был? У Прошки! На чердак, бывало, не залезть, всякий там хлам из усадьбы: вазочки, статуи, холстовины чем-то грязным испачканные – пертреты называются, пизажи...

От его спокойного голоса и от слов, очень похожих на матерные, пацаны доверчиво придвигались ближе, улыбаясь. Это опять приводило Прошку в бешенство.

– Молчать! Я вас всех... – и пытался схватить крайнего. Мальцы со смехом рассыпались.

Прошка шел по деревне.

Была власть у него над этими домишками, была! А после бросили его, как солому, под ноги скоту. Держала она в свое время колос, держала, и вот тебе! Жена говорит – все от пьянки. Нет! И раньше Прошка пивал, но всегда давали отоспаться. Понимали в уезде – Прошка свой. И коммуна была в передовых. А народищу, а трудников! Раз в пять больше было. Ну а потом: кто с голоду, кто по раскулачке в Сибирь... Не любил Прошка кулаков. Остатки уж война подобрала...

После войны выбрали-назначили нового первого секретаря районного комитета партии. Непьющего. И чувствовал Прошка, что враг он. Как это за годовщину советской власти не выпить? Ясно дело – враг!

Солнце поднималось, становилось жарче. Усталость, безразличие... Он зашел за колхозный свинарник, попил воды из колонки, лег за кустами и тут же уснул. Обогреваемый ласковым солнышком, во сне сладко потягивался, временами чему-то улыбался, и, казалось, что нет счастливее человека на свете.

Счастье прервала доярка, проходившая мимо.

– Проща, бригадир идет, – прошептала она, присев перед ним, расталкивая.

– Где?!

При одном упоминании о бригадире – могучей бесплодной бабе, у него, сухощавого и невысокого, хмель как рукой... Не раз пробовал на себе ее кулаки, и больше не желал такого счастья.

Прошка выглянул из-за куста можевельника в ту сторону, куда показала доярка. Бригадирша шла твердой мужской походкой, зорко посматривая по сторонам, все замечая, ничего не упуская.

Надо было срочно скрываться. Вправо, к лесу, он бежать не мог, там – прогалина, и бригадирша обязательно его заметит. Влево спрятаться тоже негде, а сзади, между коровником и свинарником, был хорошо просматриваемый загон. С надеждой посмотрел на коровник, тот был закрыт. Оставался свинарник. Прошка, почти не касаясь земли, птицей пролетел сквозь жерди загона и юркнул в открытую дверь.

Бригадир Зинаида Михайловна подошла к колонке, с наслаждением стала пить ломящие зубы чистой водой, зачерпывая ее ладонями. Сполоснула разгоряченное красное лицо, наклоняясь, провела ладонью по грудям, махнула по лицу краешком сарафана. Ее внимание привлек шум у свинарника.

Юркнув в темноту, Прошка облегченно вздохнул. От его вдоха в углу что-то зашевелилось,

раздалось сердитое сопенье. Кто-то, тяжело ступая, направлялся к нему. Послышалось хрюканье, похожее на рычание. Прошка разглядел длиннее рыло породистого кабана по кличке Васька. Он знал норы Васьки, но деваться было некуда...

– Васенька, Васенька, – начал он ласковым дрожащим голосом. – Здорово. Как поживаешь, не забивают бабы?

Васька приближался.

– Вася, зачем нам ссориться? Мы с тобой мужики, нам вместе надо супротив баб.

Васька чавкнул длинным рылом, оставив на зубах лоскут Прошкиных штанов, и тот пыжом выскочил из свинарника.

Выскочив, Прошка увидел бригадира возле колонки. Присел, прищурил веки, выпятил губы в виде свиного пяточка и стал подхрюкивать.

Зинаида Михайловна, загородясь рукой от солнца, смотрела в сторону свинарника.

Вот и Васька. Он двинул Прошку под зад, и тот, вылетев из загона, оказался в руках бригадира.

Тетья Зина, как называли ее ребяташки, схватила пьяницу за шиворот:

– Здравствуй, Прошенька!

Прошка дернулся. Милость сразу сменилась на гнев:

– Смотри, Прошка, тюрьма по тебе плачет! Скажу вот Макару Макарычу...

Прошка сразу вошел в роль:

– Тетья Зина, – хотя она годилась ему в дочери, – не надо в тюрьму, я больше не буду! – заныл он. По щекам зазмеились слезы.

Бригадирша выпустила Прошку.

– Ладно, иди. Не забудь, завтра силосуем.

Прошка шел и улыбался. Сегодня вывернулся. Все нормально. А до завтра надо дожидать.

МЕМОАРЫ

Григорий КУШНИРЧУК

В КОНЦЕ ПУТИ

(Фрагменты из книги воспоминаний)

Весной 1953 года умер Сталин. Все граждане страны за исключением тех, кто был репрессированным, принимали событие с болью, все воспитывались в коммунистической идеологии, пережили войну и считали Сталина главным творцом наших достижений. Я не отличался от других, хотя мой друг С. неоднократно доказывал мне обратное. Мы были откровенны, доверяли друг другу. Вскоре я убедился, что он был прав. Разоблачение Хрущевым культа личности Сталина, суд над Берия и его соратниками, освобождение из тюрьмы врачей, лечивших кремлевских бонз, и многие разоблачительные публикации убедили меня, что мы живем в стране, где ложь была государственной практикой партии, стоящей над государством и народом. Я был членом этой партии и пропагандировал эту политику.

А по другому можно было жить и трудиться?

Заяви я протест, объяви себя в оппозиции – и что? Выгонят, посадят и сгниешь где-то на Колыме

или в дурдоме. Нет, на это я не способен. Надо жить по обстоятельствам, я – не герой.

Хрущевская оттепель была недолгой: молодые соратники решение XX съезда КПСС практически отменили, но это уже история, которую пишут умные люди.

Новая командная академия связи, как можно было предполагать, просуществовала недолго. В 1958 году ее реорганизовали в командный факультет инженерной академии им. Буденного, в Лесном. Батальон связи из отдельной части стал подразделением полка связи, обслуживавшего инженерную академию. Приказом начальника войск связи МО я назначен заместителем командира полка по технической части. Красносельские лагеря заменяются учебным центром на 25 километре Средневыборгского шоссе. Место изумительное: лес, озеро, грибы.

Командиром полка был назначен полковник Большаков Павел Васильевич, добрейший человек,

хороший строевой командир, участник войны, до забвения любивший службу и армейский порядок. Мы были знакомы по училищу связи, где он был командиром учебного батальона курсантов. При назначении меня на должность, кроме командира полка, со мной никто не беседовал. Правда, в инженерной академии меня знали, мы неоднократно поддерживали деловые контакты, но все же...

Заместителем начальника академии по научно-учебной работе был генерал Алесковский, человек пожилой, интеллигентный и конкретно возглавлявший учебный процесс. Полевой практике слушателей он уделял особое внимание. Меня он не знал и когда услышал, что заместителем командира полка по технической части назначен офицер, не окончивший академию, проявил крайнее недовольство: как так? Он изучил мое личное дело от корки да корки, вызвал меня к себе на собеседование, организовал проверку и, как ни странно, остался доволен. В составе армейского узла связи не доставало одной машины – диспетчерской, что создавало определенные трудности в организации учебной практики слушателей по прохождению оперативной документации. Условность здесь была вредна, и вот генерал Алесковский дает задание: сделать диспетчерскую под стать остальным машинам узла связи... Кем? Радиомастера – толковые ребята, а вот столярные работы... Один хромой Ванька чинит кузова и табуретки в казарме, делает черенки для лопат и скамейки в солдатскую столовую. Ни документации, ни образца, ни производственной базы. Но если очень надо, мне надо, то все возможно. Консультации с преподавателями кафедры, учебник конструктора, чертежная доска и бессонные ночи, и примерно через два месяца на базе старой списанной машины московского НИИ получилась вполне пригодная диспетчерская.

Работы у меня было очень много. Текущая эксплуатация техники и организация плановой профилактики для поддержания в постоянной готовности совмещались с большим трудом, – надо было приспосабливаться к учебному процессу академии. Планово-предупредительная система обслуживания техники, доведение всех технических параметров до норм технических условий из-за эксплуатационных перегрузок никак не удавались. А случись отказ или поломка, виноват зампотех: не обеспечил, прозевал и т.д. Отнимала немало времени исследовательская работа, проводимая техническими кафедрами, к примеру: управление передатчиками, удаленными от расположения узла связи на десятки километров с помощью небольших УКВ радиостанций. Мощности этих р/ст. не доставало, особенно на пересеченной местности, составлялись ретрансляторы из двух приемопередатчиков с помощью разработанных приставок. Успех достигался, но сколько это мне, и не только мне, стоило выходящих.

Поступала новая техника, которой не знал никто. К нам она поступала с опережением, надо было изучать, а время катастрофически не хватало.

Моё непосредственное начальство, все, с кем я сотрудничал в академии, ко мне относились хорошо. Добрые, уважительные отношения у меня сложились с командиром полка Большаковым. В конце пятидесятых он ушел в отставку по возрасту. Новый командир Олег Владимирович Горак тоже претензий ко мне не имел, работа складывалась

вполне прилично. Не очень хорошие отношения были с политсоставом, среди этих ребят я видел хамоватых дельцов, паразитирующих бездельников. Тогда среди офицеров распространялась пошлость: кому живется весело, вольготно на Руси: начальнику химической, начальнику физической и всем по политической... Они ни за что не отвечали, и любая критика в их адрес трактовалась как критика партии, ибо они – её представители в армии. Политотдел академии горой стоял за каждого бездельника.

В семье было всё благополучно, ребята росли, учились в школе, Лида иногда летом уезжала с детьми на Украину или в Молдавию. Правда, инвалидность Риты тяжело переживали все. Дважды она ложилась на операцию в медицинскую академию, но положительного результата не было: менингит привел к атрофированию зрительного нерва, и связь между экранчиком глазного дна и мозговыми клетками оборвалась.

В ЗАПАС...

В 1963 году исполнилось 25 лет моей службы в Советской Армии. Я почувствовал, что так работать больше нельзя, я просто физически не выношу нагрузку. Но и иначе тоже нельзя, расслабление может привести к опасным последствиям: авариям, пожарам... Я попросил начальника штаба сделать запрос для точного подсчета выслуги лет: оказалось достаточно для выхода на пенсию. Мне нет еще пятидесяти, я смогу еще немало поработать, плюс пенсия, в сумме получится то же самое или почти то же самое. Я подал рапорт об увольнении меня в запас. Начальник академии принял решение: на будущий, 1964 год. В августе 1964 года я опять поддал рапорт, и, наконец, в октябре приходит приказ Министра Обороны. Я – свободен.

Сдав дела своему заместителю, я месяц отдыхал, присматривался к обстановке, делал ремонт квартиры, искал работу. В январе я устроился работать техником с окладом 70 руб. в закрытый проектный институт Радиопрома. Ни одного знакомого, никакого блага. Через месяц я уже работал, как все в нашем технологическом отделе. Меня приняли хорошо. Начальником отдела оказался бывший моряк, мы быстро подружились, а главный специалист отдела увидел во мне своего нештатного помощника. В начале семидесятых я заболел, лег в больницу и в институт больше не возвращался. О работе в институте у меня остались самые хорошие воспоминания. Какие там были прекрасные женщины! Институт располагался на Фонтанке 41 в доме Кочиной, дочери лесопромышленника, не принявшего революцию и уехавшего на Запад. Дочь осталась жить в нескольких комнатах и умерла в блокаду. Дом охранялся государством как историческая ценность. Впоследствии институт переехал на Выборгскую сторону, а в доме Кочиной расположился Ленконцерт.

Работая в институте, я много ездил по командировкам по всему Союзу, хорошо ознакомился с кухней проектирования промышленных предприятий, – ведь этому не учат нигде. Одно дело – конструирование изделий. А к проектированию такого уровня нужен другой подход, связанный с экономическими расчетами и знанием технологий, т.е. методов изготовления изделий конкретных или

аналогичных. Мой смехотворный оклад 70 р. повышать было нельзя потому, что автоматически на соответствующую сумму снижалась пенсия. Для компенсации мне многократно выплачивали премиальные, они в расчет пенсии не входили. Я много работал в библиотеке, куда стекались сведения о технических новинках во всем мире. В эти годы особое внимание уделялось микроэлектронике, вычислительной технике, в которой мы до дикости отстали, ведь кибернетика считалась буржуазной выдумкой, ненужной социализму.

В начале шестидесятых Лида устроилась на работу заведующей библиотекой школы, где училась Рита. Школу Рита закончила хорошо, увлекалась музыкой, литературой. Однако документы для поступления в университет у неё не приняли, и она пошла работать в учебно-производственное предприятие ВОС. Одновременно училась музыке.

Игорь закончил семилетку, пошел в вечернюю школу и устроился работать на военный завод учеником монтажника радиоаппаратуры. В 1965 году он был призван в армию, попал в Германию в радиотехническую часть, служил плохо, пьянствовал, ходил в самоволки, не раз сидел на гауптвахте.

Лида практически была здорова, но страдала от варикозного расширения вен. Врачи ей посоветовали сделать операцию. Сосед по квартире, военный врач, служивший в Военно-медицинской академии, помог ей устроиться на военной кафедре в клинике академии. И вот 16 апреля 1966 года, накануне моего дня рождения, Лиде предоставляют место в клинике академии. 18 апреля начались анализы, вскоре была сделана операция: разрез кожи от паха до пятки. При моем посещении она высказывала удовлетворение общим состоянием. 27 апреля, в среду, я застал её с опухшим лицом и очень плохим настроением. Врачи высказали предположение, что могло произойти отравление продуктами питания, хотя я, кроме фруктов и компотов, других продуктов не приносил. Врачи уверяли, что это не страшно и в пятницу после перевязки можно будет взять её домой.

29 апреля в 11 часов я приехал в клинику, хотел по обыкновению, пройти в палату, но сестра меня не пустила, велела ждать. Около двух часов я просидел у двери палаты в тревожном ожидании. Наконец вышел врач, позвал меня в кабинет и объявил: Лидия Ивановна только что скончалась на операционном столе во время перевязки... В период моего ожидания её пытались спасти, но ничего не получилось. Предположительно тромб попал в легочную артерию, и она просто задохнулась от недостатка кислорода... Так я лишился жены, друга, матери моих детей.

Хоронили на Северном кладбище 3 мая. Из Германии приехал Игорь. Прошло уже много времени с той печальной поры, много изменений произошло в моей жизни, в семье, но тяжесть удара я чувствую постоянно. Игорь уехал дослуживать свой армейский срок, а я остался с Ритой.

Чем и как жить дальше, я не знал.

Мне думается, что я был добросовестным воспитанником своего времени: очень искренне верил в политику партии, верил печатному слову, верил вождам, у меня не могло возникнуть сомнения по поводу строительства социализма или неправильного руководства страной. В комсомоле я не был, работа и занятие поглощали меня полностью. Я вел

себя скромно, на собраниях не высывался. Мне очень повезло в том, что по призыву в армию я по сути продолжил учебу по специальности: электротехника, радиотехника, оптика. В то время понятие электроника не было, радиотехнику, как науку о переменных токах высокой частоты, я относил как поэзию в этом направлении науки. Во всех житейских делах я был безвредным, бесхитростным простаком: всем верил, всем доверял.

С началом войны началось движение на пополнение рядов партии. Мои друзья уже подали заявления, мне нужны были три рекомендации. Ныне уже не помню, кто меня рекомендовал, но помню беседу с комиссаром батальона: он и дал мне первую рекомендацию. Официально кандидатом в члены ВКП/б/ меня принимали на партсобрании, проводимом на Пулковских высотах, когда батальон временно занимал оборону на южных скалах. Я был горд тем, что принадлежал к передовому отряду нашего общества и впредь был активным во всех начинаниях партии.

Иногда можно слышать разговоры о том, что в партию вступали ради карьеры. Совершенно исключать эти случаи не берусь, но в большинстве, абсолютно подавляющем, это неправда. Партийность только повышала ответственность за все поступки в жизни. На какую карьеру мог рассчитывать рядовой член партии в окопе или в атаке, за станком или в поле, кроме дополнительного спроса за качество труда или честность в отношении к обществу и государству?

Конечно, армейские политработники, партийные чиновники всех рангов в тылу (они воображали, что это их профессия) терлись около больших начальников, государственных деятелей, писали донесения о моральном состоянии в коллективе. Те действительно получали повышение, "росли", но это была элитная прослойка в партии, пастыри, а рядовые члены – это стадо послушных, пронизанных верой в справедливость, граждан. К ним принадлежал и я. Да, собственно, мы, выросшие в среде этой идеологии, этой организации общества, мыслить по другому не могли. От детского сада (дедушка Ленин) до гробовой доски идеология и практика была сопровождать нас, и отклонения в сторону (кто пытался это сделать) кончались плачевно.

За 48 лет пребывания в партии я не менее 20 лет был членом партбюро, лет 10 секретарем т.н. цеховой парторганизации, остальное время пропагандистом, политинформатором, редактором стенной газеты... Я никогда не был пассивным, но и никогда не стремился к карьере политработника. Сомнения и разочарования приходили постепенно. К примеру: борьба с космополитизмом, откровенное вранье о загнивающем капитализме, о жестокости к нашим военнопленным, как преступникам, о "тихой" отмене решений XX-го съезда партии, о хамском поведении политработников. Жена начальника политотдела выговаривала мне за то, что, незаконно используя "эмку" мужа, машина в пути сломалась и ей пришлось домой от Пассажа до Суворовского проспекта добираться на такси. Много спорил с замполитом (пьяницей и развратником) о том, что он не имеет права распоряжаться транспортом, за что находился под угрозой "недоверия к партии". Этот жалкий пьянчужка воображал себя партией. Окончательное сомнение пришло с пере-

стройкой, когда самое высокое руководство страны предстало перед народом не в протокольной форме, а за рулем съездов. Как изворачивались, лгали до противного.

Разборка событий, происшедших в Тбилиси по разгону мирной демонстрации, типичный пример откровенной лжи. Горбачев, Лукьянов как караси на сковородке, но очевидного не упрятать. Сговор Сталина с Гитлером по разделу Польши, Прибалтики, Молдавии и многие другие события показали, кто они, руководители страны, в настоящем и прошлом.

Утвердилось окончательное недоверие: им нужна только власть, только собственные блага и потому они ничем не побрезгуют, что подтвердили события в Литве, Латвии, Баку.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В начале зимы Рита вышла замуж. Зять Борисов Евгений Валентинович на пять лет старше, работал с ней на одном предприятии, родом из Торжка, семья – трудовая, зрение потерял в результате заболевания корью. Женя, кажется, любил Риту, но был страшно вспыльчив, подозрителен и ревнив, о чем я узнал некоторое время спустя. Я не был в восторге от такого союза, но воспрепятствовать ему не сумел. Сначала жили у меня, комната была свободной, но через некоторое время они решили переехать на Петроградскую, где у Жени была небольшая комната в коммунальной квартире. Переезд был обусловлен только одной причиной: нам надо самим научиться жить и вести нехитрое хозяйство. В этих размышлениях была логика, но одно дело когда молодые люди здоровые и другое, когда пространство вокруг – полная темнота.

В сентябре 1967 года родился внук, по желанию Жени его назвали Григорием. Гриша рос, развивался хорошо, но вскоре заметили, что игрушки он хватает левой рукой. Впоследствии все подтвердилось: Гриша – левша, значит генетические признаки от деда перешли к внуку. Я как мог помогал им в бытовом отношении, но Рита возражала: мы сами! Жить в узкой маленькой комнате с ребенком двум инвалидам по зрению, в "квартире без удобств", очень трудно, и потому предприятие из своих резервов решило выделить двухкомнатную квартиру на Меньшиковском проспекте недалеко от Пискаревского кладбища. Я почти все выходные дни бывал у них, помогал обустроиваться, гулял с Гришей. Дом стоял на краю пустыря, для незрячих в очень неудобном месте: рядом ни магазинов, ни маршрутного транспорта, но зато наличие пространства дало возможность Грише встать на лыжи в неполных три года. По несколько километров он упорно проходил по лыжне вдоль железной дороги и его упрямство меня радовало, я учил его тому, чему не могли научить родители. Обладая хорошей реакцией, он быстро усвоил велосипед.

В семидесятом году у Риты родилась дочка, которую назвали Альбиной. Вскоре произошел еще один положительный случай: взамен двухкомнатной квартиры предприятие нашло возможным предоставить трехкомнатную квартиру в доме-корабле на улице Софьи Ковалевской. Дом неважный, квартира неудобная, но детсад, школа, магазин, рядом. Под окном остановка троллейбуса, станция метро на расстоянии двух остановок.

Жизнь Риты была очень сложной: маленькие дети требовали постоянного ухода. Продолжая работать надомницей по сборке узлов для завода "Красная Заря", она много времени отдавала обыкновенным бытовым потребностям: уборке, стирке, приготовлению пищи. Я, конечно, помогал чем мог, но денег все равно не хватало. Женя продолжал проявлять свою оригинальность мелкого феодала: "я хозяин, что хочу, то и делаю". Мои беседы с ним по поводу его поведения заканчивались тем, что он признавал свою вину, но на следующий день, придя домой выпивши, еще более ожесточался.

Временами из Торжка приезжала свекровь Мария Алексеевна. Однако Рита была скорее недовольна ее приездом, чем радовалась её помощи. Она, как пожилой человек многого не понимала. Психология незрячих людей отличается от психологии и поведения людей зрячих, от людей имеющих возможность воспринимать окружающий мир как бы в целом на 90% через органы зрения. Информация о том, что происходит в окружающем пространстве, к незрячим людям поступает через органы слуха, часто не полная, искаженная: по шорохам, стукам, шумам, звонам и т.д. Слепой должен установить картину происходящего, не ошибиться трудно, и потому сразу возникает сомнение, подозрительность: а вдруг?.. Недоверие повышается, если раньше был обман, скрытность, недосказанность. Мозг у незрячих людей находится в постоянной напряженной работе, и потому на их лице видна сосредоточенность, повышенное внимание, ведь надо не только услышать, но и анализировать, сделать вывод и запомнить.

Гриша вырос, пошел в школу, но левой так и остался. Школьные успехи не очень радовали родителей, пользуясь недостатками, он иногда прибежал и обману. А вскоре в школу пошла Альбина. С ней было проще. Летом ребята бывали у меня, иногда кого-нибудь Мария Алексеевна увозила в Торжок. При общих усилиях ребята выросли и стали не хуже других, но продолжать учебу, чтоб получить высшее образование, не захотели. Опять же под сильнейшим давлением папы: зачем Але учиться музыке, зачем им высшее образование – инженеры получают меньше, чем рабочие...

Гриша, закончив семь классов, отказался от любых других профессий, кроме водителя автомобиля. Аля еще училась в школе, особого влечения к будущей профессии не проявляла, хотя могла рисовать, изучала историю Питера, но на этом остановилась...

Семейный конфликт между Ритой и Женей, созревший долгое время, наконец разрешился: Рита подала заявление на развод. В суд Женя не явился, но все же развод состоялся. Я об этом узнал неделю спустя. Встал вопрос о размене жилья. Целое лето я занимался поиском вариантов, но ничего подходящего не находилось, главное препятствие: дом-корабль. Я не мог себе представить, что эти дома такие "неавторитетные". Рита нашла сама: однокомнатная квартира и комната около 30 кв. метров в коммуналке на ул. Плеханова. Вариант одобряется: Женя и Гриша поселяются в отдельной квартире, Рита и Аля получают комнату в коммуналке, где проживает ещё две семьи.

После развода общение между детьми и родителями не прекращаются: Гриша приезжает к маме, Альбина заканчивает восьмой класс в старой шко-

ле, часто бывает у отца.

Этот период как обвал, – насыщен событиями. Рита решила выйти замуж за Чапурина Славу, бывшего ученика школы, где они учились. Парень очень хороший – закончил математический факультет педагогического института, опытный программист. Естественно, ни в какое сравнение с Женей не идет. Аля не возражала, но, бывая у отца, подвергалась психологической обработке, да и коммунальная квартира ей не нравилась. А тут еще Гриша объявляет, что ему необходимо жениться. Его невеста Светлана, только достигшая совершеннолетия, беременна, он ее любит... Положение безвыходное: надо жениться. Жить собирается у папы, папа не возражает, хотя у родителей Светланы 3-х комнатная квартира на 4 человека.

Свадьба состоялась, Светлана прописывается у мужа, будущий ребенок, естественно будет прописан здесь же. Аля заканчивает ПТУ и заявляет, что выходит замуж за Андрея Черномордова, у которого жилплощади нет. Свадьба состоялась. В однокомнатной двадцатиметровой квартире проживает семь человек. Такая обстановка с жильем до некоторой степени создается умышленно: с целью потребовать дополнительную площадь.

В январе 1991 года семья Альбины и Андрея пополняется сыном Павликом. Я становлюсь дважды прадедом. У Риты жизнь складывается хорошо. Она буквально ожила, стала заниматься музыкой, систематически вместе ходят на концерты в филармонию, посещают спектакли БДТ, принимают друзей. Слава умный, доброжелательный, его уважают сотрудники, у него интересная творческая работа, он – незрячий – руководит большой группой инженеров программистов, изучает и учит подчиненных программным языкам, обладает прекрасной памятью, порядочностью и чувством такта. Его родители: мать, брат, сестра и многие другие родственники проживают в городе Няндоме, Архангельской области. Риту приняли очень хорошо, все жалели, что их союз состоялся после стольких ошибок. А ведь намечалось все давно... Теперь только одно оправдание: так получилось... Поздно, но ошибка исправлена. Конечно, они мечтают вырваться из коммуналки, вступают в жилищный кооператив, внося немалые деньги.

Всё, кажется, идет замечательно, но... Россия, точнее СССР, переживает очередную революцию, теперь уже демократическую. Свобода слова, свобода печати, дебаты на съездах. И экономическая дистрофия.

Мы все следили за событиями, остро переживали и, конечно же, были согласны с демократами. Да и как было не согласиться, если при коммунистическом правлении без войны, без стихийных бед были введены талоны на продовольственные товары. Более двух десятков лет закупали продовольствие во всем мире, продавая нефть, газ, золото и другие невозполняемые ископаемые. И это при нашей территории! Положение с продовольствием было действительно очень трудным: по сообщениям ленинградских руководителей, продуктов оставалось на несколько недель. Пол-Ленинграда стояло в очередях, угроза голода стала реальностью, правительство объявило свободные цены, все стало дороже в десятки и сотни раз. Появились сотни, тысячи "челноков" с иностранными товарами. Крутились, вертелись и... выжили. Интересная картинка:

на Невском от Московского вокзала до Дворцовой площади с небольшими интервалами стояли продавцы. Торговали всем. В магазинах почти пусто: мало товаров, мало покупателей.

В мае 1995 года Слава скоропостижно скончался от рака кишечника. Похоронили в Няндоме, по его завещанию, рядом с могилой матери. С тех пор Рита ежегодно в мае ездит в этот небольшой городишко в Архангельской области на могилу своего мужа.

Она осталась одна в большой комнате коммунальной квартиры на ул Плеханова /Казанской/ дом № 8. Этот дом принадлежал когда-то купцу Бородину, отцу известного русского композитора. Все кажется просто, но представить себя в постоянной глубочайшей темноте и одиночестве, ориентируясь лишь по звукам, в самом деле очень не просто. Каждый шорох, шум, звон и многие другие возмущения внешней среды составляли картину происходящего вокруг. Она занялась музыкой, организовала самодеятельность, участники которой выступали перед отдыхающими, больными в госпиталях и читателями библиотек.

Я неоднократно предлагал съехаться, но из-за Игоря она отказывалась. Действительно, их взаимоотношения были несовместимы. Игорь – натура довольно сложная и противоречивая. В школьные годы он радовал тем, что учился хорошо, ненавидел несправедливость, много читал, ходил в туристические походы, среди своих сверстников был скромнее, но несколько скрытен. Призванным на службу в армию попал в Германию, где встретился с моим сослуживцем по Академии связи. Так как он хорошо каллиграфически писал, чертил и мог грамотно изложить свои мысли, его сделали писарем в штабе полка, допустили к секретной работе. За хорошую службу поощрили отпуском, а из Германии эту поездку в Союз надо было заслужить.

После отпуска, как писал мне мой приятель, Игоря словно подменили: самоволки, пьянки и, естественно, наказания. Я, как мог, пытался на него воздействовать, но все напрасно.

В период чехословацкого мятежа он в составе полка пересек границу Германии и в Праге продолжал выполнять штабные обязанности до конца службы.

После увольнения в запас работал на студии "Леннаучфильм" в качестве ученика звукооператора, а вскоре и вполне самостоятельно в составе творческой бригады. Начались командировки, разные встречи и прощания, где без бутылки никак нельзя. В итоге после двух лет работы с должностью звукооператора пришлось расстаться. Я просил его учиться, имея возможность обеспечить этот период, напоминая, что он сам будет горько жалеть за глупо прожитые годы, но все впустую. Когда развернулись работы на БАМе, (он в это время работал в проектно-институте "Лентранс"), он в составе бригады изыскателей поехал за "длинным рублем" в Сибирь, несколько лет мотался на разных работах. Рубль оказался тяжелым и "коротким", и он, полный впечатлений, вернулся домой изрядно изношенный. Некоторое время вообще не работал, а в 1997 году заболел раком горла и в феврале следующего года скончался в моем присутствии. Шел ему пятьдесят второй год. Похоронили на Северном кладбище рядом с матерью, Лидией Ивановной.

Так я лишился сына, которого любил, но не смог наставить на путь истинный. А в чем истина? Игорь много читал, читал быстро, выхватывая целые предложения. Имел хорошую память, но, к сожалению, использовать эти возможности не пожелал. После смерти в одной из книг я обнаружил стихотворение – прощание с друзьями, родными, этим миром. Он знал, что дни жизни его сочтены.

В ПУТИ

В процессе работы в исполкоме я видел, сколько злоупотреблений творят чиновники райкома и горкома партии, предоставляя квартиры своим людям. Их слово на жилищной комиссии не терпит возражений, мнение начальника отдела, ссылающегося на закон, игнорируется.

А вскоре по маленькому поводу пойманные начальники с шумом увольняются. При мне за год сменилось два начальника отдела. Запомнился такой случай: на углу Невского и Марата в доме освободилась квартира, занимаемая дипломатом из польского консульства. Я, получив необходимые данные, завел карточку и передал коллеге для заселения очередниками. Но не тут то было: на квартиру наложил лапу райком партии. В отделе работала машинистка, которая знала все, и все доносила кому следует – Система без стукачей жить не могла.

Я своей цели добился и такой работой за мизерную зарплату не дорожил, тем более, что все время можно было ожидать любой пакости. Помню такой случай: писатель Рытхэу почему-то решил отселить сына, обладая прекрасной просторной квартирой. Как исключение, ему разрешили выделить комнату в коммунальной квартире. Сын пришел ко мне на прием, и я ему дал смотровую на комнату у Казанского собора. Мой коллега, занимающийся очередниками, выдал смотровую на эту же комнату одинокой женщине, инвалиду войны, забыв изъять карточку из картотеки. Оба дали согласие, но когда выяснилось, что я дал смотровую ошибочно, я, естественно, извинился за оплошность, но сынок поднял такой шум, что хоть святых выноси. Рытхэу-отец, находившийся в это время где-то в Ташкенте, прислал на имя председателя исполкома обширную телеграмму о взяточниках. Прибежала на прием белокурая (не чукча) мамаша, разукрашенная как попугай, с угрозами обратиться в райком партии и в прокуратуру... Комната всё же осталась за женщиной-очередником, но вони было до противного много.

Я дождался отпуска и, уходя, написал заявление об уходе. У меня была веская причина: болезнь. Председатель исполкома несколько раз вызывал меня на беседу, но я не пошел, и он подписал распоряжение об увольнении.

Немного поискав, я нашел работу почти по специальности и, главное, никто справки флюорографии у меня не спросил. Это был Технический узел союзных магистральных связей и телевидения, обслуживающий подземные кабельные линии и технические сооружения Ленинградского региона, должность – электромеханик за 70 р. в месяц. Больше я не имел права получать, и разницу в окладе разделили между другими работниками. Работа мне была знакома: еще в юности я работал в Киеве спайщиком кабельных телефонных линий.

Но городская связь тридцатых годов и междугородная связь семидесятых значительно отличаются. В те годы систем уплотнения информации не применяли, коаксиальные кабели отсутствовали. Однако технология и культура обслуживания мне показались недостаточными, даже слабыми. Немного поработав, я внес несколько рационализаторских предложений, получил денежное вознаграждение, а далее увлекся и разработкой специальной комплексной машины для обслуживания и ремонта поврежденных кабелей.

Директором одного военного завода Управления связи был мой бывший сослуживец. После длительных переговоров он согласился принять мой заказ на изготовление такой машины. Договор определил взаимные обязательства, задания на проектирование установили концепцию и функциональные задачи изделия, а далее – техническое наполнение, его размещение зависело от меня. Поскольку завод требовал не кустарной, а вполне грамотной конструкторской документации, мне в помощь наняли хорошего профессионального конструктора, и мы по выходным, вечерами, в течение полугода сделали несколько сот чертежей, таблиц, схем и всего, что дало воз возможность мастерам приступить к работе. Еще пару месяцев – и новая, с иглочками, машина появилась во дворе узла. Оборудование и конструкция машины обеспечивали постоянную готовность к выполнению комплекса всех профилактических, поисковых и ремонтно-аварийных работ в любом месте, при любой погоде, со своим автономным энергообеспечением, теплом, радиосвязью и запасом питания в случае продолжительности работ.

Однажды весной, вечером, прихожу с работы, дверь в квартире сломана, при беглом осмотре обнаружил опустошенный буфет, из шкафа унесена одежда, новое, еще не бывшее в употреблении постельное белье (помнится, почти день стоял за ним в очереди на Среднеохтинском проспекте), ордена, на 35 тыс. руб. облигаций военного и послевоенного выпуска, часы, фотоаппарат, костюм, рубашки и прочие вещи, которые в то время приобретались не просто. Хрусталь, красивое белорусское стекло, немецкий чайный сервиз, тарелки и многое прочее, определявшее наш быт. Через неделю воры были пойманы, через месяц осуждена женщина из соседнего дома на три года содержания в тюрьме. И все. Вернули лишь изъятые при обыске часы, остальное, видимо, успели продать. Ещё через три месяца прислали три денежных перевода по 15 рублей каждый. На этом всякие компенсации закрылись по случаю перевода осужденной в другую тюрьму. Убытки около 2000 рублей, наградные знаки восстановлению не подлежат. Что ж, бывает и такое: каждый живет как умеет.

Я продолжал работать на узле связи, но уже в должности начальника первого отдела. До сих пор вся закрытая информация проходила через первый отдел управления, но там решили от нас отделаться и заставили организовать свой информационный орган. Поскольку прохождение секретной документации было мизерным, на меня, конечно, с моего согласия возложили обязанности начальника штаба гражданской обороны.

Из Афганистана шла очень скудная информация: мол, наши ребята осуществляют чисто комендантскую службу, в боевых операциях не участвуют. О

жертвах средства массовой информации не сообщали, хотя цинковые гробы в город привозили, ка- леки без рук, без ног долечивались в госпиталях. Тревога в обществе возростала, непонятная война никому пользы не принесила и конца ей не пред- виделось. А экономика страны ветшала, продо- вольствия для всех не хватало, в магазинах образо- вывались огромные очереди, говорили, что в час пик в СССР одновременно стоит в очереди около 30-40 миллионов человек. Это же большая евро- пейская страна!

В 1985 году во главе партии и государства стал самый молодой из членов Политбюро Михаил Сер- геевич Горбачев. Хорошо зная состояние страны, он возглавил перестройку, которая касалась поли- тики, экономики, культуры, всей жизни народа. Первым и чрезвычайно важным шагом в этом на- правлении стала гласность: многие скрытые собы- тия потихоньку, робко вскрывались, вызывая одно- временно восхищение и горечь. Впервые прошли выборы народных депутатов без диктата КПСС. Хо- тя широкой демократии, естественно, не могло быть, видимо, законы инерции действуют и в об- щественной жизни.

Съезды народных депутатов проходили гласно, весь процесс передавали по телевидению и радио, стенографические отчеты печатали все газеты. У меня сохранился весь выпуск газеты "Известия", публиковавший материалы первого съезда. Высту- пления депутатов показали жуткую подноготную нашего строя, тысячи нерешенных проблем, злоу- потребление чиновников, властей, междунаци- ональные проблемы, экологические преступления, о которых умышленно замалчивали, проматывание результатов народного труда ради сомнительных политических целей, вроде содержания всех ком- партий мира и многое, многое другое. То, что раньше лишь предполагали, о чем догадывались, как грязный поток нечистот вылилось на головы людей. И тут у меня впервые зародилось сомнение: я состою в партии, которая преступно ведет себя со своим народом, государственные деятели, которых никто не избирал, ради собственных интересов де- сятками лет правят страной и собираются править до тех пор, пока свое чадо до третьего колена не выведут в люди. Оказывается, в Афганистан не по- пал ни один их сынок, зато в престижном ВУЗе и в зарубежных представительствах их полно, сотни. Вот тебе равенство!

Я очень верил демократическим преобразованиям. Коммунисты потеряли доверие народа, а разъя- ренные москвичи под объективами телекамер сторяча снесли памятник железному Феликсу, не допустили к власти ГКЧП, отстояли Белый дом. Ельцин в глазах народа поднялся на небывалую высоту. Казалось, в перспективе всё будет хорошо. Но последующий распад СССР вызвал тревогу и душевную боль, будто что-то оборвалось внутри. Не хотелось верить, что более трехсот лет собираемая Россия, сплотившая многие народы, по воле трех политиков вдруг распалась на части, – ушли все республики, гордость национального единства и дружбы народов. Россия осталась как голый ко- роль, – без ничего, но с амбициями на счастливое благополучие. Конечно, это следствие политики коммунистов, не терпящих никакой критики, тем более оппонентов во власти. Любое свободное сло- во наказывалось. Совершенно мизерный в масшта-

бе страны самиздат тиражом 3-5 экземпляров ма- шинописного текста сгубил не одного талантливого смельчака, загнанного на Колыму или другие "привлекательные" места. Афганистан, до ввода со- ветских войск, был хорошим соседом. Кстати, пер- вым государством, признавшим Советскую Россию после революции. Жил по своим законам и обыча- ям. Мой друг Соколовский, принимавший участие в строительстве электростанции, работал там около полугода, и много рассказывал о тамошней жизни. Люди трудолюбивые, очень верующие... Зачем мы туда полезли? Сделать еще одну советскую респуб- лику? Это был еще один удар по единству СССР.

Я верил Ельцину, очень верил. Но в жизни он оказался не тем, кого из себя представлял на три- буне, в речах и обещаниях. Амбициозность, некомпетентность, а порой прямая глупость, видимо, вы- зываемая чрезмерным употреблением алкоголя, уже после окончания первого срока президентства показали его неспособность руководить страной и процессами реконструкции экономика и общества. Но люди боялись победы коммунистов и вновь его избрали. Будучи Президентом России, он в деле оста- вался на уровне секретаря обкома КПСС: жад- ным до власти, не признающим другого мнения и не считающим казенных денег. Даже стыдно: не- сколько раз Ельцин едет отдыхать, то в Сочи, то в Карелию, то еще куда-то. Что значит – Президент покидает столицу? Это рота охраны, облуга, води- тели, летчики и пр.пр. Сколько стоит плотвичка, пойманная в карельском озере? А штаты? В не- сколько раз больше, чем были при советской вла- сти. Видимо, сказалось воспитание элиты КПСС. А реконструкция Кремля? Какая в этом была край- няя необходимость? Трудно поверить, что затея со сверхдорогим ремонтом зданий не принесла ини- циаторам миллионной прибыли. Конечно, в пери- од приватизации все, кто был у власти и руководил экономикой, сумели прихватить немало... Вот только Кремль не приватизируешь... Затянули ре- монт, подрядили иностранцев, с ними можно дого- вориться. Наверное, благодаря Ельцину переход к рыночной экономике России задержался лет на пять-шесть. Что ж, каковы мы – россияне, таковы и они – наши избранники.

Желание выразить себя в стихотворной форме сложилось у меня с детства. Я никому своих стихов не показывал, стеснялся. У меня была страстная мечта: выписать "Литературную газету", которая выходила на украинском языке в Харькове, то- гдашней столице Украины. Я ее в глаза не видел, но она мне однажды приснилась и, что удивитель- но, когда я её позже увидел в редакции районной газеты, она оказалась именно такой, какая мне приснилась.

В последующие годы самостоятельной жизни уделять внимания стихам практически было не- возможно или очень трудно, в Киеве люди обща- ются на русском языке, которым я овладевал с тру- дом. Писать стихи на украинском я тоже не мог, мой родной был засорен таким количеством про- винциализмов польского происхождения, что меня иногда не понимали мои сверстники по общежи- тию. Потом работа и учеба отнимали очень много времени. После призыва в армию трудно было уде- лять внимания этому хобби, да и времени было ма- ло, потом война, блокада... Наверное большой та- лант надо было иметь, чтобы заниматься стихами.

Когда уволился из армии, время стало больше, и несмотря на то, что надежды опубликоваться равнялись нулю, я не торопясь продолжал кропать стишки, по другому просто не мог. Случалось, рождались удачные образы, формировались красивые строчки, на мой взгляд, вполне созревшие, особенно когда сравнивал с напечатанными в "Литературке" из братских республик, где поэзии вообще не было, – так, набор хвалебных лозунгов. Иногда для себя перечитывал написанное 10-15 лет назад и лучше видел свои недостатки: подражания, затасканность образов, местами нарушение размера. По содержанию – в основном лирика, но немало критически бытовых, иногда скрытого протеста на действия властей и партийных чинуш.

Однажды на дружеской попойке после принятия достаточно большой доли алкоголя я сдуру прочитал несколько хулиганских и не особенно лояльных к политике стихотворений. Народа было человек десять, потом пошли не очень хорошие анекдоты, словом, как всегда в таких случаях. Спустя примерно неделю ко мне на работу в первый отдел пришел офицер КГБ, курирующий наше предприятие. Была пятница, я уже собирался домой, закрыл и опечатал сейф, но мой "гость" посмотрел на меня с какой-то задержкой взгляда, посмотрел бумаги на столе, заглянул в ящик стола. В нем, кроме канцелярских мелочей, ничего не было. Потом попросил почитать стихи, которые я читал там, на участке... Тут я понял причину его визита.

Я прочитал строфу про бессмысленную охоту и сказал, что на память не помню. Он приставать больше не стал, но предупредил, точнее, дружески посоветовал: уничтожь всё, что может вызвать неприятности. Возможен обыск и тогда, если что-то обнаружится, оправдываться будет поздно.

Я примерно знал, кто наступал, еще раньше догадывался, кто постоянно вмешивается в разговоры, где травят анекдоты, но я знал, что советская власть без стукачей не живет, они есть везде, такова природа этого общества.

Дома меня ждал мой друг Саша Соколовский с собачкой – о встрече мы договорились ещё утром. Я взял папку со стихами, скатерть, рюмки, нож. По пути я зашел в универсам, взял бутылку коньяка, колбасы за 2-20, и на берегу вонючей Волковки среди зарослей кустарников и бурьяна разожгли костер из моей макулатуры. Там были несколько вырезок из газет, листочки бумаги разного формата с написанными стихами. Количество их определенно не знаю: может пятьсот, шестьсот... Словом, плоды труда лет за тридцать. Сначала у меня возникла мысль – отобрать что "похуже" и сжечь, а потом подумал: а зачем? Всё равно их никто никогда не напечатает. Не сожгу я, сожгут после меня. Разбирать – надо время, оставлять на завтра никак нельзя. А вдруг... Колбаса оказалась отвратительной. Нанизав на кончик ножа отрезанную колбаску, Саша поджаривал ее на пламени, она обгорала, но паленым мясом не пахла. Опустошили бутылку грузинского не очень хорошего коньяка, покурили, и у нас возникла необходимость сходить недалеко в универсам и взять ещё водки, – на коньяк денег не было. Я ушел, а вернулся минут через двадцать. К концу дня, да еще в пятницу, народ запасается продуктами, и в кассах, естественно, образуются очереди.

Мои картины близки к натуре, отражают род-

Саша поинтересовался – что это за макулатура, исписанная моим почерком. Я ему рассказал всё как было о том, что я иногда пописываю стишки. Он не знал этого, хотя был моим верным другом. Сначала Саша выразил сожаление, потом рассказал, как во время пуска Сталинградской ГЭС одна известная поэтесса напилась и читала стихи не очень "хорошие", а потом ее таскали по известным учреждениям. Погода была отличная, собачка нагулялась досыта, мы курили и до темна травили анекдоты. Сожгли все листы, съели всю колбасу, осушили вторую бутылку и когда стало совсем темновато, – белые ночи еще не наступили – пошли ко мне домой, немного посмотрели телевизор и улеглись спать. Теперь я был уверен, что меня ни одна собака ни в чем не уличит.

Я чувствовал себя легко, будто снял с плеч тяжкий груз, повешенный на меня несколько часов назад "дорогим гостем". Я дал себе зарок больше не думать об удачных метафорах, не искать точных эпитетов, – Бог с ними! Видимо, это не для меня. Я уделил больше внимания техническому творчеству, внедрял рационализаторские предложения, проектировал новые машины для обслуживания сооружений междугородной связи.

Литературный журнал "Русский мир" Санкт-Петербургской писательской организации напечатал мою сказку "Яма". Словом, если потрудиться, при нынешней ситуации можно печататься без труда, но... силы уже не те, – девятый десяток лет дает себя чувствовать: знаю как, но мысли словно на тормозах...

Мой земляк и друг Николай Яковлевич Максимчук научил меня переплетному делу, это и ремесло и искусство. Красиво сделанная книга радует глаз, может долго храниться и служить людям. В оформлении книг мне удалось найти способ ручного тиснения с помощью полиграфической фольги и нагретого током металлического стержня-карандаша. При этом можно сделать любой рисунок, орнамент, автограф многими цветами, любой формы и размера.

В начале рассказа я уже упоминал о моем увлечении рисованием. Я и родной порог покинул ради того, чтобы стать художником. Однако судьба распорядилась так, что это искусство основой моей жизни не стало, но и не покинуло навсегда. Конечно, овладеть рисунком мне не удалось, это требует таланта и огромного труда, а значит времени, которого у меня не было. Так случилось, наверное, и по моей вине, что я в повседневной жизни искусству рисунка и акварели уделял очень мало внимания. Требовался хоть какой-нибудь учитель-наставник, – самообразованием здесь успеха достигнуть трудно. Масляная живопись мне стала более доступной. В ней можно вносить поправки, поиски колорита, формы, цвета, я старался изучить труды Куинджи, Левитана, Шишкина, Васильева, Поленова, Саврасова и других русских художников.

Я и сейчас немного работаю ради удовольствия, мне приятно, когда люди, которым я дарю картину, радуются. Действительно, купить картину в специальном магазине доступно далеко не всем и вряд ли кому-нибудь из моих знакомых удастся это сделать в течение своей жизни. Картины профессиональных художников дороги, да и вещь эта не первой необходимости.

Ведь развитие прогресса во всех областях жизни

ные места и многим нравятся. Говорят, что не стыдно повесить в доме. Боже мой, как приятно чувствовать, что ты кому-то сделал маленькое удовольствие, кто-то вспомнит о тебе добрым словом, когда тебя уже не будет...

Да, время идет быстро, день за днем, год за годом... Уходят друзья, близкие, знакомые, сослуживцы, уходят навсегда. Сотни тех, с кем я дружил, вместе работал, решал какие-то проблемы, волновался, ссорился – всё бывает – покинули этот мир, а я все хожу, вспоминаю и даже пытаюсь что-то зафиксировать для потомков.

Мемуары обыкновенно пишут знаменитости, им есть о чем рассказать в связи с важнейшими событиями в стране и в мире.

Я же хотел кратко рассказать только о том, как я лично, рядовой из рядовых, воспринимал события, как реагировал на обстоятельства, порой довольно сложные.

идет по крутой восходящей, и мы, нынешние, со своими радостями и огорчениями будем удивлять будущих счастливых людей своим образом мыслей как ископаемые, оставившие едва заметный след на земле.

Я жил в период жестоких революций, в поиске рациональной формы общественного строя, мировой войны, великих достижений науки и технологии. Я был свидетелем внедрения радиосвязи, полупроводников, световодов, реактивных двигателей и искусственных спутников земли, открытия энергии атомного ядра для мира и войны, трансплантации человеческих органов и клонирования живых существ, открытия новых элементов... Нет, двадцатый век оставил заметный след в истории человечества, и я был живым свидетелем этого...

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Вячеслав КЕРНАСОВСКИЙ

КО ДНЮ СВ. ВАЛЕНТИНА

Валентинки, Валентинки...
На твоих щеках снежинки,
Прикоснувшись, тихо тают,
Струйкой нежною стекают.
Я губами их ловлю
И шепчу: «люблю, люблю...»

Валентинки, Валентинки...
Я в твоих глазах слезинки,
Присмотревшись, замечаю.

И тебя прекрасней, знаю,
Нет на свете, ты – одна.
В этом лишь твоя вина.

Валентинки, Валентинки –
Две судьбы, две половинки,
Как бы ни были различны,
Только вместе гармоничны.
Низко, высоко ль летают
Всё ж встречаются, бывает...

14.02.2000 г.

КАФЕДРА ПЕЧАТИ

Ведущий рубрики Леонид Беленький

Александр АКУЛОВ.

СТАТЬИ ИЗ СЛОВАРЯ – ПРИЛОЖЕНИЯ К КНИГЕ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ"

ПРОЗА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

1. Нестихотворная письменная или устная художественная речь, т.е. формально – речь, характеризующаяся отсутствием соизмеримого деления на отрезки, мастерски созданная или исполненная и обладающая потенциями эстетического воздействия.

2. Для человеческого восприятия – несценарный комбинированный вид искусства, параллельный искусству кино и телевидения. Отличие его от последних – в большей задействованности индивидуальных способностей воображения, мышления, эмпатии. Реальные феномены прозы – итог различных видов творчества, связанных с писанием, прочтением, мысленным или обычным произнесением,

графическим изображением (для письменной речи), разворачиванием представлений, спонтанными ассоциациями, воспоминаниями, актуализациями различных психических настроенностей.

Как и кинематография, П. является суррогатом сновидений, жизни вообще, а иногда – аналогом наркотического средства. Отсюда и требование к П. как к некоторому органическому и организменному целому.

Атрибуты действенной прозы: некоторая нериторическая здесь-теперь спутанность (в т.ч. замкнутая на нескончаемое, вечное), потенциальная сновиденность, неспецифическая опьяняющая способность, присутствие особым образом данных элементов поэзии, наличие непроизвольной сосре-

доточенности, "влечения к тексту".

Термин "шедевр" применим к прозе более условно, чем к поэзии. Шедевры прозы более сложно выделить, особенно если предусматривается возможность нового (повторного) прочтения. Требование "ошедевривания" для прозы равносильно требованию живописности для каждого кадра киноленты. Между тем в обоих случаях оно может быть осуществимо, хотя бы в виде единичных экспериментов.

Обман, кажущееся волшебство "добротной" П. имеет и оборотную сторону, вследствие того, что она требует от субъекта больше времени и энергии, чем другие виды искусства. П. может быть не только средством развития и модификации психического, но и фактором регрессии. Подобное касается как пишущего, так и читающего.

В П. осуществляется вообразимый переход через те или иные витальные кульминации. В наиболее простом случае эти кульминации носят характер близкий к бытовой (неофициальной) биографии. В более сложных случаях происходит вообще отказ от описания человеческой среды. По своему содержанию (теме) П. строится не на вехах квази-биографического характера, но на явлениях, сходных с микробиографией, указаниях на конкретные значимости, непосредственность. В этом плане П. сливается с бытовыми фантазмами, а также чувственной архаикой человеческой данности.

Поэтому наиболее элементарно – дневниковое построение композиции прозаического произведения с представлением непосредственного видения-чувствования героя. Любая "объективность" всегда условна и несопоставима по силе воздействия с ведением повествования от первого лица. Очень часто ведение повествования от третьего лица, нескольких лиц или "оно" – довольно прозрачная подмена первого лица, переподстановка-переориентирование, либо подстановка инкогнито "я" вездесущего и всевидящего автора, с описанием "внешней" псевдообъективной видимости. Современные культурологические тенденции, ведущие к "уничтожению" субъекта, не имеют под собой какой-либо методологической почвы, условны и являются обычным изворотом истории стиля.

П. относится к видам искусства, наиболее полно воплощающим потребность в метемпсихозе. Однако наличие подробностей подобного воплощения коррелирует с ограничением рамок и структуры воплощения. Обычно осуществляется перенос человек-человек, человек-общество, человек-животное, человек – "ухоглаз", человек-"дух", но не более того. В музыке, поэзии, живописи формальные рамки переноса практически не имеют границ.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ, ПОТРЕБНОСТЬ АБСОЛЮТНОГО. Потребности, побуждающие человека к деятельности, превышающей уровень прижизненной практики человека и человечества. Важность этих потребностей не умалется тем фактом, что они возникают из различных дисгармонических моментов индивидуального развития, неправомερных спонтанных воззрений, ложных формулировок вопросов, фантастических представлений и т.п.

В некоторой степени абсолютным потребностям отвечают наиболее теоретические или удаленные от сиюминутных запросов области наук, искусство, философия. Независимо от теоретического или ху-

дожественного уровня соответствующих работ, попытки решить те или иные "вечные", "абсолютные" вопросы носят, как правило, наивный характер. Уровень мастерства оказывается ложным знаком авторитетности.

Абсолютные потребности выходят за грань человеческой оболочки, а отсюда потребность абсолютного деструктивна в своей основе. В качестве суррогата удовлетворения потребности абсолютного выступают психоделические восприятия в их компарации с обыденными восприятиями, подделки общей теории всего в теоретической плоскости и претензии на шедевры в художественной сфере.

Выход на некую универсальную дочеловеческую ось, игнорирующую частную культурную символику, во многом остается мечтой.

ЛИЧНОСТЬ. Бытовая фикция, условная модель интегрированных потенциалов псевдообъективного человека. В представлениях о Л. проявляется желание иметь контрпсихейную проясненность, оструктуренность заведомо неструктурного, опрагматизированность неписываемого в прагматику. Таким образом, личность есть мнимый фокус всего диапазона позиционных интенций по отношению к способностям восприятия и активности.

Личность не есть субъект; личность не есть индивидуальное субъективное сознание. Денотат слова "личность" нельзя также смешивать с денотатами слова "человек".

ПОСТМОДЕРНИЗМ. Полузагадочное (по своим причинам) маргинальное явление современной культуры, сильно претендующее на центральное и имеющее как совокупность разнородных течений-направлений следующие признаки:

1. Окончательное разрушение ранее бытовавших принципов холистичности и связности в культурных традициях, критика предыдущих культурных традиций с неосознанным и некритичным (философия) и пародированным, карикатурным (искусство) включением их в себя.

2. Потеря "логоцентричности" (философия), потеря нацеленности на прекрасное или "лучшее" (искусство).

3. Уход от высот интеллектуальной рафинированности в философии через посредство серьезных недочетов и непроработанных мест в учениях Гуссерля и его последователей. Сочетание постановки новых проблем с одновременной примитивизацией старых, интенсификация футуристического прогресса через регресс (философия).

Переход к "уличности", "офенности", ближним мешанским планам существования с одновременным заимствованием композиционных принципов у кинематографа, радио, телевидения, компьютерной технологии, кулинарии (искусство).

П. – несомненная болезнь. Главное для П. – неусвоенность уроков знания промежуточного между имеющим преобладающее хождение (научное, паранаучное, обывательское) и релятивно уточненным знанием, потеря герметической сути внутри программных герменевтических схем.

Общие черты П.: псевдообъективизм, фетиши несуществующего, опора на психоаналитические сказки.

На смену устаревшему принципу гармонии все еще не пришел какой-либо новый, столь же мощный по своей цементирующей силе принцип. В этом трагедия современного общества. П. – это не-

лепо-диффузные, бессвязные поиски такого принципа. П. как бы символизирует женскость современной цивилизации, переход с единства на множественность, с техники – на технологию, с фундаментальной науки – на короткоживущие рабочие гипотезы.

В философии и искусстве выдаются не окончательные произведения, но формальные порывы и сбивчивые эссе, показательные попытки, обещающие материалы для будущего. Это уже не женскость, а – квазидетскость.

СИМВОЛИЗМ. Часто довольно неудовлетворительно определяемое направление в искусстве и литературе конца XIX – начала XX века. Столь же неудовлетворительно объяснение причин того, почему символизм себя "исчерпал". Сложность оценок вытекает из неоднородности творчества символистов, многослойности их произведений.

Сила и одновременно слабость С. в том, что он заведомо в главной своей нацеленности был направлен на создание шедевров, причем чисто эстетических, абсолютных, но не историко-эстетических, музейно значимых. Шедевры в первом смысле требуют от художника и иного отношения к своей области, чем при обычном акте творчества. Мастер должен как бы покидать собственное мастерство, свою область, оказываться на ничейной полосе в сфере культуры вообще.

В поэзии подобные отходы от ремесла только в исключительных случаях приводят к успеху (попытки сверхискусства), а чаще всего дают либо графоманию, либо потерю экспрессии и выразительности при относительно товарном виде произведения.

Направления до С. и после С. отличались гораздо большей цельностью своих конечных результатов. Критерии такой цельности, конечно, относительны. В русской поэзии школа символистов создала не более 150 – 200 шедевров за всю историю течения. Эти стихотворения отличаются высочайшим эстетическим накалом, экзистенциальной необычностью – постоянно создавать именно такие произведения не способен никто, а, как правило, творчество оценивается не по исключительным случаям. Это одна из причин падения направления.

Другая причина в том, что питательней средой С. был декаданс, а это явление – не только искусства, но и цивилизации в целом. Возникая на известных перегибах истории, декаданс не может продолжаться вечно.

Одна из вершинных особенностей русского символизма заключается в следующем: так называемый "образ героя" в произведениях, "лирический герой" есть НЕ-ЧЕЛОВЕК. Нечеловек даже в тех случаях, когда этому герою автор навязывает будто бы обычные человеческие эмоции и намеренную приземленность. Герой здесь – субъект, вылетевший из человеческой оболочки, нечто вроде того духа, что смутно виделся, брезжил и раньше, но вгонялся в прокрустовы формы либо байронического героя, либо демона и нелепого Заратустры. Именно в символизме не-человек предстал без маски и приставных крыльев. Русская нелюдь перешагнула не только национальные формы, но и в отдельных случаях – европейские эстетические каноны. Нечеловек живет миром таких экзотических чувств, какие для обычного человека повседневности невозможны. Мир ИНЫХ ЧУВСТВ (чувств, не

являющихся эмоциями) – другое отличие символизма. Пусть и не символизм их изобрел...

Структурные и фактурные особенности С. даже при наличии самой обычной тематики или формальной безтематичности (собственно "искусство для искусства") призваны вызывать сверхэмотивные чувства, делать видимым даже за намеренно неприхотливым, квазиобычным описанием нечто НАДМИРНОЕ, СУПЕРВАЖНОЕ, по сравнению с которым смерть человека или его жизнь – ничто. Вполне законны такие старые определения символа как "дверь в эдем" или "ключ от вечности" – С. во многом опережает философию.

Термин "символизм" первоначально неверно связывался с наличием двойственности мира (в чисто житейском плане, в этом и есть некоторый смысл). Удвоение мира есть и в любом несимволическом произведении: в крайнем случае, есть противопоставление структуры произведения иному. Однако идеи Платона (и даже Плотина) никакого отношения к С. не имеют, если, конечно, не иметь в виду платонизма в трактовке мыслителей-эклектиков. Теоретическая сторона С. была довольно слабо проработана и французскими символистами: их манифесты, заявления, в основном, чисто декларативны.

Потустороннее – не есть идеальное. Оно – норма, субстанция не-человека, либо здесь-теперь обычного человека в тех или иных редких случаях. Задача искусства и, в частности, символизма заключается в приближении *того* сюда. Однако подобное высказывание – условность. В действительности *то* находится здесь, никакого дуализма нет. Искусства только усиливают не-человека в человеке (модернистские шедевры). Дается не контрарное отношение двух плоскостей, не перетекание из одной области в другую, но прояснение, отмывание, призывание человеком не-человека, а иногда – отбрасывание не-человеком человека... Подобное отбрасывание может осуществляться самым невинным образом, например, методом особой выразительности при выписывании натюрмортов, вне каких-либо художественных эксцессов. Изобразить можно довольно простое; главное – наличие в простом не нашего, не людского, а каким образом подобный эффект достигается – дело мастера. "Девушка вензель чертила на зимнем окне...", "Сырой песок покорно был готов отпечатать ослиные копыта..." – формально ничего выходящего из рамок здесь нет. Достаточно показать, что девушка и копыта – ни при чем, что они – примета неприметности, случайности, то, чего могло и не быть.

СОЦИУМА НЕРАЗУМНОСТЬ. Аргументами в пользу С. . служат стихийность в общественной динамике, отсутствие общественного сознания или каких-либо заменяющих последнее структур. Сознанием обладает отдельный человек.

Общество не похоже не только на отдельного индивида-человека, но даже на организм высокоразвитого животного. Гораздо больше аналогий между обществом и растением или закрепленным на грунте кишечнополостным.

Правительства и иные подобные институты не являются чем-то наподобие головного мозга. Например, проходят сравнения социума с компьютером, вычислительные ячейки которого рассеяны и преобладают в своей массе над тем узлом, который претендует на роль центрального.

Информационные и силовые связи в социуме необходимо разделены. Слепота в общественных проявлениях неизбежна.

Наличие нерациональности и алогичности при взаимодействии различных рационально-логических систем приводит к тому, что и взаимодействия, и сами системы оказываются во власти статистических законов, то есть случайной (как бы посторонней) суммы.

ХАЙДЕГГЕРИЗМЫ Специфические приведения в плоскости слов различных идеально, неопределенно и условно заданных действий, объектов, состояний к относительно монолитному, витально окрашенному здесь-теперь существованию. Примеры: "бытование", "веществование", "должение", "по-знание", "пред-мет", "забытье", "бытийствовать", "со-кровенное", "In-der-Welt-sein", "Sein-bei-innerweltlichem-Seiende".

В Х. могут превратиться и отдельные временные элементы аналитических рассуждений (бытие-для-себя) и данности, претендующие на реальность (вещь в себе), в том случае, если им приписывают житейные значимости с соответствующей трансформацией соотносимого.

Х. не являются экзистенциалами. Иногда Х. сходны с неологизмами. Эффект, свойственный Х., даже усиливается за счет грамматической кальки, отсутствия полной переводимости терминов. Чаще всего должностующее сосредоточение, интенционирование не переходит при Х. обычных отсловесных гипостазирований. Остается наличным факт усилия, сосредоточенности вообще, вектора как такового. Х. – основа современных неправомерных представлений о способах философствования.

В художественной литературе операции, подобные Х., проводились почти всегда. В философии Х., явления с ними сходные связаны либо с нефилософским подходом (наивный реализм), либо с избыточным введением диалектики с целью формального удержания суперфикций (Гегель), либо – с предельно проведенной трансцендентальной редукцией, совмещенной с компенсаторными явными и неявными отвитальными попытками восстановления собственно живых феноменов (Гуссерль, Хайдеггер).

Х. означают уход от проблем современной философии. Поиски новых гуманитарно-гуманистических областей, околонучных религиозных откровений выходят как из пределов философии, так – и художественной литературы, порождают своего рода репортерство. Х. неизбежно связаны с порождением сугубо индивидуальных образов, психических полей, структура и тонизм которых в достаточной степени произвольны. Формально такие порождения с равным успехом могут рассматриваться и как побочные (эпифеномены), и как центральные, главенствующие. Изречения, насыщенные Х., могли бы восприниматься как великая мудрость, звучи они за пять веков до нашей эры. В новейшее время (в сфере философской мысли) Х. – стилистически осовремененный анахронизм. Появление в XX веке Лао-цзы или Гераклита свидетельствовало бы о душевной болезни человечества.

Более значимы Х. для разрушения традиционных жанров художественной литературы, формально-методической продвинутой в этом направлении (попытки стилистического барокко в

современном духе, попытки повести-романа после "нового французского романа"), появления различных довольно любопытных, но пока не дошедших до ранга оправданных нехудожественных и околхудожественных текстов. Таким образом, областью применения Х. является, в основном, литература и культурология. Это связано с необходимой апелляцией последних к архаике и обыденности, а также онейроидным данностям. Легкая психоделичность Х. – уже в чисто лингвистической игре дефиксов, суффиксов, а также первообразе, дообразе расформированных образов, во втягивании образов в новое тягучее существование (вивисекция субъективной реальности, понарошечность накопления отдельных элементов последней для комплектования философско-фантастической или художественно оформленной житейной реальности).

Х. субстанциализуют то, что не может быть субстанциональным, и придают статус динамики тому, что статично остается за бортом мгновения. Есть сходство Х. с "животворными" глупостями учителей дзен. В отличие от экзистенциалов, Х. обычно оставляют эйдетический привкус либо вещающего материализма, либо несколько сглаженной абсурдности гераклитовского противоречия. Добротный экзистенциал, в противоположность Х., создается путем интенсивного усиления интенционально-витальной окрашенности обычных представлений, без каких-либо динамических изменений и переносов (ДОМ, ЗАБРОШЕННОСТЬ, ТОШНОТА, РАЙ).

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗЕМНАЯ И СОСТАВНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизация земная – нефилософский термин, связанный с общими характеристиками культуры человечества планеты Земля либо за весь период развития этой культуры, либо за период, достаточный для смены одного поколения (около 30 лет), нескольких поколений, столетий, тысячелетий.

Так называемая современная земная цивилизация – это цивилизация Земли последних 30 лет. Парадокс в том, что удовлетворительная характеристика названного периода возможна только по истечении двух-трех подобных периодов, что неизбежно приводит и к уточнению временных рамок. Таким образом, высказывание "современная земная цивилизация" является наиболее ориентировочным

Составные цивилизации – цивилизации отдельных территорий, заметно выделяющиеся из всей земной культуры, влияющие на всю земную культуру, вовлекающие в свою орбиту смежные территории. С.Ц. возникают при наличии критической массы народонаселения и плотности народонаселения, сосредоточение в некоторых точках сборки ("столицах мира") особой рафинированности культуры, высших достижений своей и чужих культурных ойкумен.

Юрий Со (Сорокин)

ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА “ГАДЕС”

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОФЕССОРА Н.

“Этого не может быть”. Такими словами начинается странное и по-моему дикое повествование, которое вы держите в руках. Уже не один год миновал с того дня, когда произошли загадочные события, о которых я расскажу. Однако и сегодня не могу их себе объяснить. Начну историю по порядку. Все произошло несколько лет назад.

Я работаю в институте Востока. Однажды вернулся я с симпозиума из Дели. Еще в Шереметьево жена рассказала, что всю неделю, пока меня не было, домой названивал некто Садыков. Суть дела этот человек объяснить жене категорически отказался, уже этим вызвав во мне недоверие. И действительно, стоило переступить порог квартиры, как зазвонил телефон. Это был он. Не очень толково в течение получаса Садыков излагал свое дело.

А дело было такое. В его семье с незапамятных времен хранится толстая рукопись, написанная на древнеарабском языке. Сам Садыков узнал о ней лишь недавно. Рукопись ветхая, расплзлась на листы, но разборчива вполне. Садыков и его родители давно обрусели и арабского не знали совсем. Теперь, оказавшись на некоторое время в Москве, Садыков просил меня о встрече, чтобы дать на прочтение полную ксерокопию этого манускрипта. Как я не оттягивал день встречи, пришлось согласиться на нее прямо сегодня, так как вечером Садыков отбывал на поезде домой, куда-то на крайний север. Кроме того, неистребимый профессиональный интерес сыграл свою роль тоже.

Проситель не заставил себя ждать. Это был ухоженный и энергичный провинциал, лет сорока. Его восточное происхождение, скорее, предполагалось, чем угадывалось. В руках он держал тяжелый портфель, на который я поглядывал не без содрогания. Потоптавшись в коридоре, мы прошли в мой кабинет. Не буду описывать весь ужас внезапной и нежелательной беседы, да еще после многочасового перелета. Наконец Садыков достал объемистый пакет, упакованный в белую бумагу и перевязанный веревкой.

Он сказал, что в институте ему рекомендовали меня, как хорошего специалиста по древним арабским рукописям. Не без гордости, рискнул это подтвердить. Итак, рукопись, вернее ее ксерокопия, появилась на моем столе. Садыков сообщил, что желает продать эту вещь. Вольному воля. В наше нелегкое время такая просьба никого удивить не может. Он обещал снова появиться в Москве и навестить меня через месяц. Затем Садыков ушел. Забегая вперед, скажу, что ушел он навсегда.

Лишь через неделю вспомнилось мне о пакете. Развернув бумагу, я увидел трепетную арабскую вязь, которую уже давно воспринимаю, как родную. Начав чтение, я через несколько страниц был весьма обескуражен. Пришлось снова вернуться к началу и прочесть дважды эти первые листы. Я ничего не понимал. Да это и не укладывалось ни в какое понимание. На прекрасном, подчеркиваю – прекрасном древнеарабском языке, написанном как минимум несколько веков назад, излагалось бог знает что. Это была повесть о постсмертной жизни одного бесфамильного питерского художника, который умер от сердечного приступа в Санкт-Петербурге, где-то в 1996–1998 годах. Сами понимаете, что я должен был думать. Когда первые чувства удивления улеглись, я вновь принялся за чтение.

Повесть, безусловно, увлекательна, этого уж не отнять. Примечательно, что место ее действия – Везде, а время действия – Всегда. Однако я не литературный критик и не хочу братья не за свое дело. Через несколько дней я добрался до эпилога. Тут обнаружился автор, вернее – его присутствие. Он называет себя Али Мухарем ибн Керим. Это вымышленное имя, поскольку ни одного ученого родом из Бухары за период XII – XV век с таким именем не существует. Скорее всего, имя придумано. И не только оно. Впрочем, и здесь чисто литературное дело, меня не касающееся. Что до анализа, то хочу сразу сказать: сделать таковой, не имея на руках оригинала, не берусь. Хотя, кое-что предположить все же рискну.

Арабская вязь очень хрупкий и живой организм. Принято считать, что эта письменность не менялась со времен пророка Мухаммеда до наших дней. Это не так. Да, по сравнению с европейским письмом, арабское изменилось мало. Но специалист все равно сможет датировать какой-либо текст. К тому же арабский мир отличался исключительно ритуальным отношением к письму. Каждый знак несет там много смыслов и имеет мистическое значение как инструмент познания мира. Все это помогает в датировке текстов.

Я внимательно, с лупой изучал фолиант и прилагающиеся цветные снимки. Тот образец письма, которым пользовался автор этой странной рукописи, по стилистике и некоторым другим признакам может быть отнесен приблизительно к 13 – 15 векам. Географических данных на основе ксерокопии не берусь делать. Более мне, без ущерба для моей профессиональной репутации, добавить нечего.

В свободную минуту я сидел и переводил повесть на русский язык. Получился очень вольный перевод, поскольку языки слишком разные и перекинуть мостик от одного к другому не просто. Кроме того, автор слегка облегчил мою работу, так как многие слова он писал прямо латинскими буквами, только

справа налево и в арабской орнаментуре, так что их сразу не различишь.

В процессе перевода я несколько увлекся главным героем и решил навести справки: а были ли в реальном Санкт-Петербурге те люди, чьи фамилии упомянуты? Тщательные поиски результата не дали. Вероятно, все имена выдуманы. Я даже попытался установить через знакомых питерских художников, встречались ли хотя бы похожие личности или похожие обстоятельства? Оказалось, что таких похожестей слишком много, чтобы по ним успешно отыскать предполагаемого автора или прототипа рукописи. Как я уже сказал, Садыков более не появлялся. Ни адреса, ни телефона он не оставил. Думаю, что никакой древней рукописи не существует. По-видимому, это плод фантазии какого-то талантливого арабиста. Человек я вполне нормальный и написанное в этой книге за реальный факт не принимаю. И вам не советую. А назвал я ее так:

Г А Д Е С

РОМАН – СТРАНСТВИЕ В ТРЕХ ЧАСТЯХ С УВЕРТЮРОЙ И ЭПИЛОГОМ

У В Е Р Т Ю Р А

ГЛАВА 1 -----

Этого не может быть. Я умер. Но так не умирают. Я же читал в книгах. Хотя, что можно узнать из книг о смерти? То же, что и о жизни. Сейчас это неважно.

Важнее другое: я повис над собственным телом, а оно валяется на снегу в очень некрасивой позе. Оно лежит, как мешок. Черная дутая куртка топорщится, будто вигвам. Вокруг темно, ведь уже почти зима, – конец ноября и времени около полуночи. Черная шапка скатилась с головы. И джинсы на мне черные, и дутые теплые рукавицы непробиваемые питерскими ветрами – и те черные. Весь я черный. Нехорошо.

Это случилось недалеко от перекрестка проспекта Испытателей и Серебристого бульвара. Ничего серебристого на этом бульваре нет, за исключением снега. Несколько лет живу тут, а все никак не привыкну. Уж очень неприветливо здесь в любую пору. Проспект широченный, как взлетно-посадочная полоса. Расстояния между домами огромные, необъятное все вокруг. Постоянно дуют пронизывающие ветра, множество штампованных, безразмерных домов. Нет, неприветливое место.

Я лежал, не дойдя несколько метров до деревьев, за которые хотел ухватиться, чтобы не упасть. Та сила, которая пригнула и бросила меня ничком на снег, уже не была силой земного притяжения. И теперь я раскачивался над собой на небольшой высоте, словно китайский фонарь. Никого не видно рядом. Только, метрах в пятидесяти гуляла девочка с огромным пятнистым догом. Но она не могла меня заметить, мешали деревья. А прохожих в эту пору не бывает. Да еще в семнадцатиградусный мороз. Да еще, когда я умер.

Боль отсутствовала. Совсем не осталось боли, которая мучила несколько часов подряд. Сдавило сердце, когда я вечером вышел из дома. Потом отпустило. Надо было не ходить, но меня ждали. Дело-то на пять минут, а там – снова домой. Так мне казалось. Это лишь теперь ясно к кому на встречу поспешал. Но и это ничего не значило, потому что сразу три черных вороны пролетели сквозь меня, будто сквозь пустое место. Я и был теперь пустым местом. Что будет дальше? Так и буду тут висеть, как зонд, до скончания времен?

Разумеется, я предпочел бы более героическую кончину, нежели валяться с разорванным сердцем возле мрачно возвышающихся домов. Дошло то, что я пошел домой пешком. Просто не было проклятого трамвая, а на такси тратить не хотелось, денег и без того мало.

Надеюсь, теперь понятно, что оказаться темной ночью над своим тридцатипятилетним телом – это не шуточки. Как дальше жить? Но жить уже не буду, это очевидно. С другой стороны, я думаю, вижу и слышу. Вот только холода не чувствую совсем. А ведь недавно промозглый ветер и ноющее сердце делали мою жизнь несладкой. Это большая новость для меня и, как видно, не последняя. Теперь бы двинуться. Но чем? Ни рук, ни ног. Слегка носило меня медленными кругами над деревьями.

Мимо прогромыхал злополучный трамвай, которого я не дождался. Сине-зеленый букет искр вывалился из проводов и показалось, что они живые. Уж слишком медленно искры падали, так не бывает. И звуки тоже странные, похожие на крик или стон. Долго летели цветные огоньки, как бабочки, пока не исчезли в снегу.

И тогда я отчетливо услышал голос:

– Я уже здесь. Сейчас будет немного качать, но бояться не надо.

Говоривший был сзади, так показалось. Но там пусто. Однако голос слышался ясно. Я сказал сзади, но это не значит, что я оглянулся. С изумлением обнаружил в себе новую способность видеть на все четыре стороны, почти одновременно. Стоило лишь захотеть, и весь круговой пейзаж впереди и позади меня открывался полностью, будто появились еще три пары глаз на моей невидимой голове.

Обычный приглушенный голос, не мужской и не женский, без всяких интонаций. Такие голоса у дикторов в аэропорту или на вокзалах. Нет, не знаю кто ко мне обратился.

ГЛАВА 2 -----

Принято думать, что люди предчувствуют свою смерть. Если бы это было так, то давно бы наступило перенаселение планеты.

В этот день не произошло ничего особенного. Со мной уже давно не случается ничего особенного и временами это даже обидно. Вообще-то, моя жизнь лишена судьбоносных, как теперь любят выражаться, потрясений, вполне меня устраивала. Потрясения хороши для вермишели в дуршлагае, а человеку можно обойтись без них. Мой последний день едва ли интересен. Даже сейчас, когда я знаю точно, что он был последним, все равно не приходит на ум ни одного знака, намека или предчувствия. Смерть пришла незаметно, как сон на посту.

Я проснулся сегодня в своей однокомнатной квартире на Комендантском проспекте. Зазвонил телефон в десять утра. Гали не было, она в это время уже на работе в своей поликлинике. Телефон звонил жалобно и нудно. Еще не зная кто на проводе, я понимал – человеку трудно дался этот звонок. Каким-то необъяснимым чутьем всегда определяю по звонку тональность предстоящего разговора. Не могу сказать, кто именно звонит, но вот настроение угадываю часто.

Сейчас я тоже не ошибся. Из трубки не сразу, а после нескольких томительных секунд, раздался тусклый, как свечка, голос Миши Радищева. Это мой давний друг, который не страдает абсолютно никакими комплексами, кроме одного – комплексом ежедневного, тяжкого похмелья. И на этот раз он просил, если окажусь в центре, принести ему что-нибудь. Я пообещал, ведь в центр-то и собирался. Мне предстоял невеселый поход в галерею, дабы в очередной раз испросить судьбу своих, безусловно непроданных, картин.

Через час я уже толкался на Невском. Нет в Питере более унылого места, чем эта галерея в конце ноября. На первый взгляд она выглядит респектабельно: недавно появились даже новенькие кремовые ширмы с финскими лампами. Тепло и чисто. Какими-то ароматизаторами несет. Пластмассовые пальмы и цветочки есть. Есть и картины, причем много: от пола до потолка. Нет лишь людей, которые их хотя бы смотрели, а не то чтобы покупали. Все это появляется только летом, да и то не всегда.

Владелица галереи, тучная брюнетка Роксана, национальности самой неопределимой. Она человек неплохой, но скучный. Или скучающий – это разные вещи, но выглядят одинаково. Роксана безучастливо и вежливо поведала, что торговля не идет. С заученными интонациями произнесла заклинание о грабительских налогах, об отсутствии в городе необходимого количества иностранцев, об общем упадке перед выборами и что, возможно, есть смысл попробовать счастья в другом месте, скажем на Марсе.

Я слушал и кивал головой, поглядывая кругом. Это уже привычка.

Диву даешься: как вопиюще много в Питере художников. Какое-то эпидемическое явление. Их выбрасывают пачками пять или шесть вузов, еще столько же училищ и десятки спецшкол. Они, как мухи на мед, слетаются на берега мутной Невы со всей России, которая сама ужасающе огромна. По стенам галереи теснились картины. Их уже некуда ставить, даже кладовки забиты до отказа. А хмурые бородачи продолжали нести свои картины нескончаемым потоком. Боже, сколько тут всего... Часто мне казалось, будто авторы и сами давно махнули рукой на свои шедевры, устав от пустых хождений. И теперь многочисленные холсты остались без родителей, как сироты в приюте.

С облегчением я покинул это место. Пройдя Пассаж, вспомнил, что надо позвонить моей бывшей жене. Она сама попросила об этом. Уже почти десять лет, как мы разошлись. Но у меня такое чувство, будто она каким-то образом до сих пор остается при мне. Порой казалось, что она наперед знала направление моего побега и «прибывала» туда раньше. Чувство, которое я при этом испытывал, возможно, похоже на то, что переживал капитан Скотт, увидев на долгожданном полюсе флаг расторопного Амундсена.

Женился я рановато, через три года после армии. Теперь моя бывшая половина – известная критикесса. Иногда вижу ее по телевизору, где она, выставив свои потрясные ноги, элегантно вещает о постмодернизме. В ее устах это затасканное словцо воспринимается как нечто эротическое. Нет-нет, да и встречаемся мы с ней на открытиях выставок или в мастерских моих знакомых художников. Но с тех пор, как я почти прекратил выходить в люди, наши встречи перешли на безвредный уровень телефонного общения. Но ей и этого хватает.

Честно говоря, и сам не понимаю, что было в голове, когда мы ступили в ЗАГС. Любовь, вероятно. Но уже тогда становилось ясно, что моя избранница принадлежит к категории женщин, которые всегда восхитительные любовницы и напрочь бездарные жены. Вокруг меня в те времена крутилось много пестрого народа, и моя половина плескалась в новом для нее обществе, как рыба в воде. Она давно рвалась туда. Ей нравилось нравиться. Красивая, броская, легкая на подъем и совсем уж не глупая. Умеет войти. И выйти тоже с годами научилась. Это все очень здорово. Только в жене не могут таиться одни лишь достоинства.

Она оказалась слишком целенаправленной, слишком прямо продиралась к успеху и быстро утомила своей неумной активностью. Я очень скоро заскучал, наблюдая ее всепожирающее восхождение. Не прошло и трех лет, как мы тихо, благополучно разошлись. Обошлось без криков и надрыва, да и делить было нечего, – детей не водилось. Я называл ее Мирок, поскольку настоящее имя, Мирра, восторга не вызывало: это двойное «рр» напоминало забуксовавший трактор или одинокий крик вороны.

Я позвонил Мирок из автомата. Что-то ей понадобилось от меня, такое бывает. Возможно биография Чаплина или книга по дзен-буддизму. А может просто спросит: «Ты не помнишь, в каком году повесился Жюль Паскин?» Не знаю, для каких целей ей нужны такие сведения, но я был первым, к кому она обращалась. Возможно, и последним тоже.

Иногда казалось, будто Мирок задает эти вопросы только, чтобы напомнить о себе. Инъекция памяти. Разрушение моей несложной антивирусной программы, так ей это виделось. «Ты не в курсе, какова высота пирамиды Хеопса? Мне надо для статьи». Мирок, я думаю, импровизировала на ходу. Так и вижу ее, кра

сиво очерченный силуэт на фоне темного окна, с телефонной трубкой в руке. Сигарета, Луи Армстронг, кофе... «Алло, это ты? Мне срочно нужны названия всех спутников Сатурна». Я лезу в книги и достаю нужный том. Потом зачитываю, как сутру благостные и вековечные названия: Эпитемиус, Лапетус, Янус, Рея, Прометей, Ариэль, Япет... Мне делается легко и вот я уже сам – Сатурн, вокруг тонкое кольцо, я уже в космосе, где одиноко летают в черном вакууме эти огромные глыбы.

Итак, я позвонил. Мирок дома не оказалось. Сделал звонок Гале. Она появилась у меня два года назад и я незаметно привык к ней. Так привыкают к удобной куртке: и выбросить жалко, и без нее плохо.

Галя ничего не понимала в искусстве. Однако в жизни кое-что повидала. Небо в алмазах узреть она не ожидала, поскольку точно знала, что место алмазов в Гохране, а не на небе. Работая медсестрой, Галя успела послужить и в богадельнях, и в психушке, и в морге, и в раковых больницах. Она любила жизнь, потому что знала, как хрупка и ненадежна эта обитель, называемое телом. Много пустых, холодных, а то и выпотрошенных «обителей», завернутых в казенную простыню, перевидела Галя. Я свыкся с галиным присутствием. Она не займет много места в моей жизни. Такие люди на это не способны, как не способна собака достать на дереве вожделенную кошку. Виновата не собака, виновато дерево. У Гали была очень приятная внешность и мирный характер. По сути, я выкинул белый флаг; стало смертельно лень таскаться по бабам, тащить их к себе в койку, выслушивать их монологи ни о чем, звонить, ждать, когда придут, потом ждать, когда же уйдут... Нет, я не был ловеласом, но и бороться с природой все равно, что копать яму посреди реки. Утомился от этой замысловатой беготни за особями противоположного пола. В этот-то момент и появилась Галя. И я притих, как провинившийся кот, а потом понял, что ничего мне больше и не нужно.

Гали не было ни дома, ни на работе. Видно пошла с врачом по вызовам. Самая подходящая работа для спокойной двадцатисемилетней женщины. Ей не хватало лишь свидетельства о браке, и Галя терпеливо ждала, когда я сам заговорю об этом. Кто знает, возможно, я бы именно так и сделал. Почему нет? Теперь это не имеет значения. Покойники не женятся. А Галя, придя вечером с работы, долго будет ждать моего звонка в уверенности, что я пью себе водочку с приятелем. То-то она удивится, что я помер. Не хотелось говорить Гале про сердечные боли, появившиеся в последний год. Зачем? Лучше не вызывать к себе жалость. Говорят, жалость унижает. Возможно. Скорее она лишает человека уверенности, как цемент лишает кирпич возможности свалиться кому-нибудь на голову.

ГЛАВА 3. -----

Миша Радищев... Идти к нему не хотелось. Но есть вещи, которые надо делать беспрекословно. Изредка привозить бутылочку Радищеву, по его просьбе, – это из них. Не следует задаваться вопросом, просто иди за «маленькой» и неси ее, родимую, к Радищеву, благо живет он в самом центре, на «Маяковской».

Больше десяти лет мы знакомы. Когда-то он тоже начинал со мной художником. Вскоре Радищев понял, что это не его удел. И правильно сделал. Из него быстро получился хороший критик, гораздо лучший, чем Мирок. Его статьи регулярно печатались. Радищев знал всех и вся. С кем он только не общался. Правда, тесная жизнь с художниками даром не обходится, и Мишу постигла всеобщая участь – он стал виртуозным пьяницей. Однако способностей своих, на удивление всем нам, не растерял. В редакциях журналов и газет его проклинали за ненадежность в сроках, за непредсказуемость в манерах, и все равно терпели. Радищев это понимал, поэтому продолжал безбожно опаздывать со статьями, и не менее безбожно настаивал на авансе и уважении к себе. Второе ему вытребовать удавалось, а вот первое далеко не всегда. Стоило Радищеву заполучить деньги, как он уходил в глубокий «штопор» и целую неделю не мог держать в руке не то что перо, но и просто стакан. Да и отсутствие дензнаков не являлось для Радищева проблемой. Он их все равно добывал.

От него уходили жены и подруги, но Радищев не менялся. Его любили за вечную готовность поддержать любую компанию. И непонятно было, как он умудрялся везде поспевать и все узнавать первым. Были у него и друзья, и враги, но Радищев изящно пил и с теми и с другими. Никто не мог держать на него камень за пазухой, ибо камень с появлением Радищева чудесным образом превращался в бутылку портвейна, а генерировать злбу с подобным грузом нелегко.

Когда Миша Радищев находился в похмелье и без копейки, он не сидел сложа руки. Миша доставал пухлую, невероятно засаленную записную книжку и звонил всем подряд. Уже на второй или третьей страничке искомая бутылка начинала отчетливо проявляться. Но не тот Миша человек, чтобы успокоиться на достигнутом. Он охватывал как можно большее количество обитателей своего блокнота, независимо от пола, возраста и вероисповедания. В результате этой титанической работы, в течение всего дня к нему приходили несколько носителей зелья. Вот и сейчас я был уверен, что окажусь не единственным посетителем его комнатенки.

Но я ошибся. У Радищева никого не было, а дверь мне открыла его соседка Зана. Южная женщина с каменным лицом и русским мужем, занимающимся хатха-йогой и лечебным голоданием по методу Гюрджиева.

– Мишка уснул. Но это ненадолго. Заходи, а я на кухню. У меня бастурма, – сообщив это, Зана убежала к плите, откуда доносились феерические запахи таинственного востока.

Редким же глупцом надо быть, чтобы, имея такую жену, заниматься голоданием.

Комната Миши не была просторной, но помню дни, когда в нее набивалось по десять – пятнадцать душ, и никому не казалось тесно. Сейчас в ней находился лишь хозяин. Он лежал на диване в позе зародыша. Радищев спал и снов не видел. Об этом свидетельствовали одухотворенное выражение лица и опорожненный «малек». Значит, чья-то добрая душа обслужила парня раньше меня. Миша спал с открытыми глаза

ми. Самой замечательной чертой Мишиного лица были, конечно, глаза. Их прозрачная синева мнилась за предельной. И она не пропадала в подпитии, а наоборот усиливалась. Глаза казались принадлежностью другого тела, не Мишиного. По этому поводу мне часто вспоминались строчки из одного французского поэта: «Эти глаза не твои. Где ты их взял?»

Я сел на стул у окна, выходившего в глухой «колодец». Вспомнился один дурацкий разговор с Мишей в прошлом году. Навестил я его с целой охапкой пива. Откупорив бутылку, Миша тускло сказал:

– Стал я смерти бояться. Ночью было совсем худо. Защемило сердце, как тисками.

Трепа ради, помню, ответил я ему:

– Ты прав, Мишель. Умирать ночью не рекомендуется. Только утром.

– Почему это?

– Просто, если ты окочуришься на рассвете, то у родственников будет лишний день в запасе для похоронных хлопот. А это немало. Хуже, если отдашь концы поздно вечером. Тогда твоей родне придется провести ужасную ночь в обществе трупа, лежащего в квартире. Ночью от покойника не быстро избавишься. Кроме того, не вздумай помирать зимой. Во-первых: тяжело и дорого долбить мерзлую землю. Во-вторых, для согрева все накрутятся еще до самих похорон. Не очень-то приличная картина. В третьих, каждый год вся эта орава родственников и друзей будет собираться в студеный холод у могилки и, стуча зубами, проклиная тебя на чем свет стоит лишь за то, что ты не дотянул до весны. Так что, если я и надумаю оставить эту землю, то только утром и только летом. Тогда и мои похороны, и мои поминки будут сплошным удовольствием для всех.

Обманул я Мишу Радищева: испустил дух зимой, к тому же поздно вечером. Может не стоило тогда болтать лишнего о смерти? Кто – то подслушал, как знать... О смерти вообще не следует болтать. Раньше люди это хорошо понимали. Теперь наоборот; лишь о ней и судачат, словно речь не о величайшей тайне мироздания, а о победительнице на конкурсе «Мисс Бюст».

Миша Радищев много раз порывался написать статью обо мне. Однажды почти собрался, но потом передумал. Я не спрашивал его о причинах. Он сам заговорил на эту тему:

– Слишком хорошо я тебя знаю. Это мешает. Что ни напишу – получается гораздо меньше, чем есть. О любом другом авторе можно нацарапать легко, цветисто, играючи. И совесть не болит. А когда пишу о тебе, весь повязан памятью, это давит. Видно, в нашем деле нужна дистанция. Ты уж не сердись. Тут как в стихах: « Суждены нам благие порывы. Но свершить ничего не дано».

Я не сердился. Нельзя на Радищева сердиться. Он мог спьяну мигом находить блистательные определения и обороты, но потом их уже не помнил. Например, об одном вычурно-экзальтированном скульпторе Миша мимоходом бросил:

– Каждое его изваяние напоминает надгробие, под коим покоится Восклицательный Знак.

Хорошо мне знакомый Боря Пауковский сделал офорты на тему гомосексуальной любви, и назвал их «Питерские ню». Радищев, разливая водку по стаканам, сказал Пауку:

– Ты переименуй эту серию. Больше подойдет «Пидорские ню».

Молоденькой художнице, увлекшейся картинами религиозно-мистического содержания, он заявил напрямик:

– У тебя там столько крестов, что зрителю надо носить с собой большую крестовую отвертку.

Сейчас Радищев мирно спал. На столе, среди всяческого барахла, стоял старенький компьютер. Там же валялся недописанный текст статьи, вероятно тоже просроченной. Ни начала, ни окончания статьи я не нашел, как ни искал. Почему б не почитать? Автор, я уверен, обижаться бы не стал.

"...вот почему сейчас среди продвинутых личностей все громче голоса, толкующие о так называемом самоотрицании. (Не путать с самообрезанием). Суть навязчивого постулата в следующем: если ты принадлежишь русской культурной традиции, то лучше об этом помалкивать, а то хлопот не оберешься. Быть внутри русской культурной традиции сейчас неприлично. За нее к тому же никто не платит.

За еврейскую культурную традицию пока еще платят, но уже неохотно. Надо было раньше держаться. Теперь слишком много мохнатых лап тянутся к кормушке с мацой. Там, кстати, и евреев то почти нету, ибо они другим заняты. За космополитизм, то есть за культурную традицию универсальную и всем равно необходимую (как, например, водопровод или аспирин) платят плохо, – нерегулярно и все меньше. Америкашки давно уже раскусили ими же вброшенный в голодную толпу расейского андерграунда лозунг: " Имидж – ничто! Жажда – все!" Теперь глупые янки прячутся от полчищ "жаждущих" и что-то невнятно лопочут о возвращении к национальным корням. Как бы не так. Дураков нет.

Еще недавно можно было неплохо подъедаться, припадая изредка к гомосексуальной традиции (да, есть и такая). Но «голубые» граждане быстро разоблачили проницательных перебежчиков, которые журналистам наперебой заявляли о своей отчаянной голубизне, но стоило их прижать в теплом месте, как мерзавцы убежали прочь, спасая свои задницы.

Одним словом, обмелели ручейки культурных новаций, да и сама надобность в них тоже подвергнута сомнению. Бродят растерянные художники, словно стадо без поводья. Расползлись по белу свету в поисках верного куска хлеба суровые "концептуалисты" и давно уж передвигаются на "Мерседесах" всякие раздобревшие "митьки" и гладенькие "новые Новые". Другие персонажи метаются ныне в поисках своего места и не находят его, (и не найдут) так как место сие кануло в небытие и остались лишь суетливые художники, которые не поняли еще, что игра в высокое искусство завершилась и все уже сделано. Грядет нечто иное... Опустила, обезлюдела сцена Театра Грез, только уборщицы устало сметают с нее бурые огрызки, окурки да пыльные ценники.

А что же граждане россияне? Заметили они подобную утрату? Нет, – отвечаю я, – не заметили и не заметят. Людям лишь тогда необходимо искусство, когда реальная жизнь или намного отстает от художника или далеко его опережает. Между жизнью и искусством всегда нужна пропасть. А нынче реальность равна авторам и неинтересно это. Такое равенство бесплодно, способно оно на поступки, на безоглядность жеста..."

На этом рукопись обрывалась. Автор по-прежнему сладко спал.

Спи спокойно, дорогой товарищ, подумал я. Тебе еще интересны эти игры, тебе еще хочется разобраться и найти смысл в том, что бессмысленно. Ищи, Радищев, ищи. Твой знаменитый однофамилец ради этого даже проехался из Питера в Белокаменную и, по его же признанию, лучше бы этого не делал.

Однажды мы сидели у Радищева и пили водку. Я первым залудил стопку и констатировал:

– Прелесть.

Радищев назидательно произнес тогда:

– Ты, Мишель, даже не знаешь, насколько ты сейчас прав.

– В смысле? – удивился я.

– В смысле водки и прелести. В одной старой летописи говорится о захвате Смоленска литовцами. Написано же дословно так: "*Князь Литовский Витовтъ взя Смоленскъ прелестью и свои намьстники посади.*" Странно, да? Как это – прелестью? Ладно бы княжна или принцесса. А то – князь и вдруг «прелестью». Оказалось, дело в следующем. Слово *прелесть*, как и *лесть*, означало в древнерусском языке "*обман, хитрость, коварство*". Лжедмитрий, кстати, тоже писал *прелестные* письма. Это не значит, что стиль и слог этих посланий был изящен, нет. Просто письма были насквозь лживы и призывали к измене.

– Таким образом, что?

– Таким образом, – изрек Радищев, – Слово *прелесть* претерпело серьезное семантическое изменение, став из резко отрицательного – резко положительным. Неудивительно. У нас страна сюрпризов. Так что, водка – это прелесть. Дальше сам думай, а я лучше выпью.

Я оставил на столе Радищева маленькую «Столичной» и без лишнего шума ушел. Еще недавно и сам бы выпил с ним, но сейчас не хотелось, какой-то внутренний тормоз мешал. И правильно, что не выпил. Умирать пьяным – это несерьезно. Смерть – слишком торжественный гость, чтобы встречать его на четвереньках.

Больше в городе дел не было. А для прогулок погода не из лучших. Я поехал домой.

ГЛАВА 4 -----

Волнующее описание дома художника могло бы получиться. Увы, не выйдет его. Всю жизнь я прожил в старом городе. И вот, переехав два года назад в чертовы новостройки, так и не сумел здесь обжиться.

Большая и светлая комната на шестнадцатом этаже. Битком все набито книгами, пластинками, кассеты кругом лежат. У окна, как и положено, повисавший вид мольберт. Картин на стенах не наблюдается. На это можете не рассчитывать. Давно перестал их вешать. Картина интересна мне, пока я делаю ее. А когда вещь закончена, заканчивается и интерес. В голове уже гудит следующая идея. А готовый холст я забрасываю на антресоли, иногда в коридор или на кухню, лицом к стене, как провинившегося школяра, будто это он виноват в моей нескончаемой гонке за фальшивым зайцем.

Нечего больше сообщить о своем жилище. Это просто место, где есть я. Вот и все. И, если кто-то думает, что портрет дома равен портрету хозяина, то в моем случае это не работает. В последние годы я дистанцировался от многих вещей, которые способны дать представление об их владельце.

Неизвестно, как бы сложились дела, если бы не позвонила Мирок. Она и тут умудрилась перехватить миссию у Гермеса и выступила своеобразной вестницей богов. Телефон весь kloкотал высокими, настойчивыми трелями. Он бесцеремонно разрывал тишину. Так звонит только она. А вот и ее мелодичный, задорный голос. Интонации несколько жеманные. Видимся мы редко, и Мирок продолжает даже голосом испускать томные флюиды на всех мужчин, включая по привычке и меня.

– Привет. Звоню по делу, – сразу сообщает Мирок, чтобы я не особо раздражался.

– Ну, так излагай.

– Ты один? (читай: «Галя рядом не болтается ли? »)

– Нет, я не один. (А сам-то знаю: человек всегда один. Где бы и с кем бы ни был.)

Это для того, чтобы Мирок изъяснялась сухими фактами, а не рассусоливала светские подробности.

– Врешь, – смеется Мирок. – Будь кто-то рядом, ты бы просто сказал «Нет». Я-то знаю твою деликатность. А раз ты ответил: «Нет, не один», то сразу ясно, что никого с тобой сейчас нету.

Недооцениваю я женщин. Или не знаю их совсем. Как можно видеть невидимое? Недаром часто сравнивают с кошками.

Дальше выяснилось, что Мирок уже договорилась, без моего, разумеется, ведома, что одна галерея возьмет мои картины на выставку-продажу не то в Цюрих, не то в Вену. Все эти Цюрихи, Миланы, Эдинбурги – они уже давно у меня превратились в некую охраняемую церберами территорию, куда просачиваются мои картины, но сам я никогда не попаду. Подобные благотворительные акции Мирок совершает регулярно. Я не менее регулярно пытаюсь отказываться от них, иногда даже бросаю трубку. Мне очень нужны деньги, но получать их через Мирок не хотелось бы. И я старался удержаться. Но ничего не получалось. Мирок начала действовать через Галю, названивая ей, и тогда приходится сдавать крепость.

– Я не пойду туда, – привычно начинаю хилую оборону.

– Опять ты за свою вольнку.
 – Знаю я эту галерею. Снова половину картин потеряют или скажут мне, что потеряли.
 – Не так уж мало у тебя полотен. Почему не попробовать?
 – Значит, не надо их жалеть, так что ли?
 – Да они все равно у тебя в коридоре пыль собирают.
 – Я пишу одну картину месяц, – напомнил я Мирок, давно известный ей факт, и этот факт никогда не приводил ее в восторг. Мирок постепенно набирает разгон:
 – Томление духа, горечь одиночества, трепет божественного откровения. Знаем, знаем. Неужели тебе не надоели эти игры? Ты что, всерьез считаешь, будто этим сможешь что-то доказать? Дело надо делать, а не рефлексировать на диване. Никуда не ходишь, ничего не видишь. А тебя, между прочим, пока еще помнят многие. Сама удивляюсь. Но это пока. Недалек тот день, когда забудут совсем.

Пауза. Слышу щелчок зажигалки. Я смотрю на люстру и вижу там развесистую паутину. Странное дело, откуда в почти новой квартире такая старая паутина. Хотя, со мной это вполне допустимо.

– Не спи! – кричит в трубку Мирок.

Далее последовало двадцать минут разной тональности уговоров. Опять я сдался. Сдался, чтобы потом ненавидеть свою неспособность сказать Мирок «нет». Она говорила, что сама отвезет картины в галерею, но я должен передать их ее знакомому, причем сегодня, в десять тридцать вечера, на метро «Петроградская».

Зачем Мирок так суетится со мной? Я догадывался, но никогда с ней не говорил на эту скользкую тему. Мне кажется, для Мирок я остался, пользуясь словарем энтомологов, единственной непойманной бабочкой. Она обросла опытом, узнала людей и теперь мало походила на восторженную девицу, которую я встретил когда-то. Моя жизнь, мои побуждения никак не давались Мирок. Они и мне самому не всегда ясны, а уж Мирок, с ее прямолинейной логикой, и вовсе не под силу. Она и сейчас из-за этого непонимания, не смотря на свой менторский тон, в душе побаивалась меня.

Она хотела бы обрести еще одно лицо. Кстати, о лицах. Мирок их, можно сказать коллекционировала. В переносном смысле, конечно. Я имею в виду лицо, как образ. Есть образ чарующей, томно-скупающей женщины, в стиле черный декаданс. Есть образ всезнающей, многоопытной наставницы. Есть образ, прямо обратный: восторженная, трепетная гимназистка, мило и трогательно обращенная в мир своей непосредственностью. Имеется образ недоступной и таинственной дамы тонких энергий, она общается с духами и полна жреческой величественности. Неподалеку образ усталой воительницы за высшую справедливость, такая святая Катарина с ноутбуком в руках. Есть еще женщина–тигр, женщина–очаг, и наконец, женщина–прощенье.

Если бы вдруг я стал хоть чуточку известен, то у Мирок появился бы в коллекции еще один образ. Образ верной подруги, хоть и бывшей, поддерживавшей Мастера в трудную пору глухоты и непонимания миром его дарования.

Я понимаю тебя, Мирок. Теперь, когда я умер, ты не потеряешь самообладания. Уверен, ты быстро и толково организуешь посмертную выставку. И речь не о деньгах. Для тебя есть вещи куда серьезней: внимание, успех, обожание. Ты сотворишь с моими картинами то, что было мне не под силу: чудо. Они начнут крутиться, заявлять о себе, набирать очки. Но я уже далече и тебе меня нынче не достать.

Ты узнаешь о моей смерти завтра утром. Скорее всего, тебе позвонит Галя. И ты моментально примешь один из глубоко прибереженных образов. Здесь подошел бы образ женщины – прощенья, хотя бездонны твои кладовые, и ты, как знать, извлечешь по такому случаю что-то похожее на твое настоящее лицо, которое я никогда не видел.

На похоронах ты незаметно и твердо оттеснишь Галю на второй план. Галя не искушена в таких делах. Да и не сможет она в эту минуту думать о чем-то постороннем. А ты сможешь. Не потому, что черства до крайности, нет и твоя лакированная твердость способна вздрагивать. Просто ты умеешь себя подавать, а повод значения не имеет. Тебе, Мирок, тоже будет жаль меня. Ты сможешь быть на высоте в этот день, я уверен. Ты красиво, со вкусом оденешься. Народу-то наберется немало. Придут все, кого я уже и не видал давно. Ты будешь в черном. Женщина-скорбь. Вероятно, пригодятся тряпки, привезенные недавно из Европы. Что-нибудь шелковое, вьющееся. Немного строгих французских духов и минимум косметики.

К тебе будут подходить со всякой похоронно-приторной ерундой разные люди. Мои коллеги по несчастью, художники, в кучке разольют по стаканам ледяную водку и выпьют, не чокаясь. Кое-кто из них прикатит туда на «Мерседесе», а кое-кто на автобусе «зайцем». Любопытное получится зрелище. Даже самому интересно.

После разговора с Мирок я лежал и долго смотрел на люстру. Вспомнился Радищев, со своими рассуждениями о культурных традициях. Глупость, вероятно, несусветная. Как и все, что нельзя подарить или отнять. Свобода – это только лишь конец сомнению, равнодушию и к правым и к виноватым., поскольку их уже не отличить издали. Безлюдный остров на быстрой реке. Свобода – это мертвое тело среди морозного безлюдья. Свежевывающий снег. Огромные туши домов и редкие машины простреливают фарами темноту ноябрьской ночи. Да еще вороны проносятся сквозь тебя. Попробуй, нарисуй.

ГЛАВА 5 -----

Я передал картины какому-то долговязому парню у входа на «Петроградскую». Хотел сразу и домой, но тот еще минут двадцать кудряво излагал мне свой умопомрачительный проект, под названием «Акция чистого неба». Предполагалось, что полсотни художников сделают по картине, где изображалось бы одно только небо. Долговязый притягивал сюда идею с экологией и рассчитывал с помощью «Гринписа» прокатиться задарма по Европе.

Слушал я его кое-как, потому что сердце болело все сильнее. Затем он сунул картины в свой «Опель-кадетт» и уехал. Снова я занырнул в теплую пасть метро. Там стало еще хуже. Натужно колыхался вагон, и полы подо мной уплывали то вправо, то влево. Потолок временами опрокидывался, как палатка на ветру. Пот выступил крупными каплями. Боль нарастала стремительно. Потом отпустило. Когда выходил из вагона, опять зашатало, и я слегка придавил молодую женщину в рыжей дубленке. Росту я, надо сказать, почти метр девяносто и вес соответствующий. Женщина тихо ругнулась и поспешила прочь.

Трамвая на остановке не было. Его может не быть долго. Проклятая боль, кажется, ослабла. Пройтись пешком не в новинку. Всего лишь несколько остановок. Ничего, дойду. Через десять минут, когда я перешел проспект, сразу за перекрестком, невидимое шило железным холодом влетело в сердце. Что-то треснуло, будто скорлупа. Воздух в горле начал стремительно затвердевать. Последнее, что помню, так это гроздь серебристых нитей, падающих от неоновых фонарей. И еще горячий снег на щеке, когда я рухнул в него там у деревьев. Удивительно, подумал я, в такой зверский холод и вдруг – невероятно горячий снег, так не бывает.

Я не закрывал глаз.

Наоборот, старался смотреть до последнего. Но зрение отключилось само, а я продолжал лежать с открытыми глазами. Мне показалось, будто куда-то волокут по снегу бесчувственное тело. Куда и кто? Ни минуты не думал о смерти. Даже, когда из крошечной тьмы стали проявляться и исчезать далекие, еле слышимые шумы, когда чувства стали стремительно собираться в один квадратный комок где-то на позвоночнике, даже тогда не думал о смерти. И только, когда выплыл из своего тулупа и повис в метре над ним, только тогда я понял – она пришла. Вот, значит, какая. Моя...

(Продолжение следует)

Журнал **``ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ``** читают в таких странах мира, как
Франция, США, Канада, Финляндия, Германия, Чехия,
и в таких городах России, как
Москва, Калуга, Вологда, Пермь, Оренбург, Череповец, Юхнов

Журнал патронируют
Санкт-Петербургское отделение фонда М.С.Горбачева
и некоторые районные отделы народного образования Санкт-Петербурга

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ № 2
СПб, 2002 г.

Главный художник – Юрий Сорокин
Главный менеджер – Игорь Сафронов
Компьютерный набор, верстка и техническое редактирование – А.Ф. Баранов

Сдано в набор:
Подписано в печать:
Формат
Усл. печ. л.
Тираж
Заказ №

Журнал "Изящная словесность" зарегистрирован в Северо-Западном окружном межрегиональном территориальном Управлении Министерства Российской Федерации по делам печати, телевидения и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 2-5086 от 16 марта 2001 года.